

АННА ДУБРОВСКАЯ:

*«Желаю всем, чтобы каждый день нового года
был наполнен творческим вдохновением!
Счастья и мирного неба над головой!»*

*С Новым годом,
дорогие наши гитатели!*

*Счастья, удачи и любви
в наступающем
2025 году!*

Это интересно

Светлана Марлинская	Новый год настает... ..4
Александр Ралот	Антиподы15

Рассказ

Юлия Макарова	Три девицы у окна22
---------------	---------------------------

Забытые имена

Евгений Никитин	Незаслуженно забытая36
-----------------	------------------------------

Судьба художника

Ирина Опимах	Как искусство лечит душевные раны51
--------------	---

Замечательные современники

Дарья Парчинская	Анна Дубровская: «Когда работаешь над ролью, — это тот багаж, который накопился у тебя внутри»58
------------------	--

Житейские истории

Дмитрий Дарин	Завещание72
---------------	-------------------

Судьбы

Алла Зубкова	Жизнь на пуантах77
--------------	--------------------------

Посмеемся вместе

Анастасия Васильева	Таксидермист Митя90
---------------------	---------------------------

Молодые таланты

Дмитрий Соколов	Дмитрий Трофимов: «Чем больше узнаешь, тем больше от тебя отдаляется совершенство»106
-----------------	---

Звезды не гаснут

Юрий Осипов	Певец женской души112
-------------	-----------------------------

Неизвестное об известном

Евгения Гордиенко	Героиня своего времени125
-------------------	---------------------------------

Детектив

Георгий Ланской	«Синий лед»130
-----------------	----------------------

Кроссворд. Эрудит

.....	188
-------	-----

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизиллов Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Киноактриса и актриса театра
им. Вахтангова
Фото из личного архива

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

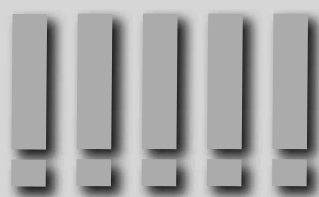
Зак. №

Цена свободная

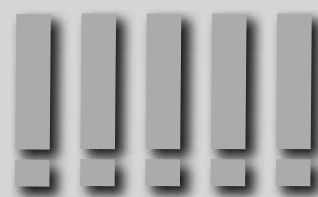
Номер подписан в печать: 13.12.2024

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ, конкурс

Дорогие читатели!

Лев Николаевич Толстой писал в своем дневнике: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома». И он был прав, потому что самое ценное, что мы имеем, это наш дом, наша семья, наши родители и дети. Дом — это наш очаг, который мы стараемся поддерживать и сохранять. Но кроме этого, у каждого из нас есть еще один дом — родительский. Там нас любят, ждут и простят все наши промахи и ошибки. Это наши родители, наши бабушки и дедушки. Какие у вас с ними отношения? Передаете ли вы любовь к ним своим детям? Это очень важно, потому что в трудные моменты нашей жизни мы, в первую очередь, спешим к своим родителям, чтобы обрести «почву под ногами».

Самые любящие, самые преданные, они всегда готовы помочь, потому что их сердца наполнены любовью к нам.

Вот мы и решили в 2025 году объявить конкурс

«ТЕПЛО РОДНОГО ОЧАГА»

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru
до конца октября 2025 года.

Итоги будут подведены в конце года и опубликованы в первом номере 2026 года, а победители получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

Светлана Марлинская

Новый год настает...

Новый год... Один из самых любимых наших праздников — с пушистым снегом за окном, запахом елочной хвои, сверканием разноцветных игрушек и мишуры, обязательным фейерверком, подарками, а также с нарядным Дедом Морозом и очаровательной Снегурочкой. Мы долго ждем его, а когда 31 декабря в полночь бьют часы, радуемся наступившему году, надеясь на лучшие времена, и грустим, провожая уходящий. Новогодние праздники на Руси — это всегда нечто загадочное и необъяснимое. Их то вводят, то отменяют, то отмечают осенью, то в середине зимы. В двадцатом веке вообще образовалось два Новых года — Старый и Новый. Ну как тут не вспомнить ставшую расхожей стихотворную строку «умом Россию не понять»? А если все-таки попробовать?..

Начало празднования Нового года следует искать в глубокой древности. Все языческие народы ознаменовывали его разными богослужебными обрядами, торжественными приношениями и забавами. Египтяне праздновали воскрешение Озириса, или Новый год, в середине осени — во время разлива реки Нил, так как только после разлива этой величайшей реки безжизненная пустыня превращалась в цветущий сад. В канун нового года они ставили статуи своих богов в лодку и пускали по течению. Лодка плавала по Нилу месяц, сопровождаемая пением, танцами и весельем жителей. Затем богов возвращали обратно в храмы.

В Древнем Вавилоне Новый год встречали весной. На время праздника царь покидал город. В его отсутствие народ гулял и веселился. Спустя несколько дней царь и его свита торжественно возвращались в город, а горожане возвращались к работе.

В далеком прошлом персы на Новый год дарили друг другу яйца. Это символизировало продолжение рода.

Греки, любившие веселье и удовольствия, бегали толпами по домам, где их угощали, и все веселились. Женщины, более изобретательные в удовольствиях, наряжались в мужские платья, или, собравшись на званые вечера, занимались гаданием и пением песен.

В Древнем Риме Новый год праздновали в начале марта до тех пор, пока Юлий Цезарь не ввел новый календарь (сейчас его называют юли-

анским). После этого первым днем нового года стали считать первый день января. Свое название январь получил в честь римского бога — двуликого Януса. В новогодний праздник римляне украшали дома и дарили друг другу подарки и монеты с изображением двуликого Януса. Празднования продолжались несколько дней. В это время рабы и их хозяева ели, пили и веселились вместе. Римляне преподносили подарки своему императору. Начинание было добровольным, но со временем стало обязательным — императоры требовали богатых подношений к Новому году. Затем все придавались забавам: пировали, танцевали и бегали в масках по улицам до глубокой ночи. В эти дни считалось бесстыдным вести между собою раздоры; все должны были примириться и прекратить тяжбы.

Кельты, жители Галлии, встречали Новый год в конце октября. Традиционно они украшали свои дома

омелой, чтобы изгнать призраков. Считалось, что именно в Новый год духи умерших возвращаются на землю. Кельты унаследовали некоторые римские традиции, в том числе и требование новогодних подношений от подданных. Дарили обычно украшения и золото, а еще мужья давали женам деньги на булавки и другие безделушки.

На Руси примерно до X века Новый год начинался в дни, близкие к весеннему равноденствию. И, согласитесь, в этом была своя логика. Природа пробуждается от зимнего сна, зарождается новая жизнь, начинается... правильно, новый год, жестко поделенный на различные периоды исключительно по признаку сельскохозяйственной целесообразности. И праздновали его тогда, когда могли оторваться от своих орудий производства без особого ущерба.

Весело праздновали. А в конце X века Древняя Русь приняла христианство, византийское летоисчисление и юлианский календарь. Год разделили на 12 месяцев, но названия

им дали все-таки связанные с явлениями природы. Мудрые же священнослужители старались новые церковные праздники назначать на привычные людям праздничные дни и сквозь пальцы смотрели на отзвуки язычества в этих праздниках. Святки, например, существуют с незапамятных пор, просто эту веселую неделю православная церковь очень удачно разместила между чисто религиозными торжествами.

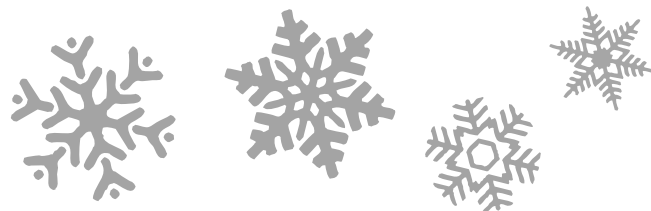
И все равно вплоть до конца XIV века летоисчисление вели от сотворения мира, а новый год на Руси начинался теперь по православному церковному календарю и праздновался 1 сентября. Это был День Симеона Летопроводца, или Семенов день, как его стали называть позднее. Именно в этот день собирался оброк, подати, вершился личный царский суд. Так было заведено при царе Иване III и окончательно установилось при его внуке, царе Иване IV.

Народ, для которого этот праздник был не слишком-то веселым, кряхтел, платил оброк и подати, пы-

тался найти справедливости в «царевом суде». А в то же самое время в Успенском и Благовещенском соборах Московского Кремля проходили праздничные службы: крестный ход, чтение Евангелия и Апостола, освящение воды, омовение икон. В церемонии участвовали патриарх и царь, приглашались бояре и воеводы, думные дворяне и дьяки — словом, праздновали те, у кого для этого действительно был повод.

Иностранные послы преподносили различные заморские дары. Чаще всего это были часы — большая редкость на Руси в те времена. В первый день нового года отличившихся подданных цари жаловали чинами и наградами, деньгами и соболями шубами, золотыми и серебряными кубками, сыпали в толпу мелкие деньги. Богатые люди раздавали по приютам милостыню или посылали еду — пироги, калачи, пряники, а также одежду. А поскольку в отличие от современного Нового года Семенов день никак не попадал в пост, в царских палатах Московского Кремля устраивался праздничный пир, который, по традиции, открывал приготовленный целиком жареный лебедь. На стол, как предписывал «Домострой», подавались также говядина и свинина; утки и куры, стерлядь и лососина, языки, потроха лебедей, цапель, журавлей и уток и другие не менее вкусные продукты радовали своим разнообразием приглашенных. Обязательными блюдами на столе были кутья, взвар, блины, толокно и кисель.

Традиционно подавалось большое количество разнообразных пирогов и пирожков, а также блины, оладьи, хворосты, караваи. Среди напитков наиболее популярными были мед, ягодный морс, квас и настоящая на различных травах водка. Без приглашения в гости не ходили: «незванный гость хуже татарина», — гласила русская поговорка.

Так продолжалось двести с лишним лет. А потом началась новая эпоха — эпоха перемен Петра, который действительно «за волосы поволок» Россию к столь любезным его сердцу европейским порядкам и помимо обривания бород боярам и переодевания их в панталоны и кафтаны повелел указом от 15 декабря 1699 года: «Поелику в России считают Новый год по-разному, с сего числа перестать дурить головы людям и считать Новый год повсеместно с первого января. А в знак доброго начинания и веселия поздравить друг друга с Новым годом, желая в делах благополучия и в семье благоденствия. В честь Нового года учинять украшения из елей, детей забавлять, на санках катать с гор. А взрослым людям пьянства и мордобоя не учинять — на то других дней хватает».

С царями, как известно, спорить невозможно. С перекошенными от изумления и недовольства лицами горожане (крестьян сие нововведение практически не коснулось, да они

никого и не волновали), стали «учинять украшения из елей», запускать фейерверки и жечь смоляные факелы. Но ведь русский народ — народ особенный, он и царский указ сумел частично проигнорировать. Пьянства и мордобоя в новогодние праздники было, пожалуй, даже больше, нежели в другие дни...

Летоисчисление петровским же указом стали производить от Рождества Христова — «как у всех». Церковники, было, возмутились, но утешились тем, что календарь Петр оставил все-таки юлианский, а также разрешил писать в документах две даты — от Сотворения мира и от Рождества Христова. Хотя само празднование Нового года 1 января было установлено христианской церковью и приурочено к празднику Обрезания Господня — древнему празднику, ведущему свою историю от первых веков христианства. В этот день церковь вспоминала обрезание, совершенное во исполнение Моисеева закона над божественным младенцем на восьмой день после рождения с наречением имени Иисус, то есть Спаситель.

Об этом событии свидетельствуют строки Нового Завета:

«По прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать Младенца, дали Ему имя Иисус, нареченное Ангелом прежде зачатия Его во чреве» (Лк. 2:21).

Небольшое пояснение для тех, кто уже окончательно запутался в датах и календарях. Древняя церковь отмечала Рождество по юлианскому календарю, действовавшему тогда на территории всей Римской империи и введенному в 45 году до нашей эры по инициативе императора Юлия Цезаря. Но, как выяснилось, этот календарь неточен, и за 128 лет набегает отставание, равное целым суткам по отношению к точному астрономическому времени. Чтобы исправить эту погрешность, Римский Папа Григорий XIII в 1582 году провел реформу календаря. Так что после 4 октября 1582 года сразу наступило 15 октября, потому что к тому времени календарь «запаздывал» на 10 дней. Новый календарь получил название григорианского. Но Русская православная церковь на новый стиль не перешла, считая, что менять календарь, которым она испокон веков пользовалась, нельзя.

Теперь отставание юлианского календаря от астрономического времени составляет уже 13 дней, так что сторонникам старого стиля Рождество приходится праздновать 7 января по гражданскому календарю.

Никто особенно не ропщет: четыре праздника вместо двух — это ровно в два раза больше веселья. Особенно теперь, когда россиянам устроили десятидневные «новогодние каникулы», а особо изобретательные умудряются «стартовать» 25 декабря («католическое рождество») и финишировать 14 января («Старый Новый год»). Поди-ка плохо!

Важно отметить, что, несмотря на реформы Петра I и советские преобразования, православная церковь по сей день сохранила дату 1-е сентября как начало нового года. Таким образом, и сейчас сохраняется двойная система отсчета года: церковная и официальная гражданская.

Но до революционных вихрей, разрушивших все до основания, было еще очень далеко. А после смерти Петра I созданные им традиции встречи Нового года сохранились и даже претерпели изменения к лучшему. В «женский» XVIII век к парадным и фейерверкам, прославляющим военные победы, добавились музыкальные вечера, более красочными стали балы. На придворных маскарадах все должны были быть в «маскерадных платьях: доминах, венецианах, капуцинах...», ибо главная интрига на маскараде — не быть узнанным. Бал открывал менуэт, этикетный символ 18 века, полонез или «польский» танец. На новогоднем столе, кроме традиционных для России напитков, появились кофе, шоколад, лимонад...

Следует, однако, отметить, что предписания Петра об украшениях домов сохранились к этому времени только в убранстве питейных заведений. Перед Новым годом у ворот кабаков или на их крышах ставились елки, привязанные к колу. Стояли они там до следующего года и были своеобразным «фирменным» знаком питейных заведений. Иногда вместо елок ставили молодые сосенки. Этот обычай продер-

жался в течение очень долгого времени.

А вот когда появилась на Руси первая «домашняя» елка, точно не известно. В мемуарной литературе имеются упоминания о том, что обычай ставить на праздник в парадной зале богато украшенную елку был ввезен в Россию женой Николая I прусской принцессой. Вполне возможно: принцесса Шарлотта, во святом крещении благоверная государыня Александра Федоровна, очень любила праздники во всех их видах и наверняка тосковала по детским воспоминаниям о новогодних украшениях и подарках.

По другим свидетельствам, первые рождественские (заметьте, не новогодние, а именно рождественские!) елки появились в домах петербургских немцев, тоже по ностальгическим причинам. В канун праздника Рождества Христова елки, украшенные фонариками и игрушками, конфетами, фруктами и орехами, ставились только для детей. Подростки получали в подарок книги, одежду, серебро. Девушкам дарили букеты, альбомы, шали. Со временем и дети стали дарить родителям подарки, — вещи собственного изготовления: предметы рукоделия, поделки из дерева и других материалов, рисунки, стихи.

Следом за немцами в русских домах петербургской знати также начали ставить для детей елки. Лесные красавицы украшались восковыми свечами и фонариками, цветами и лентами, орехами, яблоками, кон-

фетами. Первоначально елка стояла один день, затем эти сроки все более удлинялись: два дня, три, до Крещения или до конца Святков.

Повсеместно распространилась немецкая традиция только во второй половине 19 века, когда перед Рождеством елки стали продавать на специальных базарах Петербурга и Москвы. Они засверкали своими огнями не только в великосветских салонах, но и в домах бедных чиновников.

На первых порах нахождение в доме рождественского дерева ограничивалось одним вечером. Накануне Рождества еловое дерево тайно от детей проносили в лучшее помещение дома — в залу или в гостиную, и там устанавливали. К ветвям прикрепляли свечи, на елке развешивали лакомства, украшения, под ней раскладывали подарки, которые, как и саму елку, готовили в строгом секрете. И наконец, перед самым впуском детей в залу, на дереве зажи-

гали свечи. Входить в помещение, где устанавливалась елка, до специального разрешения строжайшим образом запрещалось. Чаще всего на это время детей уводили в какую-либо другую комнату, поэтому они не могли видеть то, что делалось в доме, но по разным знакам стремились угадать, что происходит: прислушивались, подглядывали в замочную скважину или в дверную щель. Как вспоминала, например, Анастасия Цветаева, «елку прятали от нас ровно с такой же страстью, с какой мы мечтали ее увидеть».

Когда же, наконец, все приготовления заканчивались, двери в залу открывали. Этот момент раскрывания, распаивания дверей присутствует во множестве мемуаров, рассказов и стихотворений о празднике елки: он был для детей долгожданным и страстно желанным мигом вступления в «елочное пространство», их соединением с волшебным древом.

Первой реакцией было оцепенение, почти остоленение. Представ перед детьми во всей своей красе, разукрашенная «на самый блистательный лад» елка неизменно вызывала изумление, восхищение, восторг. В общем, достаточно послушать, например, песню Елены Камбуровой «Елка», чтобы проникнуться волшебством и очарованием этого момента.

Постепенно на «праздник елки» стали приглашать детей знакомых и родственников. С одной стороны, родителям хотелось продлить праздник и то наслаждение, которое от него получали дети, а с другой — им хотелось похвалиться перед чужими взрослыми и детьми красотой своего дерева, богатством его убранства, приготовленными подарками, угощением. На таких праздниках, получивших название «детских елок», помимо младшего поколения всегда присутствовали и взрослые: родители или сопровождавшие детей старшие. Приглашали также детей гувернанток, учителей, прислуги.

Со временем начали устраиваться праздники елки и для взрослых, на которые родители уезжали одни, без детей. Первая публичная елка была организована в 1852 году в петербургском Екатерингофском вокзале, возведенном в 1823 году в Екатерингофском загородном саду. Установленная в зале вокзала огромная ель одной стороной прилегала к стене, а другая была разукрашена лоскутами разноцветной бумаги. Вслед за нею публичные елки начали устраивать в дворянских, офицерских и купече-

ских собраниях, клубах, театрах и других местах. Москва не отставала от невиской столицы: с начала 1850-х годов праздники елки в зале Благородного московского собрания также стали ежегодными.

Елки для взрослых мало чем отличались от традиционных святочных вечеров, балов, маскарадов, получивших распространение еще с XVIII века, а разукрашенное дерево сделалось просто модной и со временем обязательной деталью праздничного убранства залы. В романе «Доктор Живаго» Борис Пастернак пишет:

С незапамятных времен елки у Свентицких устраивались по такому образцу. В десять, когда разъезжалась детвора, зажигали вторую для молодежи и взрослых и веселились до утра. Только пожилые всю ночь резались в карты в трехстенной помпейской гостиной, которая была продолжением зала... На рассвете ужинали всем обществом... Мимо жарко дышащей елки, опоясанной в несколько рядов струящимся сиянием, шурша платьями и наступая друг другу на ноги, двигалась черная стена прогуливающих и разговаривающих, не занятых танцами. Внутри круга бешено вертелись танцующие...»

К концу столетия елка уже прочно вошла в быт городов России и

помещичьих усадеб. Это был период ее расцвета, апофеоз истинно детского праздника, который запоминался на всю жизнь. Только вот привычных нам сейчас Деда Мороза и Снегурочки... не было!

Кстати, и вступление в новый, 20-й век в России встретили без особого ажиотажа: никто не считал это какой-то мистической датой или преддверием роковых событий. Правда, в Москве, в здании Манежа, с 26 декабря по 7 января 1901 года были поставлены огромные картины-диорамы, изображающие наиболее значительные события уходящего века, играли три оркестра, вниманию публики была представлена пьеса «Мировое обозрение». В канун Нового года, в 12 часов ночи, во всех соборах и храмах города совершались молебны. После службы многие горожане продолжали празднование в ресторанах и клубах, на балах или танцевальных вечерах, в Манеже. Не сравнить с ажиотажем и шумихой сто лет спустя, когда мир готовился перешагнуть в новое тысячелетие.

Увы, рождественским елкам оставалось жить совсем немного време-

ни. После Октябрьской революции принимается декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря». Сразу возникли противоречия с православными праздниками, ведь, изменив даты гражданских, правительство не тронуло церковные праздники, и христиане продолжали жить по юлианскому календарю — получилось, что Рождество праздновалось не до, а после Нового года.

Но это совершенно не смущало большевиков. Даже напротив: им было на руку разрушение основ христианской культуры. И вообще пока было не до праздников: гражданская война, голод и разруха создавали совершенно иные проблемы, решать которые нужно было незамедлительно.

Что же до самих праздников, то новая власть собиралась ввести другие, социалистические. Праздник Рождества Христова было решено преобразовать в «комсомольское Рождество», где елке места уже не было. А вскоре, после 1923 года, и вовсе началось изгнание Рождества из России. Практически насовсем, потому что от нанесенного удара этот праздник так по сей день и не оправился и из общенародного превратился в сугубо церковный.

В одном из циркуляров антирождественской кампании говорилось, что «бытовая обстановка рождественского праздника вредно действует на здоровье и воспитание детей: святочные рассказы с чертовщиной; дым и газ от елки; пьяные

крики гостей...» (Можно подумать, что остальные праздники в России проходили как-то иначе и воздействовали на воспитание детей исключительно положительно.)

Вскоре был прекращен выпуск новогодних открыток, остались в прошлом веселые рождественские и новогодние праздники и гуляния. Новогодний праздник вместе с елочкой, следуя классическим правилам конспирации, ушел в подполье. Населению советской России предлагалось лишь упорно трудиться, а если и праздновать, то только новые даты:

22 января — день памяти Ленина;

12 марта — низвержение самодержавия (до 1940 г.);

1 и 2 мая — Дни Интернационала;

7 и 8 ноября — Дни Пролетарской революции;

5 декабря — День конституции (с 1940 г.)

Таким праздникам, как Новый год или Рождество, не было места в этой системе.

Елке была объявлена беспощадная война. При этом ее почему-то обозвали «поповской», хотя до революции именно церковь боролась с елкой как с отголоском языческих обрядов.

Но через шесть лет произошло то, что можно считать чудом: Сталин лично дал указание вернуть народу Новый год, в смысле, праздник. В декабре 1934 года главная газета страны «Правда» напечатала статью секретаря ЦК ВКП(б) Павла Постышева «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!»

В статье говорилось: «В дореволюционное время буржуазия и чиновники буржуазии всегда устраивали на Новый год своим детям елку. Дети рабочих с завистью через окно посматривали на сверкающую огнями елку и веселящихся вокруг нее детей богачей. Почему у нас многие детские дома, ясли, детские клубы, Дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия детишек трудящихся Советской страны? Какое-то, не иначе как «левые» загибщики ославили это детское развлечение как буржуазную затею. Следует этому неправильному осуждению елки положить конец».

Хотя на подготовку праздника оставалось всего три дня, рекомендации «Правды» были исполнены молниеносно, и в назначенный срок

елки были везде! Уже 30 декабря ими торговали почти все рынки Москвы, артели же и кооператоры предлагали специальные елочные наборы, фигурные пряники и марципанные фигуры. Но все это — под жестким партийным контролем! Венчать елку должна была исключительно пятиконечная красная звезда, игрушки — соответствовать политическому моменту: вместо безыдейных шариков и тому подобной ерунды вешали фигурки тракторов, комбайнов и тому подобное.

Тогда же появилась и была официально утверждена «главная» новогодняя песенка «В лесу родилась елочка». Почему-то выбрали именно ее, хотя стихи были написаны учительницей Раисой Кудашевой в 1903 году, а на музыку положено композитором-любителем Леонидом Бекманом два года спустя. Естественно, никто тогда соблюдением авторских прав не озадачивался, и песенка стала действительно народной. Только слово «мужичок» в первоначальном варианте заменили на слово «старичок», чтобы было совсем уж гладенько. Какие могли быть мужики в СССР 30-х годов? При этом Рождество так и осталось под негласным запретом, и рождественские праздники окончательно превратились в новогодние.

Что же мы получили к сегодняшнему дню? Подведем предварительные итоги.

В конце года мы лихорадочно и неразборчиво начинаем праздновать все подряд: католическое Рождество, Новый год, святки, сочельник, с

трудом доползаем (некоторым это не удается) до нашего православного Рождества, совершенно забыв, что шесть недель перед праздником — это время достаточно строгого Филипповского поста, который начинается в последних числах ноября.

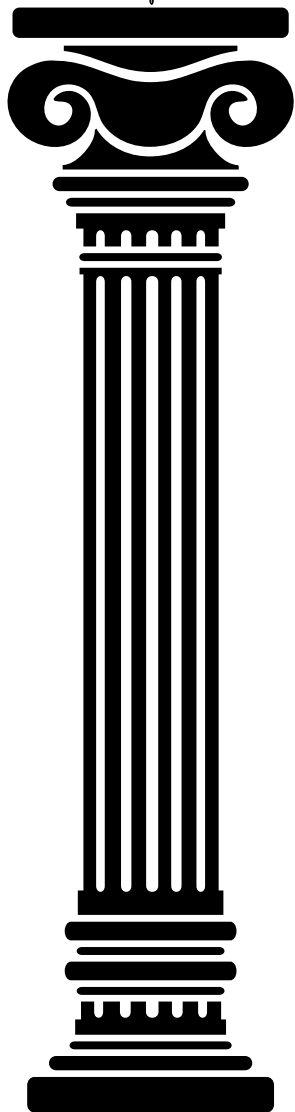
Но этого мало. Теперь все знают о существовании самых разнообразных восточных календарей и празднуют не просто Новый год, а Год Синей Рыбы или Год Оранжевого попугая. Опять же невелика беда, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось, да вот только все это совершенно не к месту, поскольку китайцы, например, отмечают свой Новый год во второе новолуние после даты зимнего солнцестояния. В Китае это праздник Весны!

В обычную теперь уже январскую слякоть мы вспоминаем крещенские и рождественские морозы, вместо праздника Водосвятия или Иордани устраиваем массовые заплывы «моржей» и при этом искренне считаем, что блюдем святыне традиции далеких предков.

Нет, русские все-таки — великая нация: устроить себе фактически самые длинные праздники в мире, смешав в них все, что только возможно, и совершенно не понимать смысла происходящего. Просто у нас Новый год. И Старый Новый год. И два Рождества с крещенским вечерком то ли после них, то ли посередине.

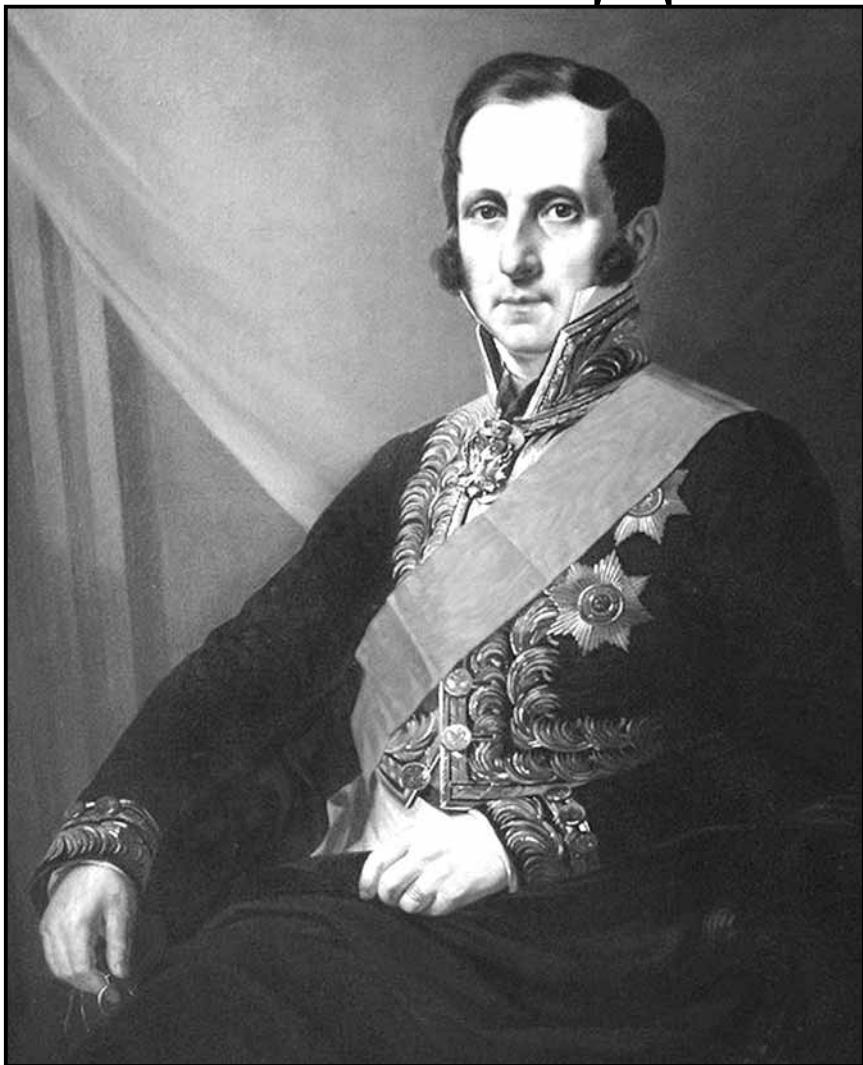
Ну и ладно. Главное, что весело, и все довольны.

С Праздником вас, дорогие россияне! □

Александр Ралот

АНТИПОДЫ

1832 год. Зимний дворец

Сенатор Сергей Семенович Уваров уже в который раз измерял шагами приемную императора Николая Первого, дожидаясь своей очереди и перебирая в уме все возможные прегрешения, за которые мог быть вызван «на ковер». Таковых не прослеживалось, разве что некоторые

стычки с поэтом Пушкиным. Но ведь было за что, нельзя же все спускать с рук пииту, пусть даже и первому в империи!

Незаметно мысли перенесли его в далекую юность. Вспомнилось, как он, сын одного из адъютантов легендарного Григория Потемкина, однажды взял да и изложил русскую национальную идею, состоящую всего из

трех слов: «Православие. Самодержавие. Народность». Много лет назад именно он стал инициатором создания общества «Арзамас». Тогда в него вошли самые что ни на есть вольнодумцы, некоторые из которых позже примкнули к декабристам. И совсем еще юный Пушкин не раз бывал на их заседаниях, помнится, читал сказку «Руслан и Людмила». А почему они назывались «Арзамасцы»? Ну да, в конце жарких споров всегда на стол подавали жареного гуся «по-арзамаски». Жаль, конечно, что в восемнадцатом году «Арзамас» развалился...

— Извольте-с пожаловать в кабинет! Его высочество вас ожидает, — прервал его воспоминания секретарь, распахивая огромную дубовую дверь...

— Есть несколько вопросов, на которые я желал бы услышать ваш ответ. — При этих словах самодержец поднялся с кресла и, подойдя к окну, взглянул на площадь и людей, снующих внизу. — Итак, первое. Признайтесь честно, как вы относитесь к господину Пушкину и его сочинениям?

— Весьма положительно, — без раздумья ответил Уваров. — Год назад я перевел на французский язык его поэтические творения: «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России». За что получил от автора благодарность следующего содержания: «Мне остается от сердца благодарить вас за внимание, мне оказанное, и за

силу и полноту мыслей, великодушно мне присвоенных вами».

Сергей Семенович хотел еще что-то сказать, но император перебил его:

— Достаточно, перейдем к следующему вопросу. Сколько лет мы с вами знакомы?

— Давненько, еще ваш покойный брат нас знакомил, — нерешительно ответил Уваров, лихорадочно соображая, зачем император затеял этот разговор и куда он клонит.

Между тем самодержец продолжал:

— И Карамзин, и Сперанский, и многие другие горячо рекомендуют именно вас на эту должность.

— Кка-ку-ю?! — почему-то заикаясь, поинтересовался сенатор.

— А разве я не сказал?! Сейчас поясню. Вся наша система образования ориентирована на запад. Учат из рук вон плохо! Настало время с этим что-то делать! Вот вам записка господина Пушкина шестилетней давности, читаете на досуге. Там очень дельно все изложено. Посему я желаю, чтобы в нашей империи образование, наконец, стало системным и... патристическим! Кому, кроме вас, сей воз тащить, не знаю. Подумайте и соглашайтесь. Ныне министр народного просвещения в летах, немалых. С годик послужите его товарищем (в былые времена это соответствовало должности заместителя министра), а потом, с божьей помощью, и возглавите все ведомство! С чего начнете? Поделитесь с царем? — Николай Пав-

лович подошел к растерявшемуся Уварову и по-отечески его обнял.

— Надобно резко увеличить количество государственных гимназий. Далее — пришло время в Киеве открыть университет. Город развивается, следовательно, нужны местные образованные кадры. А в действующих университетах надобно увеличить штат профессоров, в первую очередь наших, русских, но прошедших стажировку в лучших учебных заведениях Европы. Стране также надобны различные технические училища, коих по пальцам перечислить можно. И еще обсерваторию, оборудованную по последнему слову техники...

— Ну, это вы уж лишку загнули, — улыбнулся император, — казенные деньги, да на заморские стекляшки?! Звезды, что ль считать?! Впрочем, готовьте реляции, будем рассматривать. А сейчас ступайте с богом, я рад, что вы согласились взвалить на себя этакую ношу.

Уже стоя в дверях, Уваров обернулся и добавил: — И еще цензура. Она должна быть закреплена за министерством.

— Но ведь есть же — Бенкендорф с его Третьим отделением. Или вы считаете, что он не справляется?! — Хорошее настроение государя стало улетучиваться на глазах, и он, насупив брови, бросил: — Пишите! Все пишите. Если убедите — передадим и Цензурный комитет в ваше ведомство. Была бы только от этого польза.

3 декабря 1832 года. Кабинет Уварова в Министерстве просвещения

Сергей Семенович в который уже раз перечитал письмо, пришедшее накануне.

«Президент Российской Академии А.С. Шишков обратился к членам Академии с предложением избрать в действительные члены Академии пять человек:

- 1) титулярный советник А.С. Пушкин,
- 2) отставной гвардии полковник П.А. Катенин,
- 3) директор московских театров М.Н. Загоскин,
- 4) протоиерей А.И. Малов,
- 5) археограф Д.И. Языков.

Он взял перо, макнул его в чернильницу, да так и застыл с ним, решив еще раз прочитать документ от начала до конца: «Так как в голосовании этого предложения приняло участие менее двух третей членов Академии, в соответствии с Уставом остальным членам Академии были посланы извещения о произведенной баллотировке с просьбой, «дабы благоволили прислать в Академию свои голоса в особой запечатанной записке».

(15 декабря 1832 года на этом документе все же появилась лаконичная подпись Уварова: «согласен», благодаря которой поэт Александр Сергеевич Пушкин стал действительным членом Российской Академии Словесности).

Четыре месяца спустя

Из распоряжения по Министерству народного образования:

«Первое. Творения академика Пушкина цензурировать «на общем основании», без всяких на то привилегий!

Второе. Исключить из поэмы данного автора восемь стихотворных строк. Без разъяснения причины!»

Поэт негодовал. И причина этого заключалась не столько в министерстве, сколько в издателе, которому

на ногу и заискивающе заглядывая в глаза грозного начальника. — Господи помилуй, ведь скандал будет аж на восемьдесят рубликов. Поэт такого ни за что не простит, до царя-батюшки самолично дойдет...

— Угломоните! — оборвал его Уваров. — В этом здании за все отвечаю я! И таково мое последнее слово! Коль он у нас первый поэт империи, то так уж и быть, разрешаю опубликовать сей опус, но только без этих строк! Так и передайте... Пушкин

Николай I, узнав о гибели поэта, приказал издать за казенный счет полное собрание сочинений Александра Сергеевича, а все доходы от продажи одного передать семье убиенного. Уваров противиться воле государя не мог, но потребовал, чтобы каждая строчка будущих книг прошла через возглавляемый им Цензурный комитет. К чести самодержца — он повторного вымарывания текстов не допустил, и книги увидели свет в своей первоначальной редакции

текст был уже продан, и за него получен нешуточный гонорар — по десять рублей за строчку! Творчество Александра Сергеевича оценивалось весьма недешево!

Министерство народного просвещения

— Ваше сиятельство, Сергей Семенович, как можно-с целых два катрена исключить из... самого Пушкина, — говорил невысокого роста цензор, переминаясь с ноги

кину. Не нравится, пусть идет, жалуются хоть... — при этих словах хозяин кабинета недвусмысленно поднял палец вверх.

Александр Сергеевич встречаться с министром не стал, но, придя к цензору, потребовал, чтобы вместо вычеркнутых строчек там были проставлены точки, в количестве, равном исключенным буквам, и добавил: «Пусть издатель заплатит мне за эти точки, коль я их сочинил, а вы вымарали!»

Издатель выкладывать кровные рубли за знаки препинания отказался. Но Александр Сергеевич на пятную не пошел и своего добился. При поддержке друзей и поклонников его таланта поэма была напечатана, причем в первоначальном варианте, без какого-либо вымарывания неугодных цензору строк!

Но после этого вяло текущая вражда между Уваровым и поэтом вышла на новый уровень.

Из дневника А.С. Пушкина. «10 апреля (по новому стилю) «О проведенном накануне вечере у Уварова («скука смертная»!)»

В светских салонах шушукались: — Несмотря на всяческую неприязнь, наш Пушкин снизошел до очередной встречи с министром. Хлопотал за Гоголя, хотел, чтобы тому предоставили кафедру всеобщей истории во вновь открывавшемся Киевском университете.

— И представляете, кафедру все-таки предоставили, и даже в самой столице.

— А писатель, неблагодарный, маленько попреподавал, а потом взял, да и уехал.

Пушкинскую «Историю пугачевского бунта» Николай Павлович прочитал лично, откорректировал некоторые моменты и одобрил к публикации. Книга вышла в свет. Но Уваров, где только мог, критиковал это издание:

— Как можно такое публиковать? Это же форменное безобразие! Вот

ежели бы сей опус проходил через мой цензурный кабинет, то я бы ни за что! Невзирая на все прошлые заслуги автора!

Из дневника А.С. Пушкина.

«Февраль 1835 года. В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают! Уваров — большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении... Он не соглашается, чтоб я пе-

чатал свои сочинения с одного согласия государя! Царь любит — да псать не любит!»

Год спустя

В провинциальном Воронеже тяжело заболел один из богатейших людей империи, граф Дмитрий Николаевич Шереметев.

В светских салонах начались пересуды на тему:

— Дни его сочтены, и кому же достанется несметное богатство вельможи?

— У бедняги наследников по прямой линии не просматривается!

И так далее, в том же духе...

Уваров, женатый на одной из сестер Разумовских, мать которой доводилась родной теткой Шереметеву, посчитал себя претендентом на огромное состояние и приказал незамедлительно опечатать петербургский дом Шереметева.

Рассуждал он примерно так:

— Мало ли что! Пока будут хоронить покойного графа да поминки устраивать, так и из имения вынесут все самое ценное. С этой челяди станется!

Однако граф Шереметев внезапно взял да и... поправился.

Этим тут же воспользовался Александр Сергеевич, сочинивший и опубликовавший оду «На выздоровление Лукулла».

*А между тем, наследник твой,
Как ворон к мертвечине падкий,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.*

В обществе новое сочинение Пушкина произвело эффект разорвавшейся бомбы. И без того натянутые отношения между поэтом и министром перешли в разряд открытого противостояния.

Министерство народного просвещения

— Вызовите ко мне этого... Пушкина! Желаю объясниться с ним лично! — приказал Уваров стоящему по стойке смирно секретарю.

— Осмелюсь поинтересоваться, может быть, все же послать бумагу с приглашением посетить наше ведомство? Человек ведь известнейший, как бы чего дурного не подумал. — Чиновник много лет служил в министерстве и боялся, что, в случае чего, крайним могут сделать именно его.

— Делай, как велено! Или забыл, что за все, что здесь происходит,

перед императором отвечаю лично... я!

О чем беседовали два этих антипода, нам доподлинно не известно. Но после их встречи поэт обратился к всесильному шефу жандармов с письмом:

«Моя ода была послана в Москву без всякого объяснения. <...> Всякого рода намеки тщательно удалены оттуда. <...> В образе низкого пройдохи, скупца, ворующего казенные дрова, подающего жене фальшивые счета, подхалима, ставшего нянькой в домах знатных вельмож, и т.д. — публика, говорят, узнала вельможу, человека богатого, человека, удостоенного важной должности. <...> Мне не важно, права публика или не права. Что для меня очень важно — это — доказать, что никогда и ничем я не намекал решительно никому на то, что моя ода направлена против кого бы то ни было».

Министр просвещения также обратился к Бенкендорфу, прося у того защиты от зарвавшегося поэта, «нанесшего ему оскорбление не столько как частному лицу, сколько сановнику, занимающему крупный пост в государстве».

Пришлось Александру Сергеевичу отправиться «на ковер» и к начальнику Третьего отделения.

Ответ того был однозначным и вполне понятным:

— Александр Сергеевич! Я обязан сообщить вам неприятное и ще-

котливое дело по поводу вот этих ваших стихов. Хотя вы называли их Лукуллом и переводом с латинского, но согласитесь, что мы, да и все русское общество в наше время настолько просвещено, что умеем читать между строк и понимать настоящий смысл, цель и намерение сочинителя!

После этого случая министр с поэтом более не разговаривал, но, затаив злобу, попытался отомстить Пушкину даже после его кончины...

Николай I, узнав о последствиях дуэли, приказал издать за казенный счет полное собрание сочинений Александра Сергеевича, а все доходы от продажи одного передать семье убиенного.

Уваров противиться воле государя не мог, но потребовал, чтобы каждая строчка будущих книг прошла через возглавляемый им Цензурный комитет.

К чести самодержца — он повторного вымарывания текстов не допустил, книги увидели свет в первоначальной редакции.

Прошли годы. Пушкина помнят все, Уварова — только историки. Но вот высказанная им триада «Православие. Самодержавие. Народность!» нет-нет, да и промелькнет на страницах журналов или всплывет на каком-нибудь сайте все помнящего Интернета... ▢

Три девицы у окна

...Они не виделись, наверное, тысячу лет — а сегодня звезды сложились так, что неожиданно встретились. Все трое — три подружки, жившие когда-то в соседних домах и выросшие в одном дворе: Мария (для самых близких Маруся), Ярославна (или просто Славка) и Полина (ее почему-то никто и никогда не переименовывал). Будучи ровесницами, они учились в одной школе и даже в одном классе, дружили, но потом жизнь раскидала их в разные стороны, да так, что на несколько лет они утратили связь друг с другом.

А сегодня — встретились. Причем совершенно случайно... Да еще при каких обстоятельствах! И началось все с Маруси...

Маруся

Если бы она только знала, что все так получится, то вообще не стала бы выходить сегодня из дома. А зачем? Чтобы прямо на пороге случилась первая неприятность — у входной двери сломалась личина, и пришлось потратить больше часа на то, чтобы дожидаться слесаря, выложив при этом довольно приличную сумму за новый замок? На работе долгой задержке Марии тоже не обрадовались — был канун Нового года, и в магазине, где она работала заведующей секцией промтоваров. Работа просто кипела: народ готовился к празднику и с азартом опустошал прилавки, приобретая подарки родным и близким. Да в такую пору каждая пара рабочих рук была на вес золота!

Едва разобравшись с дверным замком, Мария предстала перед грозными очами директора магазина. Петр Петрович вообще был человеком своеобразным, а сейчас, перед праздником, он, вместо того чтобы смяться, наоборот, словно с цепи сорвался. Его подчиненные знали причину этого гнева. Молодая любовница шефа требовала все больше трат на себя, а у Петра Петровича кроме нее были жена и трое детей.

Выслушав, а вернее, пропустив мимо ушей гневную тираду директора, Мария проскользнула в свой крошечный кабинетик, и тут случилась новая неприятность — сломалась «молния» на пальто. Совершенно не имея времени на то, чтобы разобраться с ней, Мария опустила пальто до пола, торопливо шагнула из него, как из скафандра, вдруг неожиданно запуталась ногой в одежде, не удержала равновесия и упала. При падении она инстинктивно выставила руку и со всего маха «приземлилась» на нее. В запястье что-то предательски хрустнуло, от боли потемнело в глазах. Вскрикнув, Мария даже не смогла сразу подняться. А из коридора уже неслся призывный крик одной из продавщиц: «Мария Игоревна! Морозов не ту партию посуды привез! Мари-и-я И-и-го-о-ревна-а-а!!!»

С трудом поднявшись, Мария бегло осмотрела руку. Острая боль отступила, запястье более-менее функционировало. «Нормально, жить будем!» — ободрила она сама себя. А в голове неожиданно пронеслось воспоминание, как папа в детстве успокаивал ее в таких случаях: «Ничего, до свадьбы заживет!» От этих мыслей Мария только скривила губы — свадьбы у нее точно не намечалось. Отметив в этом году «тридцать лет и три года», она имела за плечами два довольно продолжительных романа, которые в итоге закончились ничем. Теперь же никого из женихов на горизонте у стройной ухоженной брюнетки Марии Игоревны просто не наблюдалось. И даже этот Новый год она собиралась встречать дома одна. К родителям ехать не хотелось, к семейным приятельницам тоже. А те приятельницы, кто не был на данный момент отягощен узами брака, намеревались отметить праздник со своими компаниями или возлюбленными.

Мария обреченно вздохнула. Да-а, кряхти — не кряхти, вздыхай — не вздыхай, а надо идти работать! Она посмотрела на пострадавшую руку. Вроде бы не перелом, кисть не синее, да и двигать ею туда-сюда получается. Может, хоть на этом ее горести прекратятся...

Но горести ее не услышали и продолжились во второй половине дня. Когда, притащив со склада несколько коробок с елочными игрушками, Мария поставила их на стол в своем кабинете, верхняя упаковка вдруг заскользила вниз. Попытавшись схватить ее, она снова почувствовала резкую боль в руке, охнула, пальцы от боли разжались сами собой... И упаковка упала на пол! Внутри раздался характерный звон...

Из глаз Маши брызнули слезы. Сразу от всего — от боли, от того, что она разбила игрушки, от обиды на сломанную «молнию» пальто... И еще много-много отчего может разрыдаться одинокая молодая женщина за день до Нового года.

Смахнув слезы, она подошла к кассе и честно достала кошелек. Узнав, в чем дело, девочки из отдела отругали ее, денег за разбитый товар не

взяли, тут же написали акт на списание боя и отправили страдальцу в травмпункт.

Полина

Она всегда была симпатичная, с самого детства. Светловолосая, с чистой кожей, которую не тронули даже подростковые прыщи. Фигура, тощеватая в детстве, постепенно оформилась, в нужных местах всеросло и округлилось ровно настолько, чтобы радовать и окружающих, и саму Полину.

Однако природная красота, а самое главное — полное осознание ее, нисколько не испортили девушку. Да, она знала себе цену, но заносчивой не стала даже с возрастом, просто с некоторыми людьми выдерживала небольшую дистанцию.

Работала Полина учительницей начальных классов, замужем уже однажды побывала, да, как говорится, не сложилось. Детей у нее не имелось, но в последнее время мысли об этом все чаще приходили ей в голову. Хотелось уже потискать в руках родной комочек, поцеловать упругие щечки, вдохнуть этот ни с чем не сравнимый запах выношенного и рожденного тобой человечка. После развода Полина осталась жить в том городе, куда несколько лет назад приехала в связи с замужеством, но кандидата в будущие отцы своего ребенка пока не присмотрела.

Сегодня она возвращалась домой довольно поздно. Сначала педсовет по поводу завершения второй четверти, потом чаепитие в честь наступающего Нового года. И уже после всего этого Полина потратила кучу времени на покупку подарков. В итоге вошла в подъезд, обвесившись всевозможными пакетами.

Уже поднимаясь по лестнице на свой этаж, она услышала, что кто-то быстро спускается ей навстречу.

— Здравствуйте! — раздался мужской голос.

Полина подняла голову. Это был сосед сверху — молодой мужчина, поселившийся в их доме примерно месяц назад. Его квартира была точно над квартирой Полины. Подробностей о нем она не знала, но, кажется, сосед проживал один, по крайней мере, новых лиц в их подъезде пока точно не наблюдалось, да и над головой было тихо. Дети-то уж точно дали бы о себе знать — звукоизоляция в их доме оставляла желать лучшего.

— Здравствуйте! — ответила она на приветствие и чуть посторонилась — гора пакетов могла помешать человеку пройти.

Заметив ее вежливое отступление, мужчина ускорил шаг. Но, спустившись на пару ступенек, вдруг обернулся:

— Извините, пожалуйста!

Полина тоже обернулась и пристально взглянула на соседа. Высокий, волосы русые, на лицо не красавец, но довольно приятный, чуть постарше ее самой.

— Вы только не сочтите меня чокнутым! — сразу предупредил сосед и, улыбнувшись, добавил: — Хотите немного побыть Снегурочкой?

— Что-о?! — опешила Полина.

Мужчина снова улыбнулся, и она машинально отметила, что улыбка у него очень располагающая.

— Меня, кстати, Семеном зовут, — представился сосед и стал поспешно объяснять все ошарашенной Полине.

Оказывается, Семен вот уже несколько лет перед Новым годом подрабатывает Дедом Морозом. Была у него и напарница — Снегурочка, но буквально на днях у нее что-то произошло, и он остался без пары.

— А вы такая красивая, просто самая настоящая Снегурочка! К тому же у меня всего три заказика осталось!

Однако он не сказал ей всей правды. На самом деле Семен вполне мог бы справиться и сам, ничего страшно в том, что Дед Мороз будет поздравлять детей и взрослых один, не было. Просто такса будет поменьше, и все, но это опять же для заказчиков, а его доход останется прежним. На самом деле мысль привлечь симпатичную соседку появилась не на пустом месте — Семен давно уже приметил Полину и пока просто не решался познакомиться с ней. А тут вдруг — раз, и родилась идея! Невероятная, конечно, но что поделаешь! Даже если соседка сейчас ему откажет, можно просто как-нибудь продолжить разговор. Главное — начать!

Для Полины предложение соседа было не просто неожиданным, оно было даже немножечко безумным! Во-первых, они совсем не знали друг друга, так, несколько раз только виделись мельком и дежурно здоровались. Во-вторых, Полина просто не представляла, как это — быть Снегурочкой. А в-третьих, вообще с какой стати?!

Да, это было сумасшествием! И еще каким сумасшествием! Но время свободное у Полины имелось, опыт работы с детьми вполне позволял перевоплотиться в Снегурочку, да и деньги за работу Семен пообещал приличные. А то, как сосед временами поглядывал на нее, подсказало ей, что тут не все так просто...

Славка

Ярославна очень не любила свое имя. Ну, какая она Ярославна, если от природы ей был дан высокий рост и совсем не хрупкая фигура! Когда в школе они проходили «Слово о полку Игореве» и разбирали «Плач Яро-

славны», на картинках все художники изображали жену князя Игоря утонченной красавицей в длинном одеянии. У Славки же было совершенно простое лицо с курносом носом, усыпанным веснушками, выющиеся рыжие волосы и широкие плечи. Куда уж там до княжны!

Но Ярославна ничуть не унывала по поводу доставшейся ей внешности, она принимала себя такой, какая есть. Вот только имя свое со своим же обликом связывала очень плохо, потому и звалась в близких кругах Славкой.

Дальнейшая судьба у Славы-Ярославны складывалась вполне удачно. Еще в детстве она полюбила медицину, выучилась на медсестру и сейчас работала по специальности. А еще Слава совсем молоденькой девчонкой вышла замуж. Муж Григорий был ей под стать — высокий, широкоплечий богатырь. Супруг оказался человеком работающим и с хорошим характером, и потому в семье сначала один за другим родились двое мальчишек, а теперь подрастала еще и пятилетняя дочка. Почти два года назад все их большое семейство переехало в другой город — мужу в наследство досталась отличная квартира. Так что на судьбу Славке жаловаться причины не было, да она и так бы не стала, поскольку всегда была человеком легким и веселым. От таких людей можно заряжаться положительной энергией, как от батарейки, и при этом совершенно все равно, какая у них внешность.

Сегодня у Ярославны было завершающее дежурство в этом году. Так что праздник она встретит в кругу семьи — и это очень радовало. Вчера на работе был корпоратив, неплохо посидели с коллегами. Славке и тут повезло — коллектив на новой работе оказался хороший, начальство даже сделало подарок — на праздничном мероприятии их поздравлял настоящий Дед Мороз, а не переодетый в его наряд коллега.

Но сегодня — работа и только работа. Однако и она, оказывается, может преподносить сюрпризы, да еще какие!

Когда на пороге хирургического кабинета появилась очередная пациентка, Ярославна в процедурной, заканчивая перевязку предыдущему страдальцу, сначала не обратила на нее внимания, лишь машинально отметила про себя сам факт ее появления. Сегодня вообще был «урожайный» день! Вроде и не скользко на улице, и до нарезки салатов еще дело не дошло, однако народ калечил себя с завидным упорством. Одних только переломов с утра было семь штук! Вот и эта дама, видимо, подозревает у себя нечто подобное.

Закрепляя повязку, она внимательно вслушивалась в слова женщины, что-то объясняющей хирургу. Так-так, что мы там имеем? Не юная леди, ага. Упала на работе. Ну да, бывает. И тут Ярославна невольно наострила уши — доносившийся из смежного кабинета голос был ей смутно знаком. Но этого просто не может быть!

И все же, вернувшись в кабинет, где шел прием, она уже была начеку. Женщина сидела к ней спиной и демонстрировала врачу травмированную руку. Тот бегло осмотрел ее и поднял глаза на медсестру:

— Отправь на рентген. Правая кисть.

— Хорошо, Кирилл Владимирович, — кивнула Ярославна и, чуть усмехнувшись, взяла бланк направления. — Сейчас мы Марии Игоревне все выпишем.

Молодая женщина, услышав голос медсестры, вдруг замерла и глупо захлопала глазами, глядя почему-то на доктора. А Ярославна невозмутимо продолжала:

— И где же это тебя, свет-Маруся, так угораздило, да еще под самый Новый год?

После этих слов пациентка вдруг вскочила со стула, резко развернулась и уставилась на медсестру вытаращенными глазами.

— Славка?! Ты?! Не может быть! Славка! Ты ли это?!

— Да я, я! — рассмеялась Ярославна, поднялась из-за стола, обняла подругу и покосилась на доктора:

— Простите нас, Кирилл Владимирович! Мы дружили чуть не с пеленок, а потом, вот, с самого выпускного не виделись.

— Угу, — понимающе кивнул врач и спокойно принялся что-то писать в карточке.

Ярославна быстро настрочила направление на рентген, вывела подругу в коридор и, усадив ее на стул, снова поинтересовалась:

— Ну и где же это тебя так угораздило?

Мария посмотрела на свою больную руку, покосилась на подоконник, где лежало ее пальто со сломанной «молнией», и слезы градом брызнули из глаз.

Ярославна сначала немного опешила, а потом, вздохнув, по-матерински прижала подругу к своей груди:

— Ну, ну, чего ты, Маруська! Неужели так больно? Ну, потерпи, не маленькая ведь!

Едва разбирая сквозь рыдания речь Марии, Ярославна узнала про все ее злоключения за сегодняшний день, а заодно и про то, что все как-то у подруги в последнее время не складывается.

— А вот и неправда! — возмутилась она при этих словах. — Как это не складывается?! Ты только подумай, какой нам с тобой подарок с небес свалился! Хотя, может, тебе и все равно, а я, например, очень рада, что мы встретились! Даже не думала, что так по тебе соскучилась!

Хлюпая носом, Маруся торопливо замотала головой — нет-нет, она тоже очень рада встрече! Очень-очень!

— Тогда слушай сюда! — шутливо приказала Славка. — С сегодняшнего дня, да что там, с этой самой минуты у тебя началась новая жизнь!

В этот миг вдруг распахнулась дверь соседнего рентгеновского кабинета, и оттуда вышел врач — темноволосый мужчина средних лет.

— Что-то случилось? Ярославна Юрьевна, это вы тут у меня под дверью сырость разводите? — быстро оценив обстановку, поинтересовался он с шутливой строгостью.

— Да нет, не я, — вздохнула Слава и кивнула на Марию: — Подруга моя к вам направлена. А вы уходите?

— И что у нас с подружкой?

— Пока не знаем. Вы нам, Борис Дмитрич, снимочек сделайте, пожалуйста.

— Конечно, в чем проблема? — Врач раскрыл дверь пошире и сделал приглашающий жест.

Маруся

К счастью, это оказался не перелом, а вывих. Хирург его вправил, а ловкие руки Ярославны наложили тугую повязку. Получив подробные инструкции, что ей делать с больной рукой дальше, Маруся вышла из кабинета. Славка ненадолго выскользнула за ней — времени на разговоры не было — на прием сидели еще трое больных. Обменявшись номерами телефонов, подруги договорились завтра же встретиться — им нужно было столько всего рассказать друг другу! Весело улыбнувшись и ободряюще подмигнув Марусе, Ярославна исчезла за дверью.

Они подошли к входной двери одновременно — придерживающая пальто на груди Мария и мужчина в темно-серой куртке и клетчатой кепке. Вежливо пропуская даму вперед, мужчина вдруг с улыбкой произнес:

— А вы выглядите намного симпатичнее, когда не плачете! — И спросил уже серьезно: — Как ваша рука?

Мария непонимающе взглянула на мужчину и не сразу, но сообразила, что это тот самый врач, который совсем недавно делал ей рентгеновский снимок.

— Ой, это вы... — немного растерялась она. А потом снова обругала себя за то, что так по-дурацки раскисла и всем продемонстрировала свою неприглядную от слез физиономию. — Вывих мне вправили.

— Болит?

— Немного. Но уже лучше, не так, как раньше.

Сообразив, что они оба все еще стоят в дверях, Мария и доктор рассмеялись и вышли на улицу. Неожиданный порыв ветра заставил Марусю крепче зажать в руке полы пальто. Это не укрылось от глаз мужчины.

— Вы что, такая закаленная? — кивнул он на не застегнутое пальто.

Мария замялась, но потом созналась, что у нее авария — сломалась «молния». Врач пристально взглянул на нее и спросил:

— Вы на машине?

— Нет.

— А живете где?

Маруся назвала свою улицу. Доктор предложил ее подвезти, но она сразу стала отнекиваться. «Неудобно, да вас, наверное, дома ждут». Он заверил ее, что ждать его некому, и решительно велел следовать к его машине.

— Вы что, хотите простудиться и заболеть, да еще накануне такого праздника? Да Ярославна Юрьевна никогда мне этого не простит! Вы ведь с ней подруги, я так понимаю? И вообще — мало вам приключений на сегодняшний день?

— Нет, конечно, хотя... какая разница! — вяло отмахнулась Маруся.

— Что ж вы так грустно-то, а? Новый Год все-таки скоро, душа просит праздника! — улыбнулся доктор.

Отъехав от больницы, он неожиданно спросил, может ли задержать ее буквально на пару минут. Мария удивилась этому вопросу, но доктор пояснил:

— Хочу вам кое-что показать. Для поднятия настроения. А то вам и так сегодня, похоже, досталось.

— Да уж, — усмехнулась Мария. — Это вы еще про мою сломанную дверь не знаете. — И она поведала о своем незадачливом начале дня.

К концу ее повествования они смеялись уже оба.

В это время машина свернула на небольшую улочку, ловко протиснулась между домами и остановилась на набережной. Они вышли из машины, и перед ними открылась потрясающая панорама. Набережная небольшой реки, разделявшей город на две части, была в этом году оформлена красочной иллюминацией. Ряд старинных одноэтажных домов, бережно отреставрированных и теперь украшенных яркими разноцветными огнями, моментально погружал в какую-то сказку, настолько это было красиво! На фоне темного неба еще ярче белел снег. Глядя на эту красоту, Мария вдруг почувствовала себя совсем юной девочкой, той самой Марусей, у которой пока еще не было больших тревог, а будущее казалось прекрасным. Ей даже показалось, что она уловила запах праздника — аромат мандаринов, смешанный с запахом свежей хвои, и, вдобавок, запах имбирных пряников. На душе вдруг стало легко-легко, и захотелось загадать самое заветное желание, зажмуриться... и чтобы оно обязательно исполнилось!

Уже сидя в машине, она продолжала смотреть на эту неожиданно открывшуюся сказку и мечтать, а сидевший рядом мужчина с любопытством наблюдал за ней. Если честно, он и не думал, что с его новой знакомой произойдет такая перемена. Сейчас рядом сидела совсем другая женщина, не похожая на ту, что лила слезы под дверь его кабинета. Глаза ее радост-

но блестели, щеки порозовели, и даже рот как-то по-детски приоткрылся от восторга. Надо же, а она, оказывается, очень даже симпатичная!

Уже возле своего дома, прежде чем выйти из машины, Мария благодарно улыбнулась:

— Вы подарили мне настоящую сказку... Спасибо! — Она запоздало сообразила, что не знает имени своего спутника. Хотя... зачем ей это, все равно их встреча случайная и ни к чему не обязывает. Да и он сам ее по имени ни разу не назвал!

— Пожалуйста, — улыбнулся в ответ мужчина. — С наступающим!

— И вас с наступающим!

Они простились. Мария заспешила к подъезду, а машина тронулась с места. Уже зайдя в свою квартиру, она прислонилась спиной к двери и мечтательно зажмурилась, на ее губах заиграла счастливая улыбка...

Маруся не знала, что, отъехав от дома, ее неожиданный «экскурсовод» остановил машину, немного подумал, а потом взялся за телефон.

— Слушай, а ты мне не дашь номер своей подруги, которую сегодня ко мне на рентген приводила?

— Маруси, что ли? — удивилась трубка голосом Ярославны.

— Угу.

В телефоне немного помолчали, потом осторожно поинтересовались:

— А могу я, Борис Дмитрич, проявить любопытство и спросить у тебя — зачем?

— Да что-то мне показалось, будто твоя подруга расстроенная какая-то... Вот и хочу сделать ей приятное — поздравить с Новым годом.

— А-а... — со значением протянула Ярослава.

— Ага-а, — в тон ей произнес Борис. — И попутный вопрос: надеюсь, если я позвоню, то не внесу разлад в ее личную жизнь?

— Да нет! — с облегчением хохотнула трубка. — Записывай...

Подруги

Когда на следующий вечер шумная и веселая Славка ввалилась в квартиру Маруси, в ее стенах сразу стало немного тесно. Разбитая вдребезги тишина была вытеснена говором и смехом, запахло свежей хвоей — Ярослава умудрилась притащить подруге несколько живых еловых веток. Она заставила Марусю достать красивую вазу и, наполнив ее водой, водрузила на стол. Тут же украсила ветки игрушками и мишурой, стянутыми со стоящей на подоконнике маленькой искусственной елочки, потом отступила на шаг и полюбовалась результатом своего труда.

Маруся наблюдала за всем этим и удивлялась, насколько быстро она вновь обрела подругу. Надо же, столько лет не виделись и даже не созванивались, а Славка пришла — и все, словно всегда тут и была!

Они накрыли стол и уселись друг против друга. Открытая бутылка вина отразила две счастливые физиономии.

— Знаешь, Славка, я так рада, что мы с тобой нашлись! Надо же, как бывает! Вчерашний день начался так по-дурацки, мне весь белый свет был не мил! А теперь думаю, что правда говорят: нет худа без добра! Не грохнись я и не повреди руку, так и сидела бы сейчас одна в этих четырех стенах!

— Но-но, хватит уже тоску нагонять! — фыркнула подруга. — Долой пессимизм! — Она обвела взглядом просторную и очень уютную кухню. — Хотя, если честно, сиди я в этих твоих стенах одна, то наверняка тоже бы обиделась на все и вся. Упакована ты, подруга, неплохо, плохо то, что в одиночестве здесь сидишь. — Тут Славка как-то странно взглянула на Марусю, но ничего не сказала, а потом, наполнив бокалы, произнесла тост: — Давай за нас! За то, чтобы мы больше не терялись!

Мария с готовностью ее поддержала: — Да, давай за нас! Жалко только, что Полины с нами нет, а то был бы полный комплект!

— Это точно! Полины для полного счастья не хватает! Но ничего, теперь мы с тобой вдвоем, а значит, и ее попробуем отыскать! Человек ведь не иголка, правда? К тому же, как говорят, главное — очень сильно захотеть и пожелать. Завтра у нас что?

— Что? — не сразу поняла ее Маруся.

— А завтра у нас Новый год! Самый главный волшебный праздник! Вот мы с тобой возьмем и загадаем желание — найти Полину. А загаданное в Новый год должно непременно исполниться!

Мария согласно кивнула и улыбнулась. Почему-то рядом со Славкой ей было хорошо и спокойно, и она была уверена, что они непременно отыщут третью подружку. Главное — пожелать...

— Ты, кстати, где будешь праздник отмечать? — поинтересовалась Ярославна.

Узнав, что в новогоднюю ночь Маруся никуда не собирается и не ждет никого к себе, Славка тут же пригласила ее в гости. Это было неожиданно и не входило в планы Марии, но не успела она и рта раскрыть, чтобы сказать это, как в дверь позвонили. Признаться, это было неожиданно — Маруся никого больше сегодня не ждала.

— Ну чего застыла? — подтолкнула Слава подругу. — Иди, открывай!

— А может, это и не ко мне! — заартачилась Маруся. — Я вообще-то никого не жду. Может, это квартирой ошиблись.

Но звонок все продолжал звонить.

— Иди, открывай, говорю тебе! — настаивала Славка.

Пришлось идти. Маруся посмотрела в дверной «глазок», но ничего в нем не увидела. На цыпочках она вернулась на кухню и боязливо зашептала Ярославне.

— Не буду открывать! Я не знаю, кто там! И «глазок» они почему-то закрыли!

Славка, поняв, что заставить подругу открыть дверь не удастся, поднялась с табурета и потянула Марию в прихожую.

— Пошли-пошли! Не дрейфь, ты же не одна, ты со мной!

Маруся с сомнением взглянула на нее, но отправилась открывать. Ярославна, томимая любопытством, потопала следом. Почему-то ей вспомнился вчерашний звонок от рентгенолога Бориса Дмитриевича. Ох, не зря он просил номер телефона Марии! Может, он уже звонил ей, и у них назначена встреча? А она путается тут у них под ногами! Вот Маруся, вот «Штирлиц в юбке»! Хотя... Когда утром они с ней созванивались о месте и времени встречи, Мария вполне могла и не соглашаться на этот час, и уж точно не стала бы звать Ярославу к себе домой. Окончательно запутавшись во всех своих догадках, Слава устала на дверь. И ей почему-то вдруг очень захотелось, чтобы на пороге сейчас оказался именно рентгенолог. А что? Мужик он нормальный, к тому же на данный момент одинокий.

Новый дверной замок открылся легко. Но, вопреки ожиданиям Ярославны, за ней был не Борис Дмитрич, а... Дед Мороз! И не один, а с самой настоящей Снегурочкой!!!

Последовала немая сцена. Нежданные визитеры быстро переглянулись, и Дед Мороз загудел басом:

— Здравствуйте! Здравствуйте, девицы-красавицы!

Снегурочка, точно помня, что поздравления были заказаны только для одной молодой женщины, тоже на ходу начала корректировать слова сценария. Вообще-то это было неожиданно, но раз так уж вышло, значит, надо выкручиваться.

— Здравствуйте, дорогие дамы!

«Дорогие дамы», все еще находясь в ступоре, одновременно захлопали глазами. И тут произошло совсем уж неожиданное. Снегурочка, разглядев, кто перед нею, на последнем слове запнулась и, прислонившись к стене, стала хохотать — громко, задорно, до слез.

Дед Мороз, начавший, было, говорить слова приветствия дальше, осекся и устался на свою партнершу. А Маруся и Ярославна удивленно таращились на них обоих. Сколько времени длилось это помешательство — никто из них толком не понял, пока Снегурочка, смахивая слезы, не заявила:

— Ну и видок у вас, девчонки! Маруся, Славка, да закройте же рты!

Мария и Ярославна переглянулись. Откуда эта Снегурка могла знать их детские имена? И почему она говорит таким знакомым голосом, голосом их третьей подруги?!

Когда до них, наконец, дошло, кто перед ними, обе одновременно взвизгнули:

— Полина, это ты, что ли?!

— Я, я! — закивала Снегурочка.

В следующую секунду Маруся и Славка принялись тискать Снегурочку в объятьях. При этом все трое смеялись и визжали, и такая радость была во всем этом, что, в конце концов, насупившийся Дед Мороз тоже заулыбался.

Вечер 31 декабря

Сегодня почти с самого утра в квартире Маруси было шумно и весело как никогда. На кухне, помимо самой хозяйки, хлопотали донельзя счастливые Славка и Полина, а маленькая дочка Ярославны была у них главным помощником. В большой комнате трое мужчин собирали конструкцию из двух столов — один был «местный», Марусин, другой привезли Ярославна с мужем. Ответственным за «посадочные места» назначили вчерашнего Деда Мороза, соседа Полины — он привез целую кучу стульев и табуреток.

— Слушай, Семен, ты их со всего вашего дома собирал, что ли? — поинтересовался врач-рентгенолог, для всех сейчас просто Борис, помогая таскать от подъезда в квартиру эти стулья и табуретки. Расставляли их сыновья Ярославны и Григория. Детей родители хотели оставить дома, но все остальные категорически были против этого. «Новый год — семейный праздник, так что даже не думайте разрушать семью!» — заявили Славке и Грише.

— Секрет фирмы! — отшутился Семен на вопрос Бориса.

— Я же говорил, надо было наши табуретки брать, у нас этого добра полно! — хохотнул Григорий.

— Еще бы! Вам их много и надо, вон у вас народу сколько! Вы с Ярославной в этом деле опытные бойцы, а мы с Семеном только начинающие! — с улыбкой сказал Борис.

— Ничего-ничего, в таком деле вообще сложностей нет, мужики, вы уж мне поверьте! Семья — это замечательно! Сначала вроде и страшно, ну, так у страха всегда глаза велики. Потом привыкаешь, и все нормально. А уж с детишками! Когда прижмешь ребятню к себе, слушаешь, как их сердечки стучат, — ей-богу, все горести забываются!

Борис и Семен переглянулись — у них еще все было впереди...

Через некоторое время Григорий, дав твердое обещание разбудить ее в полночь, уложил маленькую дочку спать, а сам отправился на кухню.

Маруся, Полина и Слава сидели рядышком у окна и негромко пели. Это Славка предложила: «А давайте споем, девчонки! Как раньше, помните?», и, не переставая нарезать огурцы, с задором начала первая: «У леса на опушке жила зима в избушке...» Подруги, продолжая чистить картошку и резать колбасу (готовилось традиционное новогоднее блюдо — оливье), подсели к ней поближе и дружно подхватили песню.

— Ну, точно — три девицы под окном! — с улыбкой сказал Семен.

— Скорее — у окна, — поправил его Борис, и остальные с ним согласились.

Наконец все хлопоты, все приготовления подошли к концу, и компания расселась за большим праздничным столом. Вот-вот должны пробить куранты, неся в каждом своем гулком «бом! бом! бом!» надежду на лучшее, веру в то, что в новом году все будет намного прекраснее, чем в уходящем...

Маруся обвела взглядом своих гостей и улыбнулась. Вот ведь как бывает: собиралась встретить Новый год в одиночестве, а теперь даже не могла себе представить, как бы это выглядело, и что бы она чувствовала, сидя тут одна-одинешенька. Ее глаза встретились с глазами Бориса, и на душе стало еще радостнее. Какой же он все-таки молодец, что придумал, как поднять ей настроение! Ведь это Борис вспомнил про развлекавшего их на корпоративе Деда Мороза и в качестве подарка направил Деда Мороза и Снегурочку к явно грустившей Марусе. Мало того, что он подарил ей сказку на вечерней набережной, так еще и сделал продолжение волшебства! А уж потом сама судьба распорядилась, чтобы из всех Дедов Морозов и Снегурочек, буквально летавших в эти предпраздничные дни по городским адресам, отыскалась та самая сказочная пара, где Снегурочкой была их подруга детства. Видимо, и в самом деле где-то там, на небесах, кто-то очень добрый и волшебный направлял их всех в эти предпраздничные дни, и в итоге собрал вместе!

Маруся обернулась и посмотрела в окно. На улице пошел тихий, пушистый снежок. Мягкими хлопьями он укрывал землю, словно скрывая под переливающимся в свете фонарей покрывалом все неудачное и нехорошее, тем самым давая возможность начать все с чистого листа.

Наполнив свои бокалы шампанским, а детям — компотом, все встали и посмотрели друг на друга. Куранты отбили положенное количество ударов — наступил Новый год! И, прежде чем начать поздравлять друг друга, каждый подумал, что жизнь уже и так сделала им огромный подарок, и добрый сказочный праздник они встречают все вместе. Разве можно после этого не верить в чудеса? □

Евгений Никитин

Незаслуженно забытая

К 150-летию
Лидии Алексеевны
Чарской

В любую погоду: и в стужу, и в зной, в дождь и в ветер у часовни Ксении Петербургской, что взметнула вверх свою увенчанную крестом золоченую маковку на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге, всегда многолюдно. Длинная очередь из желающих испросить у Ксеньюшки поддержку и помощь растягивается на десятки метров. Люди разного достатка, возраста и образования приходят к ней со своими горестями и невзгодами. Стоят долгими часами, смиренно ожидая своей очереди прикоснуться к святыне.

И многие из них не догадываются, что меньше чем в 80 метрах от часовни, на 147 участке, расположена скромная могила, в любое время года утопающая в цветах. Там среди вычурных и пафосных памятников из гранита и мрамора затесалась ее неказистая оградка с металлическим крестом. На кресте фотография молодой женщины с добрым взглядом и надпись: «Чарская Л.А. 1875-1937».

Кто же она такая — Чарская Л.А? Кто приносит на ее могилу цветы? Тут же на оградке висит заламинированный белый лист, немного проясняющий ситуацию: здесь, мол, упокоилась известная до революции детская писательница. Та, чьими книгами восхищались и зачитывались в свое время миллионы детей, а теперь незаслуженно забытая. И те из немногих поклонников — наших современников, узнав об этой могиле, и приносят цветы...

Лидия Алексеевна Чарская родилась 19(31) января 1875 года в Санкт-

Петербурге. Ее отец — подпоручик Лейб-гвардии Егерского полка Алек-

сей Александрович Воронов — был прикомандирован к Николаевской инженерной академии. Мать, Антонина Дмитриевна Воронова, урожденная Крахоткина, умерла при родах Лидии.

Первые десять лет жизни маленькой Лиды Вороновой были наполнены тихим семейным счастьем, смехом и проказами. Отец баловал единственную дочь, насколько позволяла его военная служба. Начальное образование будущая писательница получала дома от приглашенных учителей.

А в феврале 1885 года Алексей Александрович подал прошение о принятии Лидии в Павловский женский институт, который располагался в Петербурге на улице Знаменская, дом 8. В 1885 году капитан Воронов обвенчался со своей двоюродной сестрой Анной Павловной Вороновой — дочерью генерал-майора от артиллерии Павла Алексеевича Воронова. В дальнейшем в этом браке родились четверо детей — два мальчика и две девочки: Павел, Александр, Анна, Наталья.

Женитьба отца для маленькой Лиды стала в тот момент настоящим ударом. Его венчание она восприняла как настоящее предательство по отношению к себе и к памяти покойной матери. В один миг рухнул ее маленький уютный мир, и наступила холодная пора раннего взросления. Свои чувства и переживания того периода Лидия Алексеевна позже

изложит в опубликованной в 1910 году повести

Несмотря ни на что, отец навсегда останется для нее самым родным человеком и близким другом. А вот мачеха... Анна Павловна оказалась женщиной своенравной, но, к счастью, незлобной. Новоиспеченная жена отца постаралась внушить падчерице, что все ее прошлые вольности закончились и теперь в доме только одна хозяйка — это она. Этого Лида сразу принять не смогла, больше на каникулы домой ни разу не приезжала, а побывала там уже тогда, когда окончила институт.

Павловский женский институт был основан Павлом Первым в 1799 году. Вначале это учебное заведение для сирот, чьи родители погибли на военной службе, предназначалось для детей обоего пола. Позже, в 1829 году, мальчиков отделили в специально созданный Павловский кадетский корпус, а женский институт переименовали в институт благородных девиц. Его воспитанниц в народе называли «Павлушками», и они носили одежду зеленого цвета, напоминающую форму некоторых армейских полков.

Учились в нем дочери обедневших дворян, младших офицеров и служащих в военном ведомстве. Институт давал девочкам неплохое образование, а по его окончании «Павлушкам» выдавали диплом наставницы-

воспитателя, дающий право работать домашней учительницей или гувернанткой и самим зарабатывать себе на кусок хлеба. Кто набирал наибольшее количество баллов, мог претендовать на продолжение учебы на Высших женских курсах без вступительных экзаменов.

Воспитанницы проживали и учились в институте. Там царила суровая, почти спартанская, дисциплина и обстановка. Подъем в шесть утра. Молитва, завтрак и далее — по рас-

ского ротмистра Бориса Павловича Чурилова. В дальнейшем супруг дослужится до начальника Московского отделения жандармских полицейских управлений железных дорог. Но это будет потом, а пока это был пылко влюбленный ротмистр, больше трех лет добивавшийся благосклонности хорошенькой институтки.

Похоже, Лидия не испытывала таких же страстных чувств к Борису. Перед замужеством отец пытался ее отговорить от скоропалитель-

Не желая ни от кого зависеть в материальном положении, Лидия приняла решение стать актрисой и поступила на специальные курсы при Императорском театральном училище. Там впервые прозвучал ее творческий псевдоним «Чарская» — от слова «чары». По окончании курсов ее приняли в Александринский театр. За четверть века служения в театре она сыграла более 120 ролей

писанию, отклонения от которого категорически не допускались. Девочки обучались классами по сорок человек.

Попав впервые в институт, Лидия подумала, что она угодила чуть ли не в тюрьму или в какую-то казарму. Тем не менее, училась она хорошо. После завершения учебы и сдачи выпускных экзаменов ее среди лучших выпускниц института пригласили на прием в Зимний дворец, где в присутствии монарших особ им вручили медали.

В ноябре 1894 года в возрасте 19 лет Лидия вышла замуж за жандарм-

ного брака, и будущая невеста имела с ним откровенный разговор, призналась, что выходит замуж, по большому счету, чтоб не быть под одной крышей с мачехой, и Лидия Воронова стала Лидией Чуриловой.

15 декабря 1896 года она родила сына Георгия, но к тому времени брак дал трещину: Борис Чурилов охладел к молодой жене. Этому способствовали частые командировки и интрижки на стороне.

Не желая ни от кого зависеть в материальном положении, Лидия приняла решение стать актрисой и поступила на специальные курсы при

Императорском театральном училище в класс В.Н. Давыдова. Там впервые прозвучал ее творческий псевдоним «Чарская» — от слова чары. По окончании курсов ее приняли в Александрийский театр.

Несмотря на то, что Чарскую занимали во многих спектаклях Александрики, главную роль ей не давали. Играла она в основном второстепенные роли и проходных персонажей типа «кушать подано».

Кумиром и объектом для подражания для Чарской служила известная актриса В.Ф. Комиссаржевская. Лидия Алексеевна говорила про нее: «Да и полно — игра ли это? Знаменитая артистка живет каждым нервом своего существа. Она вся горит, пылает на сцене, передавая с мастерством... настоящие страдания, настоящую жизнь. И этот голос, который никогда не забудется и эти глаза, лучистые и глубокие, как океан безбрежный!»

За четверть века служения в театре Лидия Алексеевна сыграла более 120 ролей. Так как главных ро-

Лидия Воронова (Чарская) в раннем детстве с отцом

лей она не играла, то ее в прессе отмечали не часто. «Петербургская газета» от 9 марта 1908 года, например, написала о ее роли Сони Грибоедовой в драме «Среди цветов» Германа Зудермана: «Госпожа Чарская испортила и без того нелепый, карикатурный тип русской поэтессы, сыграв ее в стиле тех иностранных постановок, где, например, русских «бояр» нашего времени выводят непременно в ямщицких костюмах».

Служа в театре, Чарская попробовала себя и в драматургии. Правда, без особого успеха на этом поприще. Были изданы одноактная пьеса «Волшебная картина» (1909), и в сбор-

Лидия Воронова (Чарская) в период обучения в Павловском институте

нике «Детский театр» (1912) напечатаны четыре небольших пьесы для детей: «Один в лесу», «Война мышей и лягушек», «Удался ли наш вечер», «Перед елкой».

Известный в свое время драматург Иван Кононович Лисенко-Коньич (1869 — 1937) по роману Чарской «Во власти золота» написал и поставил пятиактную пьесу «Золотая паутина» (1909). А в 1916 году на экраны страны вышел фильм, снятый Петром Чардыниным по мотивам этого романа, под названием «Миражи», где главную роль сыграла звезда немого кино Вера Холодная.

И все же основной успех и признательность миллионов поклонни-

ков ей принесла литература. До 1917 года произведения Чарской имели бешеный успех. Ее называли властительницей дум российских детей. В 1911 году комиссия при Московском обществе распространения знаний провела опрос среди детей среднего возраста. Результаты ошеломили: книги Чарской по читаемости стояли на третьем месте, уступив с небольшим перевесом только Гоголю и Пушкину.

А ведь в литературу Лидия Алексеевна, можно сказать, ворвалась почти случайно. Находясь в довольно стеснительных финансовых обстоятельствах, она искала себе подработку. Планировала работать переписчицей, так как у нее был красивый, ровный, каллиграфический почерк, и, прогуливаясь мимо издательства Вольфа на Невском, решила заглянуть к ним и попытаться счастья.

Поначалу Лидия Алексеевна просила устроить ее простой переписчицей. В ходе разговора с будущим работодателем выяснилось, что она многие годы ведет дневник, причем начала его писать еще во время учебы в Павловском институте. Этот факт очень заинтересовал управляющего. Он предложил ей оформить свой дневник в виде воспоминаний. Чарская сразу согласилась. Так появилась ее первая повесть «Записки институтки» — воспоминания о пребывании в Павловском институте благородных девиц.

Вначале эту повесть печатали по главам в журнале для детей «Задуманное слово». Выпускали ее дозировано, чтобы привлечь подписчиков. Маленькие читатели с нетерпением ждали выхода в свет очередного номера журнала, тиражи которого мгновенно выросли в разы.

рублей — неплохие деньги по тем временам. Лидия Алексеевна была на седьмом небе от счастья: еще бы — такие, как ей казалось, огромные деньги и за один раз. К сожалению, у нее не оказалось коммерческой жилки, к тому же она была весьма наивна и верила в человеческую по-

Павловский женский институт

Издатели поняли, что наткнулись на «золотую жилу» в виде нового, набирающего обороты популярности, автора. В 1901 году «Записки институтки» вышли отдельной книгой, побив все ожидаемые результаты. Пришлось срочно наладить печать дополнительного тиража. Популярность книги о жизни маленькой девочки в стенах казенного заведения достигла своего апогея, и Чарская была безмерно счастлива. Появилось вдохновение писать дальше, благо сюжетов у нее накопилось — хоть отбавляй.

Оборотистые издатели тоже время даром не теряли. Предложили продолжить сотрудничество. За первую книгу ей выплатили аванс в сто

рядочность. Одним словом, издатели надували Лидию Алексеевну, как только могли, и эксплуатировали нещадно, наживая на ней приличные капиталы.

Она оказалась плодовитым автором. За свою активную литературную карьеру, длившуюся с 1900 по 1918 годы, Чарская стала автором более 300 произведений. Ее книги в первую очередь были рассчитаны на юную аудиторию: детей школьного возраста. Яркой кометой пронеслась она на литературном небосклоне. Ей благоволили критики, детские журналы предоставляли ей трибуну для общения с аудиторией, издатели считали за честь издавать ее книги. О ней узнали за границей и на-

чали переводить ее произведения на европейские языки: английский, немецкий, французский, чешский, польский.

Известный дореволюционный критик З.Д. Масловская писала о ней: «Но не было писательницы, к которой девочки относились бы с такой любовью, с таким обожанием, как к Чарской. На вопрос, кто любимый писатель, большинство девочек ставят ее на первое место. В восьми женских

Лидия Чарская и статист в спектакле по пьесе С.А. Найденова «Стены». Фото с сайта Александринского театра

гимназиях (I, II, III и IV кл.) в сочинении, заданном учительницей на тему «любимая книга», девочки почти единогласно указали на произведения Чарской. При анкете, сделанной в одной детской библиотеке, на вопрос, чем не нравится библиотека, было получено в ответ: «Нет книг Чарской». Когда я спросила одну маленькую приятельницу, как у нее в классе относятся к Чарской, то получила в ответ: «Из 40 воспитанниц 38 ее обожают, а двум она не нравится, и они ее не читают — так мы с ними даже не разговариваем». Сочинения Чарской фигурируют постоянно в списке подарков, о которых мечтают дети, и я знаю многих девочек, которые просят вместо билета в театр купить им одну из ее книг. Героини ее рассказов служат всегдашней темой разговоров, примером для подражания; она сама является не далекой волшебницей, как Тур и другие, а близкой, родной, ко-

торой пишут письма, поздравляют с днем ангела, посылают подарки. «Мы ее любим за то, — говорят девочки, — что она пишет только правду, и описывает девочек так, как они есть». Да и от многих матерей, просмотревших книги Чарской, мне приходилось нередко слышать: «Как великолепно Чарская описы-

но любят Чарскую. Под ее влиянием у огромного большинства девочек складываются девические мечты, сладкие грезы о том неизвестном, жутком и манящем будущем, которое их ожидает в самостоятельной жизни».

Известная советская поэтесса Юлия Друнина вспоминала о книгах

Миллионы поклонников ей принесла литература. Произведения Чарской имели бешеный успех, ее называли властительницей душ российских детей. Она оказалась плодотворной писательницей. За свою активную литературную карьеру Чарская стала автором более 300 произведений, пронесясь яркой кометой на литературном небосклоне

вает институтскую жизнь. Я сама была в институте и могу подтвердить, что ни слова вымысла: все написанное в книге — сама жизнь».

Другой дореволюционный критик, В.Э. Фриденберг, задавшийся целью выяснить причины успеха Чарской, признавал, что: «Чарская является властительницей дум и сердец современного поколения девочек всех возрастов. Все, кому приходится следить за детским чтением, и педагоги, и заведующие библиотеками, и родители, и анкеты, произведенные среди учащихся, единогласно утверждают, что книги Чарской берутся девочками нарасхват и всегда вызывают у детей восторженные отзывы и особое чувство умиления и благодарности к автору. Девочки нежно, восторжен-

Чарской: «...Есть, по-видимому, в Чарской, в ее восторженных юных героинях нечто такое — светлое, благородное, чистое, — что воспитывает самые высокие понятия о дружбе, верности и чести... В сорок первом в военкомат меня привел не только Павел Корчагин, но и княжна Джаваха — героиня Лидии Чарской...»

Поэтесса Серебряного века Марина Цветаева посвятила ей одно из своих первых стихотворений (1910) — «Памяти Нины Джаваха». С теплотой отзывался о писательнице и Леонид Пантелеев (1908 — 1987), соавтор «Республики Шкид».

В 1917 году жизнь Чарской, как и многих ее сограждан, кардинально изменилась. Журнал «Задушевное

слово», где она была бессменным автором много лет, и издательство Вольфа, закрыли. Последняя ее повесть «Мотылек» осталась неопубликованной. Больше ее под фамилией Чарской при жизни никогда не печатали — пришедшим к власти пролетариям нужны были совсем другие герои.

Произведения Лидии Алексеевны были признаны социально чуждыми. Слезы в подушку, романтические вздохи, сентиментальность, любовь и прочая дребедень строителям коммунизма оказались не интересными. Наркомпрос рекомендовал изъять ее книги из библиотек и провести судилище над творчеством Чарской как чуждой советской власти. Обычное дело в те годы.

Но жить как-то надо было, и Чарская продолжала служить в театре и играть «кушать подано». Кризис наступил и в личной жизни. После своего развода с первым мужем в 1901 году она 13 лет прожила вдвоем с сыном Борисом, а в апреле 1914 года, незадолго до начала Первой мировой войны, обвенчалась с Василием Ивановичем Стабровским, санитарным врачом, младше ее на 16 лет. Вскоре молодого мужа призвали в Русскую императорскую армию, после чего он сгинул на полях сражений.

Сын Борис окончил в 1916 году Николаевское инженерное училище. Был произведен в офицеры и в

составе Моторно-Понтонного батальона отправился на фронт. Мировая война, перетекшая в гражданскую, разделила народ империи на два непримиримых лагеря. Сын Чарской занял сторону белых. С отступающими частями остатков белой армии он навсегда покинул родину и осел в Харбине, где работал на разных должностях: был кладовщиком, поденным рабочим, техником, десятником. Он трагически погиб пятого декабря 1936 года, когда перебежал трамвайные пути: споткнулся и ударился головой об рельс. С матерью после отъезда из Петрограда в 1916 году он так и не повстречался.

Дела Лидии Алексеевны окончательно расстроились. В театре платили совсем мало, денег едва хватало, чтобы не умереть с голоду и купить дров. Она все надеялась, что катаклизмы, бурлящие в стране, вот-вот закончатся и уставшим от войны людям, особенно детям, вновь потребуется ее творчество. Увы, как жестоко она ошибалась!

15 мая 1920 года Чарская в третий раз вышла замуж — за демобилизованного красноармейца Иванова Алексея Никифоровича. Третий муж — давний и преданный поклонник ее творчества — узнав, в каком бедственном положении кумир его детства, тут же поспешил ей на помощь. Забота о любимой писательнице закончилась браком. Молодые взяли двойную фамилию:

Ивановы-Чарские. Наверное, Лидия Алексеевна наивно полагала, что социальное положение ее мужа и новая фамилия выправят ситуацию.

Отношения с новой властью у Чарской не сложились окончательно. В 1920 году при участии Н.К. Крупской вышла в свет «Инструкция политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре и изъятии устаревшей литературы из общественных библиотек». Согласно этой инструкции, предлагалось изъять из обращения книги, восхваляющие монархию, церковь, внушающие религиозные представления, не удовлетворяющие идейным и педагогическим требованиям, сентиментальные и эмоциональные по своей направленности. Список предлагаемых к изъятию книг по объему сам составил целую книгу. Сюда были включены и произведения Чарской. Они были изъяты из общественных библиотек как вредные для советских детей.

При переиздании «Инструкции» многие имена возвращались к читателю, но имя Чарской навсегда подлежало изъятию. Особенно строгие наблюдения велись за пионерами, в классах устраивались «показательные суды» над Чарской. За ней все больше укреплялись определения «бульварная», «мещанская», «пошло-сентиментальная» Чарская была предана гражданской анафеме, читать ее не только не рекомендовалось, но и запрещалось.

*В роли девушки в спектакле по пьесе
А.Н. Островского «Горячее сердце».
Фото с сайта Александринского театра*

Наиболее обидными для девочек в школах стали слова: «Ты похожа на институтку из книг Чарской».

Гораздо позже, уже в 1933 году, Крупская снисходительно написала: «Мы Чарскую слишком рекламируем тем, что запрещаем ее. Держать ее в библиотеке ни к чему, конечно, но надо, чтобы у самих ребят выработалось презрительное отношение к Чарской»... Писательницу продолжали беспощадно громить в газетах, отчаянно критиковать на собраниях, старались всеми способами вытравить из сознания советских детей ее имя. Да, ее не сажали в тюрьму, не ссылали на Колыму, но с

Несмотря на все меры, применяемые пламенными большевиками к творчеству Лидии Алексеевны, ее продолжали читать, передавая из рук в руки уцелевшие экземпляры запрещенных книг. Да, у нее оставались поклонники. И когда в 1924 году ее уволили из театра с формулировкой «по возрасту», то именно они не дали пропасть своей любимой писательнице.

С 1921 года и до конца жизни Чарская проживала в Петрограде, в доме 7 на улице Разъезжей. Она ютилась в маленькой двухкомнатной квартирке на последнем этаже, где вход в квартиру осуществ-

0

отношения с новой властью у Чарской не сложились.

При участии Н.К.Крупской вышла в свет «Инструкция политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре и изъятии устаревшей литературы из отечественных библиотек». В общий список были включены и произведения Чарской как вредные для советских детей. Читать ее не только не рекомендовалось, но и запрещалось. За ней укреплялись определения «бульварная», «мещанская», «пошло-сентиментальная». Но несмотря на все эти меры, ее продолжали читать, передавая из рук в руки уцелевшие экземпляры запрещенных книг

1925 по 1929 год ей с большим трудом удалось опубликовать всего пять маленьких книжек для малышей под псевдонимом Н. Иванов, в том числе и «Пров-рыболов». Где Н., видимо, означало имя любимой героини ее произведений Нины Джавахи, а «Иванов» — ее фамилия по третьему мужу.

влялся прямо через скромную кухню.

Корней Чуковский позже помог ей получить небольшую пенсию, на которую Чарская в основном и жила. Корней Иванович свой поступок объяснял тем, что она, де, автор 160 романов (прибавил вдвое), а ничего так и не удостоилась. Это было по-

хоже на милость обласканного властью писателя к затравленному литератору.

На Первом съезде советских писателей, прошедшем в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 года, вновь прошли по Чарской. Начал детский писатель С.Я. Маршак: «Убить Чарскую, несмотря на ее женственность и мнимую воздушность, было не так-то легко. Ведь она до сих пор продолжает жить в детской среде, хотя и на подпольном положении. Но революция нанесла ей сокрушительный удар. Одновременно с институтскими повестями исчезли с поверхности нашей земли и святочные рассказы, и стихи к «светлому» празднику...» Не оставили суровые и идейно подкованные мужи женственной Лидии Алексеевны, не вписавшейся в современный социалистический строй, никаких шансов на реабилитацию. Обрекли бывшую звезду детской литературы на нищету, голод и забвение. Для писателя

Лидия Чарская в роли купеческой дочери в спектакле по пьесе А.Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Фото с сайта Александринского театра

нет худшего лиха, чем лишить его печатного слова.

Последние годы Лидия Алексеевна очень нуждалась. Экономила буквально на всем. Из их маленькой семьи работал только муж в автога-раже, но, похоже, особых доходов он не прино-

Л.А. Чарская незадолго до революции 1917 года

сил. Чарская тщетно обивала пороги редакций детских журналов, но ей везде вежливо отказывали, мотивируя тем, что ее произведения безнадежно устарели. Да она и сама понимала, что ее время ушло. Писать про пионеров и прочих будущих активных строителей коммунизма у нее никак не получалось.

Скончалась она тихо, 18 марта 1937 года, у себя в квартирке на Разъезжей. Ее тело спустя несколько дней после смерти нашли соседи. Об этом рассказала в своих воспоминаниях Зоя Борисовна Томашевская — питерский архитектор, художник, мемуарист, музейный деятель, дочь литературоведа, текстолога, писателя Б.В. Томашевского. С 1934 года она вместе

с родителями проживала в известном на весь Ленинград Писательском доме (набережная канала Грибоедова, д. 9 / Малая Конюшенная ул., д. 4/2), где одним из соседей Томашевских был М.М. Зощенко — он и хоронил Чарскую.

Выяснилось, что Михаил Михайлович все эти годы поддерживал Чарскую как мог. И не только он, но и его жена Вера Владимировна, которая с детства была очарована творчеством писательницы и вместе с мужем участвовала в этом благородном деле.

Как рассказывал потом сам Зощенко Томашевским, обстановка в квартире Ивановых-Чарских оказалась более чем спартанской. В ней не было даже стульев, жильцы си-

дели прямо на кровати. Соседи нашли тело умершей Чарской и позвонили Зоценко. Его номер телефона нашли записанным на ободренных обоях. Михаил Михайлович отложил все свои дела, а надо сказать, что он в тот момент находился на пике своей популярности и был очень занятой человек, и занялся похоронами Чарской.

На Смоленском православном кладбище в Ленинграде в последний путь ее проводили всего три человека: М.М. Зоценко с женой Верой Владимировной и известная фольклористка и педагог Ольга Иеронимовна Капица, мать академика Петра Леонидовича Капицы и бабушка профессоров Сергея Петровича и Андрея Петровича. (Как не прискорбно, но и сама Ольга Иеронимовна упокоилась в том же году, неподалеку от Чарской на Смоленском лютеранском кладбище).

Непонятным во всей этой истории остается один момент: отсутствие на похоронах мужа Лидии Алексеевны и его самоустранение. По крайней мере, никаких официальных свидетельств тому не сохранилось. Документально подтверждено только то, что Иванов Алексей Никифорович скончался в этой самой квартире на Разъезжей улице спустя пять лет, в 1942 году, во время блокады Ленинграда.

Со временем могила Чарской пришла в запустение. Но вот уже в наши дни нашелся человек — литературовед, доктор филологических

наук, профессор Евгения Оскаровна Путилова, к сожалению, ныне покойная, открывшая для общественности последний приют известной писательницы.

В советское время творчество Чарской откровенно позабыли, и Евгения Оскаровна на ее произведения натолкнулась совершенно случайно, изучая старые подшивки журнала «Задушевное слово». Написала вначале о Чарской статью, а позже предисловие к сборнику ее произведений.

У Евгении Путиловой в багаже было множество публикаций о Чарской — вплоть до Британской энциклопедии. «Герои Чарской часто

остаются одни — маленькие, беспомощные в недобром мире. Их ждут тяжелые испытания, но они не отступают от истины, не предают близких. Сердце маленького героя остается верным — и побеждает. Лучшая повесть Чарской — «Княжна Джаваха». Там говорится, что героиня была похоронена на Новодевичьем кладбище, и люди искали ее могилу, они верили, что Нина Джаваха существовала в действительности!»

Могила Лидии Чарской Евгения Путилова тоже нашла случайно: оказывается, хотя в администрации Смоленского православного кладбища знали о ее могиле, она была не зарегистрирована и нигде не значилась. За могилой ухаживали престарелые поклонники творчества писательницы (удивительно, но они остались, несмотря на все запреты) и подруга жены сына Чарской, умершего в Харбине. Но никто из тех, кто ухаживал, не решался зарегистрировать могилу на свое имя — сказывалась советская привычка всего бояться. Сотрудница администрации кладбища предложила зарегистрировать могилу на себя. Теперь могила Чарской — не «бесхозная», ее нельзя просто так ликвидировать, и любой желающий может ее легко найти.

Несмотря на то, что Евгении Оскаровны уже нет, но «чарсоведы» остались, и их число постоянно множится. О творчестве Чарской уже написано несколько диссертаций.

Стабильно в специализированных журналах публикуются научные статьи. Думается, что отечественное литературоведение сделает следующий шаг в изучении творчества Л.А. Чарской. От исследования книг для детей перейдет к исследованию ее произведений, предназначенных для взрослых.

Сейчас издательства начинают активно печатать забытые дореволюционные произведения Чарской. Ведь ее книги открывают перед современным подростком истинную красоту мира, глубину чувств, широту горизонта, подсказывая решения жизненных конфликтов.

Имеется и Интернет — сообщество, посвященное ее творчеству. Там постоянно растущее число поклонников делится своими мыслями и наблюдениями, обсуждает прочитанные книги.

Обратили свое внимание на Чарскую и современные кинематографисты. В 2003 году режиссер Владимир Грамматиков снял десятисерийный сериал «Сибирочка» по мотивам ее одноименной повести. Досадно, что других режиссеров ее творчество пока не заинтересовало. А ведь можно же снимать добротное кино, взяв ее творчество за основу, а то, признать, боевики и разного рода «стрелялки» уже порядком надели.

Будем надеяться, что дело Лидии Алексеевны Чарской не пропадет, а возродится для новой армии почитателей ее литературного таланта. □

Ирина Опимах

Как искусство лечит душевные раны

Василий Суриков.
Автопортрет

«Взятие снежного городка» — особое полотно в обширном наследии Василия Сурикова. Во-первых, оно не написано на исторический сюжет, не посвящено важным и трагическим эпизодам русской истории, как это бывает в большинстве полотен художника, а во-вторых — оно радостное, светлое, полное красок, удали, какой-то бесшабашности, счастья бытия, сверкания снега, красоты русской зимы. Это настоящий гимн русскому, сибирскому характеру — смелому, рисковому.

Картина «Взятие снежного городка» оказалась очень важной не только в творчестве художника, но и в его жизни. Она помогла ему преодолеть боль от потери любимого человека, помогла начать новую жизнь...

Молодой, но уже довольно известный художник Василий Суриков и Елизавета Шаре, дочь внучки декабриста Петра Свистунова и хозяина небольшого заведения по продаже дорогой вензельной почтовой бумаги француза Августа Шаре познакомились в 1878 году, в петербургской католической церкви Святой Екатерины. Оба, большие любители му-

зыки, приходили туда послушать орган — тамошний органист часто играл хоралы Баха, и это было так прекрасно! Хорошенькая, с тяжелой косой, большими темными глазами, элегантная, стройная девушка очень понравилась художнику. Она была хорошо образована, воспитана, умна, имела легкий характер. Видимо, и Суриков ей понра-

вился: небольшого роста, скуластый, с короткой бородкой и усами, живой, остроумный, а главное — талантливый! Выяснилось, что ему 30 лет, он уже окончил Академию художеств, участвовал в разных выставках, к тому же, именно ему поручили роспись в храме Христа Спасителя!

События развивались быстро, и 25 января 1878 года они стали мужем и женой. Приданого за Елизаветой практически не оказалось — у Шаре были еще сын и три дочери, а состояние — совсем небольшим. Но Сурикова это совершенно не волновало — во-первых, он был страстно влюблен в Лизу, а во-вторых, уверен в своих силах, в том, что его ждет блестящая карьера, и он всегда сможет обеспечить жену и будущих детей всем необходимым.

После свадьбы молодожены переехали в Москву. В том же, 1878 году, у них родилась первая дочь, Оля.

Лиза прекрасно вела дом — у Суриковых было уютно, тепло. Она чувствовала настроение мужа, понимала, когда у него что-то не ладилось, гасила вспышки его неумного сибирского темперамента. К ним часто приходили друзья художника — живописцы, писатели (к примеру, любил заходить к Сурикову Толстой), и всем было хорошо в этом гостеприимном доме.

В 1880 году Суриков тяжело заболел. Лиза был с ним все время — дежурила ночами, не оставляя ни на минуту, с ужасом слушала его бред, вытирала пот со лба, когда темпера-

тура поднималась до 40 градусов. Только благодаря ей, ее заботе и любви, он победил болезнь и снова был готов работать и жить. В сентябре того тяжелого года у них родилась вторая дочь, Лена.

В годы, когда жена была с ним рядом, он создал свои самые значительные полотна — «Утро стрелецкой казни», «Боярыню Морозову», «Меншикова в Березове» — на этой картине он изобразил в образе Марии Меншиковой ее, свою Лизаньку.

Суриков постепенно становился известным, его картины охотно покупали, а в 1888 году Третьяков приобрел для своей галереи «Боярыню Морозову» за 15 тысяч рублей — очень немалые по тем временам деньги. Получив такой щедрый гонорар, Суриков решил вместе со всем семейством съездить на родину, к матери и брату — познакомить их со своей женой и дочерьми, ведь его родные еще не видели его очаровательную Лизу и чудных девочек Лену и Олю. Дорога оказалась для Лизы непростой — у нее всегда побаливали суставы, а тут, когда они плыли на корабле от Нижнего Новгорода до Перми, и сырость проникала всюду, боли усилились. В особенно тяжкие минуты «она с трудом поддерживала беседу, дабы не огорчать мужа, не отравлять ему долгожданной поездки на родину», — рассказывала внучка художника Наталья Кончаловская. Непростой оказалась и встреча со свекровью. Сибирячка Прасковья

Федоровна, наследница казаков Торгошиных, так и не смогла принять невестку, полюбить ее, почувствовать своей — уж слишком она была другая, эта красавица-полуфранцуженка. И хотя Лиза из-за любви к мужу изо всех сил старалась угодить свекрови — помогала по хозяйству и даже что-то делала на огороде! — ситуацию это не меняло. Она была счастлива, когда, наконец, этот визит на родину мужа закончился, и они вернулись домой.

Только вот поездка в Сибирь так просто не прошла: здоровье Лили — так Суриков дома звал жену — резко ухудшилось. Боли в сердце и в суставах, тошнота, слабость... У Елизаветы был порок сердца, с которым тогда врачи бороться не могли. Она постепенно угасала. В то время к ним часто заходил Лев Толстой, приносил корзину со свежими яйцами и подолгу сидел у постели Лизы. А ей казалось, что он наблюдает за ней, чтобы потом описать ее умирание в своем новом романе. По просьбе жены Суриков велел Толстому больше к ним не приходить: «Убирайся прочь, злой старик!» Они тогда крепко поссорились и помирились только спустя несколько лет.

8 апреля 1888 года Елизавета Сурикова умерла. Ей было всего 30 лет! И всего 10 лет они прожили вместе...

Для Сурикова смерть жены стала страшным, непереносимым ударом. 20 апреля 1888 года он писал своему брату Александру: «С 1 февраля началась болезнь Лизы, и я не имел

минуты спокойной, чтобы тебе слово черкнуть. <...> Я, брат, с ума схожу. 8 апреля, в 2 часа, в пятницу, на пятой неделе великого поста, ее, голубки, не стало. Страдания были невыносимы, и скончалась, как праведница, с улыбкой на устах. <...> Тяжко мне, брат Саша. Маме скажи, чтоб она не горевала, что было между нею и Лизой, она все простила, еще давно.... О страшная, беспощадная эта болезнь, порок сердца! <...> Вот, Саша, жизнь моя надломлена; что будет дальше, и представить себе не могу».

Он не представлял, как будет жить без нее, как работать. Вечерами читал Библию, надеясь там найти ответы на эти вопросы, перебирал свои рисунки, этюды и многие — сжигал. И почти каждый день ездил с дочерями на кладбище. «Горе сломило этого человека. Не мог он глядеть на прежний уют своего дома и в ярости переломал всю мебель. Теперь комнаты стояли пустые.... Никого не мог видеть Суриков, никого не попускал к себе», — писал Н. Григорович.

Но осенью к Сурикову приехал его брат Александр. Видя, что происходит с Василием, он увез его и девочек в Красноярск. И случилось чудо — постепенно родная земля, Сибирь, мать, близкие, любовь дочерей вернули его к жизни, к живописи. Почти два года он не работал, но — однажды снова взял в руки кисти и краски... «И тогда от драм к большой жизнерадостности перешел. У меня всегда такие скачки к жизнерадостности

бывали. Написал я тогда бытовую картину — «Городок берут»... Необычайную силу духа я тогда из Сибири привез», — рассказывал позже Волошину художник.

Как-то они с братом вспомнили об игре — взятии снежной крепости, народной забаве, устраиваемой во время Масленицы, которую они ча-

сто видели в детстве, когда ехали из Красноярска в село Торгошено, где родилась их мать, Прасковья Федоровна. Позже Суриков вспоминал: «За Красноярском, на том берегу Енисея, я в первый раз видел, как «городок» брали. Мы от Торгошиных ехали. Толпа была. Городок снежный. И конь черный прямо мимо ме-

«Взятие снежного городка»

ня проскочил, помню». Игра заключалась в том, что всадник на коне должен был прорваться через крепость и разрушить ее, а мужики стояли рядом, и одни били хворостиной лошадь, запугивая ее, а другие, наоборот, гнали ее на снежную крепость.

И Суриков увлекся: стал придумывать композицию, искать натур-

щиков — каждый день он ходил по улицам Красноярска, вглядывался в лица, искал интересные детали. Брат Александр, видя, что Василий оживает, с радостью помогал ему, возил по окрестным деревням и даже поставил небольшой спектакль — организовал «Взятие городка» во время празднований очередной Масле-

ницы в селе Ладейки. (В конце XIX века такие увеселения уже ушли из жизни, изрядно подзабылись). Местная молодежь получила за участие в спектакле три ведра водки. В общем, все остались довольны. А потом пришлось и у себя дома создать нечто вроде крепости, которую несколько раз «брал» знакомый казак, а Суриков делал этюды. *«Я потом много городков снежных видел, — рассказывал он позже Михаилу Волошину. — По обе стороны народ стоит, а посредине снежная стена. Лошадей от нее отпугивают криками и хворостинами бьют: чей конь первый сквозь снег прорвется. А потом приходят люди, что городок делали, денег просить: художники ведь. Там они и пушки ледяные и зубцы — все сделают».*

Картина, по размерам немалая, 156х282 см, создавалась в самой большой комнате дома Суриковых. Все родственники и друзья помогали художнику, как могли, в частности, позировали — и брат Александр, и племянница Татьяна Доможилова, и жена местного доктора Екатерина Рачковская. Он делал огромное количество рисунков и этюдов, которые сами по себе — прекрасные работы. (И сегодня многие из них по праву хранятся в музеях, в частности, в Третьяковской галерее). «За работой Вася стал уже меньше скучать о жене; одним словом, до некоторой степени пришел в себя, стал бывать в гостях, и у нас бывали знакомые», — вспоминал Александр Суриков.

Как же долго Суриков не мог ничего делать — но теперь вернулся в

жизнь, вернулся в творчество. Он работал увлеченно, вдохновенно, легко, и все это не могло не принести должного результата. Наконец эта картина, которая по сути его излечила, картина, полная оптимизма, жажды жизни, радости бытия, была закончена. Красавец всадник на черном коне, смеющиеся румяные лица, яркие шали, блистающий сибирский снег... «В «Снежном городке» я написал то, что сам много раз видел. Мне хотелось передать в картине впечатление своеобразной сибирской жизни, краски ее зимы, удаль казачьей молодежи», — писал Суриков. И все это ему блестяще удалось.

Осенью 1890 года Суриков со своими девочками вернулся в Москву. С собой из Сибири он вез свернутое на вал полотно — «Взятие снежного городка».

В начале следующего года Суриков писал брату и матери: *«Картину я вставил в раму золотую. Очень красиво теперь. ... Скоро, в начале или середине февраля, надо посылать на выставку в Петербург. Не знаю, какое она впечатление произведет...»*

9 марта 1891 года в Петербурге открылась 19-я выставка «передвижников», на которой Суриков и показал впервые эту картину. Назвал он ее «Взятие снежного городка», с подзаголовком «Старинная казачья игра в Сибири на Масленице». В апреле выставка переехала в Москву, и ее увидели московские любители живописи. Затем выставка (и суриковское полотно) побывала в Харькове, Киеве, Елисаветграде, Одессе, Ки-

шине и Полтаве. Публике картина понравилась — она была радостная, светлая, не такая, как предыдущие трагические полотна художника. А вот критики ее встретили неоднозначно. Кто-то отмечал «неудачную композицию», кто-то — неудачный колорит, «грязные краски», ничтожность сюжета, обилие лиц, загруженность картины. Кому-то не хватало страстей, драматичности, которые уже привыкли видеть в картинах Сурикова. А вот выдающийся критик и искусствовед Владимир Стасов высоко оценил «Взятие снежного городка». В статье «Взятие снежного городка в Сибири», появившейся в 1891 году в апрельском номере журнала «Северный вестник», он говорит о яркой оригинальности картины, о ее несколько восточном, но, в то же время, очень русском настроении. Позже, уже после смерти Сурикова (он умер в 1916 году) художник и известный критик Сергей Голоушев (псевдоним — Сергей Глаголь) в своих воспоминаниях о Сурикове называет картину «Взятие снежного городка» «кульминационным пунктом в работе Сурикова как живописца». Он пишет, что в «Снежном городке» «и в общем колорите, и в красках, и в силуэтности фигур на снежном фоне — еще больше чего-то настоящего русского, удивительно близкого нам и так хорошо знакомого глазу».

Через несколько лет после создания картина была куплена известным меценатом, коллекционером, художником-любителем Влади-

миром фон Мекком (внуком Надежды Филаретовны фон Мекк, меценатки и преданной подруги П.И. Чайковского) за вполне достойные 10 тысяч рублей. (Сегодня эта сумма была бы примерно равна 5 млн рублей). Члены семейства фон Мекк были очень богаты и многое могли себе позволить. А в 1900 году картина была показана в Париже, на Всемирной выставке и получила серебряную медаль. В ее живописных достоинствах уже никто не сомневался.

«Взятие...» стало для Сурикова замечательным лекарством, оно, по сути, возродило его. Появились новые картины: «Покорение Сибири Ермаком» и другие значительные работы. Впереди у художника были еще 16 лет жизни. Он снова творил, мучился над своими замыслами, радовался за своих чудесных дочек (кстати, одна из них вышла замуж за художника Петра Кончаловского). Вокруг него всегда было много любивших его людей, но только вот дома он по-прежнему оставался одиноким — никто так и не смог заменить в его душе Лизу...

В 1908 году несколько картин из собрания фон Мекка и суриковское «Взятие...» тоже были проданы и вошли в коллекцию Русского музея императора Александра III.

Сегодня картину можно увидеть в питерском Русском музее, в зале 36, в зале Сурикова, рядом с другими его шедеврами. Он многое успел сделать и оставить нам, этот могучий, яркий, необыкновенно талантливый и очень русский человек... □

Анна Дубровская — заслуженная артистка России, обладательница двух театральных премий «Чайка» и российской премии в области высших достижений литературы и искусств «Триумф». В кино она дебютировала в 1992 году в роли Оксаны в комедии Сергея Никоненко «Хочу вашего мужа». Сегодня в ее творческой биографии более 60 работ в театре и кино.

Анна Дубровская

*«Когда работаешь
над ролью, —
это тот багаж,
который накопился
у тебя внутри»*

— Анна, в вашей актерской копилке образы из совершенно разных литературных материалов — от Шекспира и француз-

ского романтизма до современной отечественной фантастики. А какие ваши литературные любимые жанры, писатели, книги?

— Я не могу конкретно ответить на ваш вопрос, поскольку в разных жанрах совершенно удивительные писатели. Могу сказать, что мне интересны разные жанры. Раньше я думала, что фантастика — это не мое, а потом я влюбилась в Рэя Бредбери, в Джорджа Оруэлла, с его «1984», «Скотным двором». Хотя в разных жанрах, наверное, есть у меня какие-то свои предпочтения. Пока я не со-

— Что касается любимых и не-любимых, продолжая нить с фантастикой, вы говорили, что вам не нравился изначально «Ночной дозор»...

— Конечно, отношение с течением времени к ролям меняется. Я сегодня по-другому отношусь к этой роли и к этому кино. У меня больше симпатии появилось на сегодняшний день. Иногда то, что ты для себя хо-

Бовари Шарль — Владислав Демченко, Эмма — Анна Дубровская

всем доросла до братьев Стругацких. До каких-то авторов нужно до-растать, и неважно, в каких жанрах они творят.

тел, то, что представлял, несколько не совпадает с тем, что дается. И хотя на работу соглашаешься, внутри много сопротивления. В общем-то,

это история про параллельные миры в нашей жизни и события, и как одно влияет на другое, вроде бы ни с чем между собой не связанное. С одной стороны, это как фантазия на тему, но это не только фантазия... Мир многомерен, и многое нам не дано познать и понять, эта информация закрыта. Но фантазии на эту тему художников (а Лукьяненко — художник), конечно, будут всегда и имеют под собой подоплеку:

человек постоянно об этом думает, и там было много связано с какими-то потусторонними нечистыми силами. И когда фильм вышел, я увидела, что он талантливо получился, и рада, что он был в моей актерской жизни.

— Фильм получился действительно первым блокбастером в нашем кинематографе, к тому же он прямо-таки пока лидирует в своем жанре и стал уже классикой. А какие ваши предпочтения в жанрах живописи?

— Я, наверное, не буду особо оригинальной и назову Михаила Врубеля, с его погруженностью тоже в какие-то потусторонние параллельные измерения. С его болезненностью, тьмой, и светом одновременно. Должна признаться, что я — абсолютный дилетант в смысле живописи. Я не умею анализировать картину, это для меня сложно, я могу воспринимать ее интуитивно. Навыка анализа у меня нет, хотя я пытаюсь, стремлюсь дорасти до этого уров-

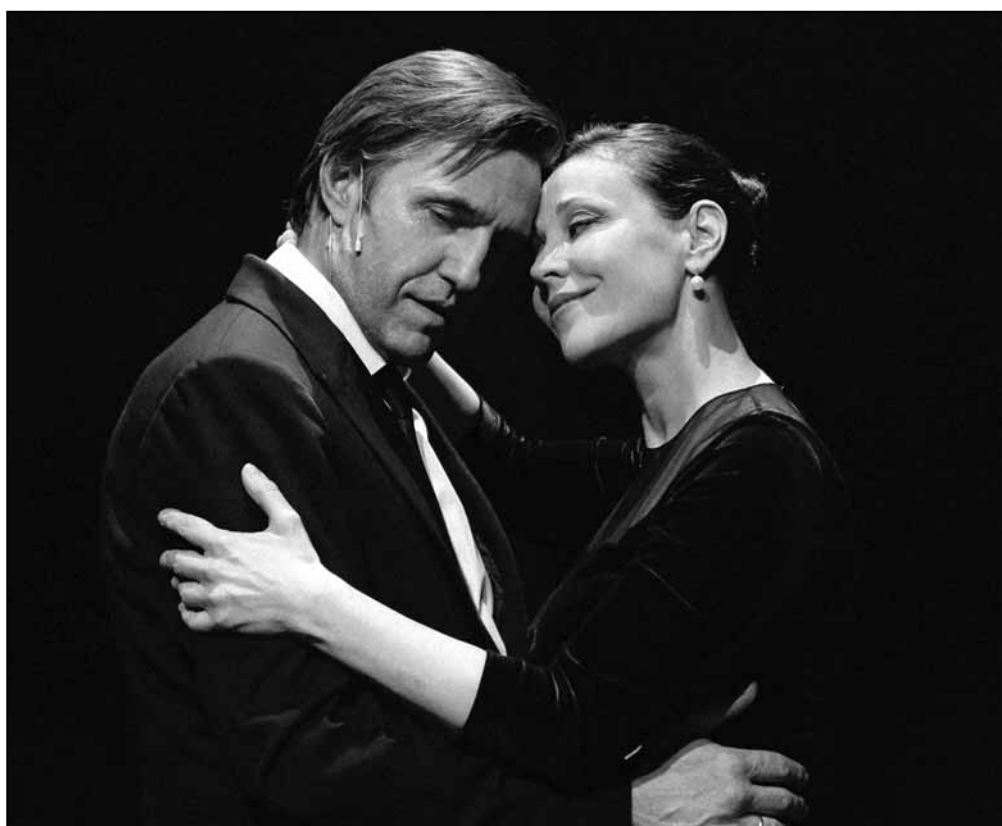
ня. И где бы я ни была, в каких странах, везде хожу в эти великие музеи — Лувр, Прадо, Метрополитен. Мы ездили в Париж на гастроли, с «Дядей Ваней», и пробыли там долго, две недели. Туда приехала моя подруга, искусствовед и художник, и мы сделали «марш-бросок» по музеям Парижа. Мы были в Лув-

на такое искусство. Он не может быть прямым и простым и поддаваться логике, лежащей на поверхности.

— Поскольку вы сами актриса, вы тоже являетесь художником в том плане, что создаете образы, моделируете про-

Слева:

«Дядюшкин сон».
Зинаида —
Анна
Дубровская

«Феллини».
Владимир
Вдовиченков,
Анна
Дубровская

ре, и в музее Помпиду, и в музее Архитектуры и дизайна. Эти походы были бесценны для моего внутреннего багажа. Подруга много чего мне раскрыла и рассказала, например, про «Черный квадрат» и вообще про абстракционизм, и про авангард в искусстве, как нужно воспринимать эти картины, какой взгляд должен быть

странство какими-то сценическими методами. И вот в связи с этим следующий вопрос — чем вы вдохновляетесь, когда создаете роль, приступаете к работе над материалом — общением с интересными людьми, и, может быть, фильмами или природой?

— Знаете, чтобы сыграть какую-то роль, необязательно ездить в какие-то красивые места. Хотя сходить в музей иногда полезно, или послушать хорошую музыку, она настраивает тебя на то состояние, которое вдруг может привести к какому-то решению. Когда работаешь над ролью, — это тот багаж, который накопился у тебя внутри к определенно-

детстве бабушки... Потому что мы живем, играем роль из себя, собою, из своей жизни, прилаживая это к образу. Я, например, когда еду за рулем и попадаю в пробку, могу одновременно контролировать дорогу и учить текст, повторять что-то из роли и наткнуться на что-то очень интересное, с чем приеду на репетицию. А раньше,

му моменту твоей жизни. И вот этим багажом ты пользуешься, достаешь из него, как старьевщик, какие-то старые вещи, может быть, из какого-то своего раннего детства, или из вчерашнего дня, или из детства дочери, а может быть, это рассказы о

например, еще в юном возрасте, даже будучи уже студенткой, у меня все внутренние процессы происходили в метро, несмотря на сутолоку и час пик. Мне приходили в метро очень интересные мысли, касающиеся работы. И сейчас так удивитель-

Слева:

*Мадемуазель
Нитуш
Коринн —
Анна
Дубровская*

Фото Валерия Мясникова

*Елена
Андреевна —
Анна
Дубровская,
Войницкий —
Сергей
Маковецкий*

но бывает — варишь борщ, и какой-то процесс параллельно варится у тебя в голове, и борщ вкусный получается (смеется).

— Хочу задать вопрос относительно режиссеров: с кем бы из

тех, которые уже ушли от нас, вы хотели поработать, если бы была такая гипотетическая возможность?

— Я вообще не тот человек, который мечтает о каких-то несбыточных моментах, но, наверное, могла

бы себя представить в фильме Тарковского или же, например, в фильме Бергмана. Они схожи, друг от друга черпали свое творчество и очень высоко друг друга оценивали. Что касается меня, на сегодняшний день в фильме «Анжелика и

— Нет, работать с Вадимом было непросто. Хотя в каких-то моментах это происходило легко, а где-то нет. Очень сложно какой-то одной краской определить работу с ним. Конечно, лучшие мои фильмы, и лучшие роли в моем арсенале, чем я могу

Фото Ольги Кузьяной

король» я бы себя уже и не представила, мне это было бы неинтересно. А вот в возрасте, например, 18-ти лет — да, это было бы мое место...

— Вы снимались у своего мужа Вадима Дубровицкого. Легко ли было с ним работать?

гордиться, и что имеет прямое отношение к искусству — это кино, в котором мне удалось сняться у Вадима.

— В спектаклях театра имени Вахтангова вы тратите огромное количество энергии. А как долго восстанавливаетесь после спектаклей?

Слева:

*«Обещание
на рассвете».*

*Мать —
Анна
Дубровская,
Гарри —
Григорий
Антипенко*

Фото Валерия Мясникова

*Принцесса
Турандот —
Анна
Дубровская,
Калаф —
Алексей
Завьялов*

— Физически это действительно очень трудно и затратно. Например, если я играю мадам Бовари или же «Обещание на рассвете» — это мои любимые спектакли, после них мне необходим день для восстановления, потому что столько уходит энергии, что болят мышцы, суставы, пальцы на ногах и руках, настолько сильная

идет концентрация. А в день, когда идет спектакль, я должна выспаться, чтобы быть в хорошей физической форме. Если же я с какой-то съемки приехала, или был недосып из-за тяжелого графика, игра превращается в какую-то пытку, и включаешь «экономный режим». Это я так называю «экономный режим», но это не зна-

Фото Валерия Мясникова

«Отелло».
Отелло —
Владимир
Симонов,
Дездемона —
Анна Дубровская

Справа:
«Мистер
Твистер».
Нина Андронаки
и Анна
Дубровская

чит, что ты там что-то недодаешь, нет. Ты начинаешь дифференцировать в процессе спектакля на главное и второстепенное. На второстепенные реплики или мизансцены максимально выключаешь тело, организм... Это уже профессиональное, ведь я 30 лет на сцене, так что навык имеется... Это профессиональные секреты, когда ты всегда в форме при любых «вводных».

— Если вернуться к прошлому, когда вы играли в картине Сергея Никоненко, легко ли было работать с Михаилом Задорновым? Он же все-таки был не артист в профессиональном понимании, как вы с ним срабатывались?

— Я тогда тоже была не совсем артистка, а студентка 2-го курса, еще и в положении, беременна на большом сроке. Съемки проходили

в Одессе. Это была моя первая картина с главной ролью. А что касается Задорнова... Благодаря Михаилу Николаевичу на съемках царилла какая-то особая доброжелательная атмосфера. Хотя кино снималось в 90-е, и, наверное, в этом фильме есть несовершенства, тем не менее, очень тепло, по-домашнему и с лю-

— Конечно, главное же, что картина получилась веселая, с чувством юмора...

— Да, она зрителям нравилась. Что тут говорить? Это был 1992 год, такое время, когда не снималось ничего, вообще никакого кино не было. И спасибо, что этот фильм посмотрело огромное количество зрителей.

Фото Антона Великжанина

бовью делалась это картина. Задорнов был чудесным человеком, он много шутил и понимал, что он не артист, да и не строил его из себя. Возможно, его нужно было больше разворачивать в сторону все-таки артиста, а не эстрадного писателя, как они хотели с Никоненко, но это уже такие нюансы, которые зритель неискушенный, я думаю, даже не заметил.

— Анна, а какими вам запомнились ваши легендарные педагоги?

— Об этом я могу говорить долго и восторженно! Щукинский институт для меня начался с моего главного учителя, Владимира Владимировича Иванова. Во многом благодаря ему я нахожусь сегодня вот в этой точке. Это мастер курса, на который я поступила. У нас был удивительный

курс, из состоявшихся артистов, которых все знают и любят, я могу их назвать: Мария Аронова, Нонна Гришаева, Кирилл Пирогов, Владимир Епифанцев. Ивановым был дан та-

ляются слезы... Он был и остается каким-то невероятным авторитетом не только как актер, но и как руководитель театра. Хотя в нем было так много положительных черт и качеств,

Фото Валерия Мясникова

*Шерер —
Анна
Дубровская,
князь
Василий —
Юрий Шлыков*

Справа:
*«Феллини».
Луиза —
Анна
Дубровская*

кой толчок — и человеческий, и профессиональный, который невозможно переоценить. Я вспоминаю годы учебы как какое-то невероятное погружение в мир этой профессии в абсолютно чистом виде.

И, конечно, для меня кумир, какой-то образец, до которого дотянуться никому не удастся в плане человеческого и актерского, — это Михаил Александрович Ульянов. Даже когда я произношу его имя, у меня появ-

что делало его, скорее, слабым руководителем, чем сильным. Он намного больше, чем это положено руководителю театра, входил в положение кого-то, чьих-то слабостей, чьих-то наглостей. В его руководстве не было каких-то карательных моментов, что, наверное, не совсем правильно, потому что, чтобы держать большой коллектив, нужно обладать определенной жесткостью и эмоциональной отключенностью.

Он же пытался все объяснить, войти в положение людей, которые могли себе позволить, к примеру, нетрезвыми выйти на сцену. Он не мог их уволить, ему их было жалко, и этим многие пользовались, воспринимая как слабость. А Михаил Александрович просто был человеком с огромным благородством и достоинством! И силой духа, потому что уходил он очень тяжело. Его любовь к театру и к жизни были потрясающими. Он все равно, несмотря на свое самочувствие, приходил в театр. Я ему благодарна, что он взял меня в театр на роль Принцессы Турандот. Он ведь не был главным режиссером, у него не было режиссерских амбиций. Он приглашал режиссеров. Когда я пришла в театр, в одной аудитории репетировал Петр Наумович Фоменко, великий мэтр, в другом зале репетировал Виктюк, на спектакли которого просто ломились, в третьем зале — Мирзоев, который только появился на театральном горизонте и был тогда уже очень модным. Это были 90-е годы, когда вообще никому было не до театра. А Михаил Александрович бегал,

уговаривал, умолял режиссеров ставить в нашем театре спектакли. И это была большая школа — работать у таких мастеров, мэтров.

Для меня Ульянов был и остается эталонным и человека, и руководителя, в котором сочетались и человеческие качества, и величие фигуры...

— Сергей Бодров пригласил вас на главную роль в своем последнем фильме. О чем должен был рассказать зри-

телям этот фильм, и почему его съемки не состоялись?

— Там было про мистику, про магию, про то, что все это рядом. Что есть мир наш, реальный, а есть параллельные какие-то миры, и одно влияет на другое...

Это многослойная история, очень талантливый сценарий. Невероятная могла бы быть картина, но ей не суждено было случиться. И так страшно все оборвалось... А что касается вопроса «почему», то тут можно только фантазировать и предполагать, как одно связано с другим. Я не возьму на себя право все связывать, обобщать, завязывать трагедию с сюжетом сценария. Наверное, где-то что-то все-таки предначертано. Я уехала утром, у меня был спектакль в театра имени Вахтангова, где я играла Дездемону в спектакле «Отелло» по Шекспиру, и было изначально запланировано, что я отлучусь в этот день и не буду сниматься в фильме...

— Возвращаясь к театру, мне кажется, вы подходите очень скрупулезно к работе. А как вы считаете, есть ли у вас недостатки не как у человека, а как у актрисы?

— Я не знаю, что сказать (смеется). Это такая вообще профессия, в которой существует база, где есть свои наработанные при-

емы, штампы. О «штампах» всегда говорят со знаком минус — вот артист со штампом. А нам в свое время прекрасные старые педагоги говорили: «Слушайте, не надо бояться штампов. Просто у плохого артиста 3 штампа, а у хорошего артиста их 333». Это свои какие-то наработки. Наверное, важно в этом смысле иметь свежее такое незамутненное восприятие самого себя, критическое мышление к самому себе, чтобы видеть и понимать, что здесь ты фальшивишь, и это нужно пресечь в себе. Мне часто вспоминаются слова Михаила Александровича Ульянова, который говорил, что если у тебя получилась роль — вчера ты сыграл в театре блестяще, и понял это, то главное, в следующем спектакле не пытаться повторить то, что сделал в прошлый раз. Чтобы это было живое и свежее, и чтобы это было талантливо, нужно каждый раз играть по-новому. Каждый раз нажимать какие-то новые клавиши, новые кнопки внутри себя, не идти по проторенной до-

*«Фредерик, или Бульвар преступлений».
Фредерик — Василий Лановой,
Береника — Анна Дубровская*

рожке. Когда ты начинаешь ее повторять, то она уже меняется качественно: нет уникальности, нет твоего индивидуального звучания голоса, я имею в виду в широком смысле. Вот за этим, наверное, надо следить и не идти по пути наименьшего сопротивления, а все время прилагать какие-то внутренние усилия... □

Беседовала **Дарья Парчинская**

Фото предоставлено пресс-службой театра им. Вахтангова

ЗАВЕЩАНИЕ

У деда Силантия были красивые имя и борода. Ну, имя — понятно. А борода была под стать — важная, можно сказать, степенная. Не метлой, не лопатой, и не очесок какой. Как белая волна — стекала с лица и впадала прямо в пояс. Торжественная борода.

Правда, больше ничего красивого у деда Силантия не было. Пятистенка, крепкая еще, не кренилась, но было уже в ней что-то уходящее. То ли обшарпанное крыльцо, то ли дух от старых циновок, то ли бревна — кое-где насквозь потрескавшиеся. Внутри было чисто и пусто. Печь, стол у окна с облупленной белой рамой, полуистертая клеенка на столе... что еще... пара табуреток, тахта в дальнем углу. Каждую ночь, когда дед Силантий ложился почивать, тахта вместе со скрипом выдавала пыль. Столько пыли, что сложно не закашляться. Тогда она скрипела еще больше, словно жалуюсь хозяину на бессрочную службу.

Неуютно было в избе, но дед Силантий этого уже давно не замечал. Кормился рыбой с речки, картошкой с огорода, тушенкой, что раньше привозил сын, а потом, когда сын скоропостижно умер от саркомы, редкими консервами из сельпо. Внук Андрей не привозил ничего. Хотя нет, привез новые поплавки, да лесу в позапрошлом годе, а из продуктов чего-то не догадался. Андрей работал в городе — не в райцентре, а в самой Москве, в какой-то важной организации. Он говорил, да Силантий не запомнил. На эти мудреные названия ухо у него было не приспособлено. Андрей приезжал с де-

вушкой, сказал — невеста. Женился он или нет, Силантий не знал — на свадьбу его не звали, и письмом тоже известий не было. Может, женился, а мож и нет — у этих молодых, да современных все как-то непрочно. Вот у них — Силантия и Меланьи было прочней железа. Еще бы — раз железо их и связало. Дед Силантий был тогда не дедом, а лейтенантом. И лежал раненый в госпитальной палатке, практически на передовой. А Меланья перевязку делала — бойко так, умело, старалась боли лишней не причинять. Ему тогда подо Гдовом осколком полплеча разворотило. Хирург вынул все, что смог. Меланья перевязывала уже, когда мессеры налетели. Им хоть красный крест, хоть какой — бомбят в удовольствие. Палатку снесло к чертям, кровати поопрокидывало. И вот сидит Меланья на его кровати в чистом поле под бомбами, молится, а он, полуперевязанный, здоровой рукой Меланьину ладошку сжал, глаза закрыл и тоже «Отче наш» вспоминает. Хирург мимо пробегает, орет благим матом — не молиться, бежать надо со всех ног! Тут ему голову и снесло. Начисто. Как доброй косой ромашку. А они так и остались на кровати — он — лежа, она — сидя. Белая, как ее халат. И ведь даже не задело, испугом отделались. А когда мессера ушли, он уже ладошку Меланьину не выпустил. Загадал — живы останутся, женится на ней. Она тогда еще на него глазами брызнула, но ничего супротив не сказала и руку не отняла. Потом только, когда свадьбу играли, призналась — то же самое загадала, да у Господа молила, чтоб не разлучал. И если погибнуть, так вместе, тут же. Может, под этот загад и оставил их Всевышний на земле. Силантий-да-Меланья — у соседей в присловье вошло, как Иван-да-Марья, настолько дружно жили, душа в душу, как ладонь в ладонь. Силантий раньше плотничал, да как плотничал — глазам на радость, заказчику — в удовольствие. Работал когда с инструментом — руки пели. Часто людям и за «спасибо» не отказывал, когда заказов не густо было. Не все, правда, красоту понимали. Колян — сосед наискосок — за всегда бычился, когда Силантий ему предлагал то кровлю на доме подлатать, то водосток банный починить, то забор поправить.

— Не лезь! Мое! Захочу — сам починю. А не захочу — нехай валится.

Силантий в ответ фыркнул:

— Так ведь некрасиво, мил человек! Глянь — ендову повело совсем, следующую зиму не переживет, крепить надо.

— Тебе-то чего? — настаивал сосед. — Мое! Некрасивое, а мое! Свое тревожь, мое не трожь!

— В некрасивом доме и жисть некрасивая!

— А ты мою жисть не трогай! Не тебе дадена!

Силантий пожимал плечами и отступался. Соседскую крышу, действительно, на Богоявление завалило. Колян пыхал молчаливой злобой, подни-

мал стропила, сделал кое-как и тут же запил. Потом Силантий слышал — чуть ли не его винил, говорил, что заломил Силантий цену небесную, а не по-божески. Так и прожил Колян до самой смерти с переломанной баней, да кривым, словно запойным забором. С Силантием и Меланьей не здоровался и бабе своей Антонине заказал. А как помер через пару лет от пьянства, так Силантий, у вдовы не спрашивая, все наладил.

— Как строишь, так и живешь! — сказал напоследок, от платы, как и до того говорил, отказался.

Меланья, правда, дармовой работы не одобряла. Пилить — не пилила, но мужу выговаривала.

— Ты не понимаешь, что ли? Не ценят люди. А то еще — и обижаются.

— За что же людям на мою работу обижаться? — недоумевал Силантий.

— Отплатить им нечем, в долгу себя чувствуют. Обязаны будто. Ну, а коли совесть есть, то беспокойно им как-то. В должниках слыть-то.

Силантий оглаживал свою бороду, но понять женины резоны никак не мог. Совесть, по его разумению, не для этого была предназначена. Но долго они все равно не спорили, кто-то из них да переводил на другое. Чаше Меланья — и чаще всего на свою работу. Точнее сказать — на свою зарплату. Платили ей как почтальонше меньше трех тысяч. Надбавки какие-то полагались, но их и так никто не видел, а потом и вовсе отменили. Так и померла — прямо там, на почте. Кто-то из очереди наорал, посылки своей не дождавшись, будто Меланья за всю российскую почту в ответе. Охнула только, прижала охапку писем к сердцу, да так и осела — с чужими письмами в руках. Ни одного не выронила. Врачи сказали — острая сердечная недостаточность. Силантий на кладбище тогда подумал — у человека, который своей злобой другого умеет убить — вот у кого сердечная недостаточность. А земля и таких носит.

Последние десять лет ходил Силантий на женину могилку каждый божий день. Следил, ухаживал. За домом своим уже не так следил, как раньше, душу не вкладывал. Душа с Меланьей ушла. Порядок, как мог, держал, не давал покривиться ни дому, ни себе. Но все же без Меланьи это был уже не дом, а так... жилище. Земля, конечно, всех пережует. А пока — жить нужно. Но чтобы понять как — и приходил сюда Силантий. Сидел, молча вздыхал в свою роскошную бороду. А как что приятное совсем из жизни вспоминалось, улыбался — тоже в бороду, тишком. А в ведро почуял, что скоро и ему за Меланьей. Потому решил дед Силантий написать завещание.

Встал в тот день как обычно — с зарей, но ни на реку, ни на погост не пошел, даже на двор не выглянул. Долго искал подходящую бумагу, не нашел, вырвал лист из старой Меланьиной тетрадки, той, куда покойница записывала все расходы, покупки нужные, да сбережения с пенсии. Не успе-

ла закончить тетрадь Меланья, кончились ее земные расходы раньше. Вот такой листочек в линейку и вырвал дед Силантий — последний баланс сводить. Послюнявил карандаш, потом все-таки пошарил в ящике стола — достал авторучку. Завещание — документ серьезный, стираться не должен. Вывел, сопя над листом — «Моя последняя воля», вырвал лист, написал по-другому «Завещание гражданина Клименко Силантия Архиповича» и задумался. Долго так сидел дед Силантий, с ручкой в старых коряжистых пальцах, смотря в пустой лист. Не над тем думал, что отписать по духовной, а над тем — кому. Вернее, кому, было ясно — внук был один. Не просто — один внук, а из всей родни — один. Невестку Силантий не жаловал, особенно с тех пор, когда эта столичная мамзель на Меланьины поминки не приехала. Сын-то в Москву через нее попал, и столичную прописку по женитьбе получил. Старики были раз у них — когда внук Андрюша родился. Меланья много чего напекла, меду взяла, всяких гостинцев по узелку. Эта, московская-то, с расфуфыренным именем Эльвира, бросила все в холодильник, не глядя. Позже Силантий еще раз побывал в Москве — уже у Андрея. Нужно было Силантию одну бумагу выхлопотать для всего села. Все знали, что у него внучок при начальстве, вот и снарядили — решить вопрос по пашням — между двумя районами ничейная земля образовалась. Отдать в надежные руки, ответа дождаться и привезти бумагу Силантий смог, а вот ответа не дождался. Правда, Андрей предупреждал — нет никакого смысла в Москве сидеть, ответ в район и так официально придет. Силантий тоже так думал, но для порядка решил неделю «посидеть». Внук, конечно, не обрадовался, но квартира у него двухкомнатная была, женщины на тот момент рядом не наблюдалось, так что стерпелись.

Походил Силантий по Москве, поездил. Огромный город, ничего не скажешь. Дома под облака, а вот люди мелковаты — не по росту, конечно, а по сердцу. Но что-то такое было в здешних людях... примесь какая-то. К примеру, стояли они в пробке на окружной дороге — МКАД, если коротко называть. Андрей чертыхался направо и налево, на него тоже огрызались. Ну, это понятно. Хотя они особо и не спешили, нервы все же не железные. Потом с левого ряда их «скорая» подвинула сигналами да фарами. Больного, верно, везли, или, наоборот, за больным ехали. И все бы ничего, но Андрей и еще несколько таких же ловких «скорую» пропустили и за ней на большой скорости — как за ледоколом по чистой воде. Силантию стало неловко, выходило, что они чьей-то бедой пользуются. Поделился с внуком, а тот только усмехнулся, причем, как показалось Силантию, не без превосходства:

— Ты чего, дедуль? Это же Москва! Тут хлебалом щелкать нельзя — либо ты, либо тебя. Мы вреда никому не делаем, закон не нарушаем. Так что расслабься.

«Либо тебя... прям, как на войне» — подумал Силантий, но вслух возражать не стал. К тому же и «расслабляться» совершенно не хотелось. Закон законом, но на фронте таких пронырливых ох как не любили.

А внук продолжал:

— Еще ведь неизвестно, кого везут — больного или блатного. Они сейчас за деньги так мимо пробок народ возят, что побогаче. Как такси, только с гирляндами. А если к больному, так ему такой счет выпишут... Мне сосед как-то жаловался, что еще подумаешь, может, легче было бы сразу помереть. Приезжает, говорит, докторша — этакая цаца, красивая, надушенная, напомаженная, халатиком своим беленьким шелестит — прямо как невеста фатой.

Силантий поерзал на сиденье. Вспомнил Меланью в халате тогда, под налетом. На фронте «цац» не было, а были санитарки, медсестры, сестрички. Их солдаты любили по-братски, берегли, а за «цацу» могли запросто каску в мозги вмять — где-нибудь в дальнем окопе. Или вот еще — тоже на дороге. Ехали с внуком по какому-то проспекту. Одна пожилая женщина не по подземному переходу пошла, а по верху, прямо между машинами. По глупости, конечно, по бабской. И чего ее понесло? Упала аккурат на середине дороги, так машин десять объехали ее, пока какой-то паренек не остановился, вышел и помог на ноги подняться. А Андрей на того паренька обозлился. Из-за таких козлов, говорит, все пробки в Москве и случаются. Даже посигналил, чтобы быстрее старухе помогал. Силантий огладил бороду и вдруг подумал, что его Андрей тоже бы объехал, не задумываясь.

Но, как бы там ни было, другой родни у деда Силантия не числилось, чтобы наследство отписать, значит. Так и просидел до темноты дед Силантий над листком в клеточку, думал, корпел. Кроме избы еще что-то нужно было внуку передать. Совет — не совет, кто стариковские советы сейчас слушать будет? Но чувствовал — одной избы мало. Дед Силантий включил лампу, придвинул ее поближе к тетрадке, чтобы глаза, значит, не устали раньше времени, проверил в который раз ручку, и вдруг голова его упала на крышку стола, прикоснувшись щекой к обратной стороне Меланьиной тетрадки...

По лампе и почуяла соседка неладное. Никогда дед Силантий днем свет жечь не стал бы. Бригада из района приехала не быстро, но к вечеру все же добралась. Оформили все, как полагается, удостоверили, выписали справку. Антонина заверила, что тут похоронит, поэтому не повезли. Участковый тоже не замаялся — все было просто и обычно. Лишь когда извлек из-под потускневшей белесой бороды листок бумаги, поскреб затылок, но никуда подшивать не стал, только головой покачал. Действительно, кто же такое завещает: «Добрых людей вокруг тебя, внучек, и сердца, чтобы добро хранить, а еще...» Тоже мне, «последняя воля», усмехнулся участковый на «добрых людей», оглянулся, куда бы деть листок, и, не найдя лучшего места, бросил его в печку... □

Жизнь на пуантах

Алла Зубкова

Об этой великой балерине сложено немало легенд. Согласно одной из них Павлова за сезон изнашивала около двух тысяч балетных туфель. Цифра впечатляющая. Впору заносить в Книгу рекордов Гиннеса. Но разве божественный талант можно измерить количеством стоптанной обуви? История балета не знает другой такой артистки, как Павлова: скольких людей коснулся горевший в ее груди священный огонь искусства. Личная жизнь этой замечательной женщины до сих пор покрыта флером тайны. Попытаться хоть немного приподнять эту завесу — задача не из легких.

Анна Павлова родилась в Санкт-Петербурге 31 января 1881 года по старому стилю. Ребенок появился на свет за два месяца до положенного срока и был настолько слабеньким,

что родители поспешили окрестить его уже на третий день. Это было в день святой Анны, поэтому девочку и нарекли этим именем. ... Мать Анны, Любовь Петровна, была прач-

кой. Что же касается отца ... Павлова, уже знаменитой балериной, в одном из интервью заявила, что ее отец, мелкий чиновник, умер спустя два года после ее рождения. Между тем, согласно официальной версии, отцом Анны считается отставной солдат Матвей Павлов. Однако этот человек, как свидетельствуют документы, был еще жив, когда Анне исполнилось уже восемнадцать. Всю свою жизнь Павлова предпочитала, чтобы ее называли не Анной Матвеевной, а Анной Павловной, но имя ее настоящего отца так до сих пор и остается загадкой. Некоторые полагают, что отцом Павловой мог быть

вица» в Мариинском театре, куда на Рождество повезла ее мать, произвел на девочку ошеломляющее впечатление. Желание стать балериной превратилось у нее едва ли не в навязчивую идею. Два года, которые Анне пришлось ждать, чтобы поступить в балетную школу, куда принимали только с десяти лет, нисколько не охладили ее пыл.

Строгая отборочная комиссия согласилась принять абитуриентку, хотя ее физические данные сочли не столь уж многообещающими. Да, девочка была грациозна, но, по мнению специалистов, чересчур хрупка, со слабой спинкой. У нее, правда, был

Шло время. Анна превратилась в тоненькую девушку роста чуть выше среднего. У нее была чарующая улыбка и выразительные грустные глаза, длинные, стройные, очень красивые ноги, изящная фигура, и такая воздушная, что казалось, она вот-вот оторвется от земли и улетит

известный петербургский банкир Лазарь Поляков, в доме у которого мать Анны, возможно, была в услужении.

Мать и дочь жили вдвоем в очень стесненных обстоятельствах, но материнской любовью и заботой девочка никогда не была обделена. Ей исполнилось восемь лет, когда произошло событие, которое сыграло определяющую роль во всей ее дальнейшей судьбе. Балет «Спящая Краса-

великолепный, на редкость высокий подъем, но на этом ее достоинства и заканчивались. Педагогам еще предстояло узнать, что, несмотря на кажущуюся хрупкость, Павлова обладает феноменальной выносливостью и поистине стальными мускулами. Но все это было потом, ну а пока ... пока девочке было рекомендовано усиленное питание. Она не спорила и мужественно глотала рыбий жир, к которому чувствовала отвращение.

С самого начала в занятиях Анна проявляла невероятное трудолюбие. Отличало ее и по-детски наивное честолюбие. В школу довольно часто приезжал император и члены царской фамилии. Как-то во время одного из визитов Александра III учеников пригласили в аудиторию. Царь посадил к себе на колени подружку Павловой. Маленькая Анна разрыдалась: «Я тоже хочу, чтобы государь посадил меня на колени», — сквозь слезы проговорила она. Желая утешить ее, великий князь Владимир Александрович взял ее на руки. Но девочке этого было мало: «Я хочу, чтобы государь поцеловал меня!» Великий князь хохотал до упаду.

Шло время. Анна превратилась в тоненькую девушку ростом чуть выше среднего. У нее была чарующая улыбка и выразительные грустные глаза; длинные, стройные, очень красивые ноги; фигура изящная, и такая воздушная, что казалось, она вот-вот оторвется от земли и улетит. После окончания школы она очень быстро прогрессировала, и уже вскоре ее окружало всеобщее поклонение весьма разборчивой петербургской публики. У нее была очень маленькая ножка, но большой палец выдавался довольно далеко. Это усложняло работу, так как именно на него приходился вес всего тела. Тем не менее, па де буре на пуантах через всю сцену она выполняла так стремительно и плавно, что, казалось, плыла в воздухе. В то же время она отличалась поразительным чувством равновесия

и могла как угодно долго сохранять его в своих изумительных арабесках.

Даже в самом начале карьеры юная Павлова обладала завидной уверенностью и самообладанием. Во время своего дебюта в Мариинском театре в *Pas de Almees* из балета «Дочь Фараона», выполняя пируэты, она потеряла контроль над своими движениями и с грохотом упала в суфлерскую будку, спиной к зрительному залу. Смех публики, одна-

ко, несколько ее не смутил: с улыбкой на лице она склонилась перед залом в грациозном реверансе. Балетоманы еще долго с умилением вспоминали об этом случае.

Несмотря на яркую творческую индивидуальность и незаурядное техническое мастерство, Павлова в то время еще не считалась звездой первой величины. На сцене Мариинки царила Матильда Кшесинская,

prima ballerina assoluta. Бывшая любовница последнего русского императора, она в то время была пассией великого князя Андрея. Зал замирал, когда она появлялась на сцене в роли Эсмеральды в сопровождении белой козочки. Коза эта была любимицей балерины и за исключением тех дней, когда «служила» в спектакле, жила у Кшесинской на даче в Стрельне.

Павлова быстро поднималась в «табеле о рангах» Мариинки. Вторая солистка, первая солистка. В 1905 году ей было присвоено звание балерины, а на следующий год — прима-балерины.

Иметь богатого покровителя танцовщицам императорских театров было отнюдь не зазорно. Напротив, это едва ли не предполагалось. С Виктором Дандре, чиновником правительствующего сената и членом петербургской Думы Анна познакомилась в 1899 году. Дандре, потомок обрусевшего французского дворянского рода, неплохо разбирался в искусстве и обожал балет. Сказать, что он восхищался ею, значит, ничего не сказать — он боготворил ее. И как женщину, и как актрису. Прекрасно понимал истинный масштаб ее дарования и считал своим долгом помочь ей достичь вершин в избранной профессии. Их отношения не походили на обычную связь балерины и состоятельного светского человека. Скромный и деликатный, Дандре всегда предпочитал оставаться в тени и никогда не афишировал свои отношения с прима-императорского театра. Для Анны он был скорее не любовником, а именно покровителем в высоком смысле этого слова, советником и старшим другом. По темпераменту они были совсем разными людьми. Анна — экспансивная, порывистая, подверженная быстрым сменам настроения. И Дандре — очень положительный, консервативный и урав-

новешенный. Вряд ли она страстно любила его. Зато испытывала к нему бесконечную благодарность и нежность за все, что он для нее делал.

Вообще все, что касалось ее личных дел, Павлова всегда держала за семью печатями, ни с кем не делилась своими переживаниями. По имеющимся, правда, довольно скудным данным, можно не сомневаться, что у этой женщины — нату-

ры страстной и горячей — были увлечения, но она никогда не афишировала их. Для нее это была сугубо личная тема, ее святая святых. Что же касается ее отношений с Дандре в тот период, то, со слов самой Павловой, сказанных в минуту откровенности подруге, следует: она сама заявила Виктору, что готова выйти за него замуж. Однако Дандре постарался убедить Анну в том, что замужество может помешать ее успешно развивавшейся карьере. Она поняла это как отказ, и больше разговора о браке не заводила.

Дандре приобрел для Анны прекрасный дом на престижном Английском проспекте с просторным репетиционным залом. Внешне все между ними оставалось по-прежнему, но, судя по всему, гордая женщина так и не смогла забыть нанесенную ей обиду.

В 1907 году Анна совершила свое первое зарубежное турне по странам Скандинавии. В Швеции король Оскар, не пропустивший ни одного ее выступления, вручил ей «Орден за заслуги». В Дании успех был не меньший, но гастроли в Копенгагене запомнились Анне не этим, а довольно неприятным инцидентом, случившимся в первый же вечер. Ведущие балерины императорского театра во время спектаклей украшали свой сценический костюм собственными драгоценностями. Закончив гримироваться, Анна взяла в руки свою шкатулку и с ужасом увидела, что ее бриллианты и изумруды исчезли. Она была в таком шоке, что о выступлении не могло быть и речи. Порядок номеров был срочно изменен, чтобы дать время prime придти в себя. Положение спас молодой партнер Анны, Адольф Больм. (Кстати, некоторые полагают, что именно он в то время был ее любовником.) Больм поспешил в отель, рассудив, что драгоценности, скорее всего, украл кто-нибудь из obsługi, и их, возможно, еще не успели вынести из помещения. Его догадка полностью подтвердилась. Срочно вызванный сыщик обнаружил брилли-

анты и изумруды в корзине для белья. Надо сказать, что Анна вообще редко носила дорогие украшения, будучи человеком достаточно скромным. Ее бриллианты хранились в банковских сейфах Санкт-Петербурга, Нью-Йорка и Лондона.

Павлова и дальше сочетала работу в Мариинском театре с интенсивными гастрольными поездками. Берлин, Париж, Нью-Йорк, Лондон. Всюду потрясающий успех. Во время ее выступлений на берегах Ту-

ной технике. Она завоевывала сердца своей неподражаемой грацией, утонченностью, каким-то неподдающимся описанию волшебством, одухотворенностью, присущей ей одной. Много говорилось об особой пластике движений ее рук. Это было индивидуальной особенностью дарования Павловой, и она умело пользовалась этим даром. Особенно ярко он проявился в ее знаменитом танце «Умиравший лебедь» на музыку Сен-Санса, который в 1907 году поста-

Работу в Мариинском театре Павлова сочетала с интенсивными гастрольными поездками: Берлин, Париж, Нью-Йорк, Лондон. Всюду — потрясающий успех. Во время ее выступлений на берегах Туманного Альбиона англичане изменили своей привычке начинать разговор о погоде и при встрече спрашивали друг у друга: «Видели ли вы Павлову?»

манного Альбиона англичане изменили своей привычке начинать разговор с вопроса о погоде: «Видели ли вы Павлову?» — сразу же интересовались они при встрече. Лондонские критики писали: «Подобно тому, как можно всю жизнь любоваться прекрасной картиной, без усталости созерцать Венеру Милосскую, читать и перечитывать какой-нибудь шедевр литературы, так можно без конца смотреть на Анну Павлову ...»

Но и на родине первенство Павловой на сцене уже никто не оспаривал. Дело было не только в виртуоз-

вил для нее Михаил Фокин. Оба трудились с таким вдохновением и самоотдачей, что работа над шедевром заняла менее получаса.

В зарубежных гастролях тех лет неизменным партнером Павловой был выдающийся русский танцовщик Михаил Мордкин. Поговаривали о романе между ними. Сам Мордкин много лет спустя утверждал, что он и Анна страстно любили друг друга. Однако, судя по всему, эти чувства владели ими не так уж долго. Вскоре стали возникать споры и разногласия, которые порой даже

принимали форму стычек. Во время одного из их выступлений в Лондоне в 1911 году Мордкин уронил Анну, и она дала ему пощечину. Михаил, безусловно, чувствовал себя в какой-то мере ущемленным. Анне выпадала львиная доля популярности и поклонения, на него же смотрели лишь как на ее партнера, хотя и у него была масса поклонников. Даже великий Энрико Карузо называл его «Карузо танца». Как бы то ни было, но в 1911 году между ними произошел окончательный разрыв.

В том же 1911 году, находясь в Нью-Йорке, Анна получила тревожное письмо из Санкт-Петербурга: по обвинению в финансовой махинации и растрате был арестован Виктор Дандре. Анна немедленно приказала своему импресарио выслать в Пе-

тербург восемнадцать тысяч долларов, эквивалент тридцати пяти тысяч рублей. Сумма была немалая, она хорошо представляла залог, под который Дандре мог быть отпущен из камеры предварительного заключения. Так называемое дело Гурко-Эстера-Лидваля-Дандре тянулось вплоть до революции 1917 года, однако Дандре не стал дожидаться его окончания. В марте 1912 года он уже был в Лондоне и стал менеджером и импресарио Анны, ведал всеми финансовыми делами, хотя последнее слово всегда оставалось за ней. Они были бесконечно привязаны друг к другу, но любовь их теперь носила чисто платонический характер. Никакого секса — твердо решила сама Анна. Отношения их были очень непростые. Должно быть, даже самая

великодушная женщина вряд ли способна полностью простить нанесенное ей когда-то оскорбление. Теперь же, на вершине славы, Анне было смешно вспоминать, как когда-то она хотела стать «мадам Дандре». Брак с Виктором был ей не нужен, он и так полностью зависел от нее, принадлежал ей. Тем не менее, существовали условности, которые трудно было обойти. Они жили вместе. В Лондоне Анна приобрела великолепный Айви Хаус — «дом, увитый плющом», с небольшим парком и прудом, где она поселила белых лебедей. Они вместе путешествовали, останавливались в отелях. И все же в обществе существовали условности, которые трудно было обойти, и Анна, вняв совету своих английских друзей, тайно обвенчалась с Дандре. Знал об этом только узкий круг лиц, хранивших полное молчание. Следует заметить, однако, что после смерти Павловой Дандре не смог предъявить свидетельство об их браке, а потому потерял право на недвижимость, принадлежавшую Анне в Англии.

Надо сказать, что жизнь Дандре вообще была не легка. Вспыльчивая, эмоциональная Анна своими придирками порой доводила его до слез. Она и тапочки в него могла швырнуть. Когда же обиженный Виктор запирался в кабинете, Анна барабанила по двери кулачками, умоляя простить ее, но как только он выходил, все повторялось сначала. От перепадов в настроении Анны страдал не только Дандре, но и де-

вочки — ученицы, которые в то время занимались с ней балетом в ее Айви Хаусе. Павлова обожала детей, но когда настроение у нее было плохим (девочки узнавали это по цвету тунки, которую она надевала на занятия), угодить ей было очень трудно. В другое же время она бывала необычайно ласкова и заботлива. Девочки обожали ее и больше всего на свете боялись огорчить. А когда все-таки получали от нее строгий выговор, в зал тихонько входил добряк Дандре. Он угощал расстроенных девчушек фруктами и нередко, взяв за руку, отводил к пруду полюбоваться на лебедей.

В 1913 году Павлова покинула Мариинский театр и организовала собственную труппу. Поклонники балерины, естественно, сожалели об этом. Среди них был и последний русский император. Николай II высоко ценил талант Павловой. Он наградил ее золотой медалью со своим именем, выгравированным на ней. Также по его заказу известный скульптор изваял статуэтку балерины, а императорский завод изготовил с нее фарфоровые копии.

Первая мировая война застала Павлову в Германии. Однако ей удалось через Бельгию добраться до Англии, которая отныне стала для нее вторым домом. Но в воюющей Европе балет теперь мало кого интересовал, а нужно было на что-то жить. После возвращения из Германии все средства Павловой составляли всего сто фунтов стерлингов, да и те были выписаны на один из берлинских банков. Да, конечно, у нее оставались драгоценности, но кто мог сказать, сколько продлится война и хватит ли этого? Единственным выходом были гастроль в Новом Свете. Американцы уже хорошо знали Павлову, знали и восторгались ею. Газеты окрестили ее «Великой Анной», владельцы варьете и эстрадных залов сулили ей фантастические деньги за выступления на их площадках. «Я не артистка цирка и никогда не буду выступать с дрессированными животными», — заявила она в 1914 году. Но все течет, все изменяется. Уже через два года Павлова согласилась выступать

в нью-йоркском Ипподроме, грандиозном здании на 6-й Авеню. Она танцевала там под музыку Чайковского, а после нее выступали дрессированные слоны и львы, акробаты, фокусники и фигуристы. Всего же за несколько лет гастролей в Америке Павлова и ее труппа посетили сотни больших и малых городов. Побывали они и в Голливуде, где Анна познакомилась и подружилась с Чарли Чаплиным. Кстати, там она сама снялась в фильме «Немая из Портичи» как драматическая актриса.

В соседней со Штатами Мексике Павлова также выступала на самых различных площадках, но присутствие духа никогда не изменяло великой балерине. В Мехико ей пришлось танцевать на арене для боя быков. Едва представление началось, как разразился сильнейший ливень. С декораций стала стекать краска. Большинство зрителей, также как и артисты балета, укрылись под трибунами, однако часть зрителей, недовольная прекращением спектакля, стала роптать, требуя возвращения денег. Тогда Павлова, надев костюм лебедя и дождавшись ослабления дождя, вышла на арену и исполнила свой знаменитый номер.

А дальше были гастроль по Южной Америке и другим странам.

В Лондон, в свой Айви Хаус, Павлова вернулась весной 1920 года после более чем пятилетнего отсутствия и была очень огорчена, когда лебеди, жившие на пруду, не откликнулись на ее голос. Она упомянула

об этом в одном из своих интервью. И вскоре ей пришло письмо от орнитолога-любителя. Он вызвался приехать в Айви Хаус и позаниматься с порядком одичавшими птицами. Павлова согласилась. За довольно короткое время «профессор», как прозвала его Анна, настолько приручил благородных птиц, что они по первому зову хозяйки подплывали к ней и выходили на берег. Лебеди вели себя довольно спокойно даже тогда, когда Анна позволяла себе с ними фамильярности, тиская их как любимую домашнюю собачонку. Павлова вообще обожала животных. Правда, кошек она не держала из-за аллергии. Но собаки у нее были всегда. Она предпочитала песиков со вздернутыми мордочками — пекинесов, английских и французских бульдогов, бостонских терьеров. Из своих вояжей она привозила и экзотических животных, однажды из Флориды вывезла даже детеныша аллигатора, но бедняга не выдержал питейских морозов и отошел в мир иной. В Айви Хаусе кроме лебедей Анна держала и экзотических птиц, одна из них была очень редкая, подаренная ей в Новой Зеландии.

В своем доме Павлова часто устраивала приемы для своих друзей. Несмотря на чисто английское окружение, она в своих вкусах оставалась истинно русским человеком. Это касалось и еды. В ее меню неизменно входили гречневая каша, биточки в сметане, осетрина, черный хлеб. У нее был русский повар Вла-

Чарли Чаплин и Анна Павлова

димир, который мастерски готовил национальные блюда. Разумеется, как артистка балета, Павлова внимательно следила за своим меню. Она предпочитала разнообразие в пище, но всегда довольствовалась очень небольшими порциями.

А еще она очень любила купаться. Но вот парадокс — насколько грациозно она выглядела на сцене, настолько забавны и неуклюжи были ее движения в воде. Она никогда не входила в воду спокойно и плавно, предпочитая нырять. Но делала это очень неумело со страшным всплеском. Однажды, ныряя, она сильно ушиблась, поэтому всякий раз, когда она купалась, за ней внимательно

сlediли, держа наготове спасательные принадлежности.

Одевалась Павлова всегда безукоризненно. У нее был отменный вкус. Она никогда не следовала рабски в фарватере моды, но, как говорили, «всегда опережала ее, по крайней мере, на полгода». Даже самое простое платье выглядело на ней так, будто его сконструировал великий

они также Египет, Австралию и Новую Зеландию. И везде имели огромный успех.

Всего же за свою жизнь Павлова побывала почти в пятидесяти странах, причем в некоторых многократно. На поездах, пароходах, автомобилях она проехала около 800 тысяч километров. Но... не приезжала она только в Россию. Павлова безумно

Первенство Павловой на сцене уже никто не оспаривал. Дело было не только в виртуозной технике. Она завоевывала сердца своей неподражаемой грацией, утонченностью, каким-то неподдающимся описанию волшебством, одухотворенностью, присущей ей одной. Много говорилось об особой пластике ее рук. Она умело пользовалась этим даром, который ярко проявился в ее знаменитом танце «Умиравший лебедь». Этот танец поставил для нее Михаил Фокин

кутюрье. Но она также пользовалась и услугами домов высокой моды. В частности, ей нравились модели от Fortuny. Несколько платьев она сшила себе по эскизам известного русского театрального художника Бакста. Не боялась она надевать и весьма экстравагантные вещи. Дамы высшего лондонского света долго не могли забыть ее шубу из шиншиллы с каракулевыми вставками.

В 1922 году Павлова со своей труппой предприняла большое турне по странам Азии, в том числе Японии, Китаю и Индии. Посетили

тосковала по родине, часто вспоминала милые сердцу места. Почему же все-таки она не вернулась домой? Однозначно ответить на этот вопрос едва ли возможно. Вся ее жизнь была подчинена сложной системе контрактов и ангажементов, нарушение которых было чревато огромными финансовыми потерями. Помимо собственного материального благополучия, ей надо было думать и о положении других членов созданного ею коллектива — она не могла бросить их на произвол судьбы. Но были, разумеется, и другие причины. Можно предположить, что

Павлова не очень-то доверяла новой власти. Скорее всего, сомнения эти усугублялись и информацией, которую она получала от деятелей культуры, выехавших из Советской России, в частности, от своего близкого друга Федора Шаляпина. Павлова регулярно посылала щедрую материальную помощь своей матери, живущей в Ленинграде, но порой эти посылки приходили назад с извещением: «Советские люди не нуждаются в подачках с Запада». Правда, справедливости ради следует сказать, что в 1924 году матери Павловой было разрешено выехать за границу к дочери.

В течение многих лет Павлова несла непосильную нагрузку, которая подрывала ее здоровье. Порой к концу выступлений она уставала до изнеможения. Анна уже подумывала о приближении конца артистической карьеры, но эта мысль была для нее нестерпима. Оставить сцену? Да ведь это страшнее смерти!

20 января 1931 года многие газеты мира перепечатали телеграмму из

Гааги, которая была озаглавлена так: «Впервые за тридцать лет Павлова пропускает спектакль». Вот что в ней говорилось: «Павлова прибыла сюда в субботу 17 января из Парижа в свое последнее мировое турне. В поезде, возвращаясь с Ривьеры, она простудилась ...» Да, все так и было. Тяжелое воспаление легких. Анна почти все время была без сознания, и около нее постоянно дежурили Дандре, доктор и сиделка. Неожиданно она открыла глаза. Губы ее слабо шевелились. Дандре наклонился над нею. «Приготовьте мой костюм Лебеда ...» — прошептала Павлова. Это были ее последние слова. 23 января 1931 года великой балерины не стало. Через три недели ей должно было исполниться пятьдесят лет... □

Таксидермист Митя

В небольшой частной мастерской по изготовлению чучел усердно трудился Митя, пятидесятидвухлетний таксидермист. Вокруг него суетился начальник — Павел Николаевич, юркий и вертлявый мужичок на пару лет моложе Мити.

— Эх, Митяй, какой заказ! Целых пять позиций — для нашей маленькой конторки это целое состояние, а какая реклама на будущее! — говорил, довольно потирая руки начальник. — И прямо под Новый год! Будет тебе хорошая премия, ну и мне, конечно, тоже.

— Палыч, премия — это хорошо, это божественно! Праздник на носу, а у нас телевизор барахлит, елка старая, мать ругается. Так хоть ее порадую.

— Еще как порадуешь! Думаю, что с такого заказа и себя маленько побаловать останется.

— Хорошо бы, елки зеленые! — присвистнул Митя, поправляя чучело зайца. — А что за заказ такой необыкновенный?

Павел Николаевич погрузился в телефон и начал листать сообщения в почте.

— О, нашел. Селезень — одна штука, белки — две штуки, ворон — одна штука, скелет анатомический, сто восемьдесят сантиметров, — одна штука.

— Скелет? — поднял на начальника удивленные глаза Митя. — Сто восемьдесят сантиметров? Это чей же? Лося или медведя?

— Какого еще лося? Дурень! Человеческий. Мужской.

— Николаич, ты что, шутишь, что ли?

— Какие уж тут шутки?

— Елки зеленые! — захлопал глазами Митя. — Да где я его достану? Я на кладбище кости рыть не пойду, даже не просите. Ни за премию, ни за две... — Он немного помолчал, а потом добавил едва слышно: — шибко боязно.

— Да ты что, сдурел совсем, что ли? Какое кладбище? Это для художественной школы заказ. Один влиятельный меценат хочет преподнести в дар, ну и обратился к нам. Что я, должен был отказаться от такой сделки из-за какого-то несчастного скелета и оставить нас без премии и без зарплаты? И, между прочим, эти кости самые дорогушие!

— Нет, конечно, — с сомнением пожал плечами Митя, — только вот тут срок две недели, а я двести костей и за полгода не выпилю.

— Ничего. Помаленьку! Глаза боятся, а руки делают! Ты мужик голова-стый, что-нибудь придумаешь. Давай-ка зайца этого плешивого в сторону отложи пока, не горит. Есть дела и поважнее!

— Куда отложи? Завтра Прощка придет, он же всю сумму сразу внес.

— Ничего, подождет твой Прощка. У него один заяц, а тут пять позиций, да еще каких!

— А аванс?

— Опосля. Как от мецената получу предоплату, так сразу тебе и переведу. Ты пойми, сроки поджимают, а заготовки старые есть, вот их и используй. И вообще, у тебя одни деньги на уме! Ты бы лучше о школьниках подумал, которые ждут не дождутся, чтоб нарисовать твои чучела. Стыдно, Митяй, тебе должно быть, стыдно! — Начальник похлопал Митю по плечу и направился к двери.

— О деньгах, о деньгах! — передразнил Павла Николаевича Митя, — можно подумать, что ты не о них, а о детках печешься, образина косая.

— Ты что-то сказал? — оглянулся начальник.

Митя вспыхнул и тут же покраснел как вареный рак.

— Счастливого пути вам пожелал.

— Ну-ну, — ухмыльнулся начальник и скрылся за дверью.

Митяй явился домой расстроенный. Он жил с матерью в старой двушке на окраине маленького уральского городка. Нина Семеновна, завидев пришедшего с работы сына, засуетилась на кухне. Митяй, смочив руки водой и плеснув на бледное лицо, устало бухнулся на табурет, уставившись в одну точку. Перед ним тут же нарисовалась ароматная тарелка борща, горбушка свежего черного хлеба, натертая пахучим чесноком, и банка сметаны. Но Митяй лишь взял ложку и начал задумчиво мешать суп, предварительно ничего туда не положив.

— Ты что кислый такой, Митюша? Случилось чего? — спросила Нина Семеновна, усаживаясь рядом с сыном. — Опять этот паскудник Пашка из тебя жилы тянет?

Митя наконец поднял уставшие глаза и еле слышно процедил:

— Знамо дело!

— Послал бог племянничка! Спасу нет! Я ему устрою, охламону проклятому! Ты ж у меня талант! Золотые руки, а он только и знает, что деньги на тебе делать! Что на этот раз?

— Да заказ новый, большой, а срок — до Нового года.

— Господи! — всплеснула руками мать. — Да у нас заготовок полгаража. Неужто не справишься? Или там крокодил нильский требуется?

— Хуже! Скелет человеческий, сто восемьдесят сантиметров. Вот где я его возьму?

— Подожди, подожди... — Мать встала и начала расхаживать по кухне. — Не поднимай волны, лучше ешь давай, а то остынет совсем. А еще лучше, выпей махонькую.

Она вытащила из шкафа бутылку без этикетки, налила стопку до краев и поставила перед Митей. Он тут же опрокинул ее и, недовольно поморщившись, прохрипел:

— Не пошла, сволочь!

Нина Семеновна ухмыльнулась — этот трюк она уже знала — и тут же налила еще стопку. Митя опустошил и эту, а потом с аппетитом принялся за суп. А мать, сделав пару задумчивых кругов по кухне, подошла к телефону и стала спешно набирать номер.

— Ало, Михалыч! Это Семеновна. Дело есть. Слушай, у вас там в кабинете биологии скелет человеческий имеется? Ага, ага. Скоммуниздить бы его. Пол-литры поставлю. Ты мою настойку на вишневых косточках знаешь. — Она смущенно захихикала, а потом вдруг все кокетство разом сошло с лица, и оно тут же приобрело серьезный вид, если не сказать враждебный: — Какое подсудное дело? Ты что брякаешь, охламон? Ну, тогда завтра ночью сделаешь вид, что тебя понос пробрал, оттого и на посту отсутствовал.

Нина Семеновна хлопнула трубкой и, уперев руки в боки, повернулась к Мите:

— Ну, все в ажуре! Будем брать!

Ночью в школе хоть глаз коли. Охранника на месте нет, как и было условлено заранее. Нина Семеновна пролистнула журнал, вычислила номер кабинета биологии и схватила с крючка соответствующий ключ. Передав его сыну, осталась ждать внизу, а Митя крался по коридору к лестнице с небольшим фонариком в руках. Он медленно поднялся на второй этаж и, бес-

шумно отперев нужную дверь, начал шарить внутри. Скелет красовался в самом конце класса. Лунный свет падал аккурат на его череп, придавая ему еще более зловещий вид. Митя поежился. Настоящий он или нет, черт его знает! А вдруг настоящий?! Но пускать такие мысли в голову было губительно, и мастер, стряхнув все сомнения, решительно направился к скелету.

Взяв фонарик в зубы, Митяй подхватил кости и ринулся вон из класса. Скелет был совсем не тяжелый, но объемный и, выходя из кабинета, Митя и сам не заметил, как треснул черепом о каркас.

— Батюшки-светы! — зашептал он и перекрестился.

Потом остановился, внимательно осмотрел череп и, утерев рукавом взмокший лоб, двинулся дальше к лестнице. У самых перил ему вдруг показалось, что внизу раздаются незнакомые голоса, и страшно испугался. Он и раньше был не в восторге от этой затеи, даже если мать предварительно договорилась со сторожем Михалычем, который вот уж лет двадцать сох то ли по настойке на вишневых косточках, то ли по самой Нине Семеновне. Митя вцепился одной рукой в перила и начал красться по лестнице вниз, чтобы незаметно подглядеть, кто это там разговаривает, и при случае обнаружения чужих тут же ретироваться обратно в кабинет биологии. Но вестибулярный аппарат подвел его, а может, и не он, а возобладавший страх, но Митяй тут же поскользнулся на ступенях и, выронив фонарь, с оглушительным грохотом покатился вниз по лестнице вместе со скелетом, чьи кости отбивали барабанную дробь по каждой гранитной ступеньке, разнося неприятное эхо по всей школе.

— Господи! Кости целы? — зашептала подлетевшая к сыну Нина Семеновна.

— Чьи? — потирая, ушибленное колено, застонал Митя.

— Твои, конечно. На кой черт мне о скелете этом поганом волноваться?

— Целы. Пошли скорее отсюда, пока не замели.

Они подхватили скелет и кинулись наутек, насколько позволяли Митины новоприобретенные ушибы...

... На следующий день наступил Новый год. Нина Семеновна отчаянно кромсала салаты и, не умолкая, ворчала, в то время как сам Митя безуспешно пытался собрать искусственную елку — она неумолимо рассыпалась у него в руках. Вдруг по квартире пронесся телефонный звонок, мастер чертыхнулся, швырнул в сторону очередную развалившуюся ветку, схватил трубку и, поставив звонок на громкую связь, смачно гаркнул:

— Я!

Из трубки слышался строгий голос начальника:

— Митяй, ты чучела в Питер отправил?

— Какие чучела?

— Это ты меня спрашиваешь, какие чучела?! У тебя их что, целый склад, что ли?

— Палыч Николаич, тьфу, ты, Павел Николаевич, елки зеленые, но ведь деньги так и не пришли! И потом, я давеча курьера вызвал, так он не явился, а я тоже человек! Новый год на носу. У меня мать больная, инвалид второй группы, туалет засорился, чайник прохудился, щели в окнах, а...

— Кончай весь свой список перечислять, сто раз слышал. Да и мать твою я как облупленную знаю. Мне сегодня опять звонили. Так вот, если посылка не будет доставлена в школу к первому рабочему дню нового года, с меня самого шкуру снимут и на чучело пустят. Про скелет вообще молчу.

Голос начальника перебил раздавшийся из кухни недовольный ропот матери:

— Нарисовался, Гусь-Хрустальный! Пошли его к черту! Обещанную премию зажал, так еще и в законный выходной работать заставляет! Знай, свое долдонит. А ты как телок бессловесный все тычешься! Праздник на носу, а у нас ни елки, ни салатов, ни телевизора нового! Я уже и в магазине приглядела, даже отложить попросила! Перед людьми стыдно! Чтоб его кондрашкахватила, ирода!

Митя бросил недоделанную ветку, вылетел на кухню и замахал перед материнским носом увесистым кулаком. Но та не остановилась, а, словно заезженная пластинка, начала повторять все то же самое, только еще громче. Митя постучал себе кулаком по лбу и, разъяренный, скрылся в комнате, с треском захлопнув дверь.

— Ну, вот что! — прошипел в трубку начальник, — будем считать, что я этого всего козлогласия не слышал. Ноги в руки и бегом на почту посылку оформлять, благо она сегодня до обеда работает. Как отправишь, мне тут же квитанцию пришлешь.

Митя молча отключил телефон, пнул ногами ветки, разбросанные по полу, оделся и недовольно бросил матери на ходу:

— Через час вернусь.

Он хлопнул дверью, а вслед ему опять полетели очередные претензии, которых он, к своему же счастью, уже не слышал.

Добежав до гаражного комплекса, Митя, зябко переминаясь с ноги на ногу, ковырял ключом в обледеневшем замке. Уж он и тер его, и дул со всей мочи, и плевал в скважину — замок никак не хотел поддаваться, пока отчаявшийся Митя не начал его материть на чем свет стоит. Тогда замок тут же щелкнул. Митя отбросил его в снег и зашел внутрь, оглядываясь по сторонам. Обнаружив стройный ряд коробок, он вытащил из кармана сложенный список, развернул его и начал зачитывать вслух: — Ворон *corvus corax* обыкновенный — одна штука, селезень породы кряква — одна штука...

Он отложил список и потянулся к верхней полке. С трудом стащил оттуда две коробки и начал их по очереди открывать. Запустив руку в первую, выудил за шею селезня. Но грохнувшая, словно пушечный выстрел, железная дверь так напугала Митю, что найденный селезень тут же выскользнул из рук. Перекрестившись несколько раз от испуга, он снова потянул руку за чучелом и с ужасом обнаружил, что у селезня отвалился глаз.

— Батюшки-светы! — воскликнул Митя, опустился на колени и начал шарить по полу.

В ладони то и дело впивались занозы, но Митяю было не до них. Вдруг под стеллажами блеснул малюсенький стеклянный шарик. Он с радостью вытащил его и попытался впихнуть обратно, но тот и не думал держаться. Митя издал отчаянный вопль и спросил сам себя:

— Ну и что теперь делать? Черт безрукий!

Спасительная мысль не заставила себя долго ждать.

— Надо выпить! — забубнил он себе под нос. — Потрясения такие, что спасу нет, аж весь похолодел изнутри. На кой шут мне эти хлопоты?

Он прощупал пыльные полки, нашел бутылку водки, откупорил ее, понюхал и поморщился. Затем рука скользнула в карман и достала оттуда жвачку. Митя налил водку в стакан, опрокинул залпом и тут же зажевал фруктовым миксом.

— Не пошла, сволочь! Надо еще одну принять!

Он приступил к новой порции, но уже с удовольствием, смакуя, и, пожевав еще немного жвачку, достал комок изо рта, оторвал небольшой кусочек и прилепил глаз селезню.

— О! — радостно воскликнул Митя, надо же, работает!

И уже воодушевленно, с настроением принялся вновь зачитывать список и проверять.

— Белки рыжие — две штуки. — Вытащил их из коробки и, приснув: — Страшные как черти из преисподней! — убрал обратно.

— Елки зеленые, ну, за чертей, что ли! Чтоб они никогда из своей коробки не вылезали и честным людям жить не мешали.

Молниеносно опрокинув в себя стакан, он продолжил осмотр.

— Сыч — одна штука. Стоп! Откуда сыч взялся? Не было сыча.

Размышления Митя о том, был ли изначально в списке сыч или нет, прервал звонок. Он посмотрел на телефон и ухмыльнулся:

— А вот и настоящий сыч нарисовался, собственной персоной. Сейчас пойдет зубоскалить.

— Ну, что там у нас? — раздался нетерпеливый голос начальника. — Митяй, кончай носом швыркать! Через час почта закроется! Если заказ не отправишь, уволю, к чертовой бабушке! Пеняй на себя!

Митя скорчил рожу экрану, отключил телефон и вновь принялся за дело.

— Скелет. Красавец! Как настоящий! Прямо жалко отдавать, уж шибко он мне глянется! — чуть не всплакнул мастер, убирая кости в коробку.

Придирчиво осмотрев еще раз коробки, он радостно провозгласил:

— Ну, все на месте!

Митяй погрузил чучела в тачку, схватился за ручки, и подогнав ее к входной створке, неожиданно споткнулся о порог. Тачка вылетела на улицу, и все коробки попадали в снег.

— Да что ж за день такой сегодня? — отчаянно взвыл Митяй, ползая на карачках по мокрому снегу.

Он с яростью закинул все коробки обратно в тачку и покатил ее нетвердым шагом напрямик на почту. Почтальонша Надя, румяная девица с пучком рыжих волос на вытянутой голове, натягивала пуховик, попутно выключая свет и решительно продвигаясь к выходу. Она подняла голову на шум и обомлела, но тут же решила натянуть маску недовольства и выгнать Митяя взашей, чего бы ей это не стоило.

— Закрыто, не видишь, что ли? Куда прешь, да еще с коробками!

— Как закрыто? — отчаянно промямлил Митя. — Почему закрыто? Десять минут ишо!

— Ходят тут, топчут. Они люди, а я нет, что ли? Мне что, праздновать не надо, что ли? — распалялась почтальонша.

— Ну будь человеком, Надежда! Прими коробки и иди себе с богом отмечать. Войди в положение. Позарез как надо! Ведь уволят меня, к чертям собачьим, — взмолился Митя, — елки зеленые!

— М-да? — вдруг выпалила почтальонша. — А когда я тебя на свои именины приглашала, что ж ты не явился, а?

— Когда это было? — непонимающе захлопал глазами Митя.

— Так две недели назад. Я стол накрыла, прическу сделала, до полуночи просидела за столом, — сорвалась на слезы почтальонша. — А теперь — будь человеком, Надежда?

— Батюшки-светы! — хлопнул себя по лбу Митя. — Прости, Надежда, забыл, елки зеленые! Ведь не со зла, устал я крепко. Сплошные хлопоты.

Он внимательно посмотрел на почтальоншу и почему-то только сейчас заметил, какие у нее удивительные глаза — голубые-голубые, а когда злитесь, вдруг становятся серыми, словно небо вот-вот прольется дождем. Почему он раньше этого не замечал? Вот только нос, правда, слегка походит на вороний клюв, но ведь это же не страшно. Зато волосы такие пушистые и мягкие, а еще рыжие-прерыжие, как у белки весной.

Надежда вытерла слезы и презрительно бросила, выключая последнюю лампочку:

— После праздников приходи.

Но не успела она проследовать мимо ошарашенного мастера, как в дверь вломилась запыхавшаяся Нина Семеновна.

— Отправил, кровинушка ты моя?

Митя лишь горько отмахнулся, поднял с пола коробки и понуро поплелся к двери. Нина Семеновна переводила наливающийся кровью взгляд с сына на Надежду, а потом набросилась на нее:

— Ты что, образина косая, не можешь коробки у человека принять? Стоишь тут, рот раззявя, честных людей задерживаешь! Правильно от тебя муж ушел, от такой нерадивой! Еще, считай, долго продержался! Так ему памятник при жизни за это надо поставить!

Надежда обмерла от страха и стыда. Муж-то и вправду сбежал к другой, оставив ее с двумя детьми. Она побледнела, стала стягивать с себя пуховик, а руки тянулись к выключателям и вновь зажигали потушенные лампы.

— Нина Семеновна, да что ж вы такое говорите, я ж только хотела...

Потом она бросилась к Мите, отобрала у него коробки и понеслась на свое рабочее место оформлять бумаги.

— То-то же! — радостно воскликнула мать.

Когда оставалось приклеить квитанцию на последнюю коробку, дверь почты распахнулась, и внутрь влетел покрасневшийся Павел Николаевич. Увидев знакомые коробки, он радостно заорал:

— Успел! Слава богу! Успел!

— Палыч Николаич, тьфу, Павел Николаич, сейчас все сделаем, последняя осталась, елки зеленые, — бодро проговорил Митяй.

— Вертай обратно! — начальник подлетел к почтальонше и начал отбирать у нее коробки. Но та вцепилась в них мертвой хваткой и не отдавала, вперив взгляд в Нину Семеновну и ожидая ее команды.

— Случилось что? — недоуменно спросил Митя.

— Случилось! Мецената-то нашего, оказывается, еще вчера посадили за взятку в особо крупном размере, все счета заморозили, не видать нам оплаты. А без оплаты шиш им, а не чучела со скелетом! Так что вертай все обратно на склад. Слава богу, успел! — задышался то ли от счастья, то ли от маршброска до почты начальник. Надежда ослабила хватку и выпустила коробку.

— Ах ты, паразит! — заорала Нина Семеновна. — Всю душу из моего ребенка вынул! Все жилы вытянул! Гоняет его по всему городу туда-сюда, да еще и насмехается!

— Ты что, Семеновна, ты что?

— Сифон свой закрой! Тоже мне, голубь мира нашелся!

— Нина Семеновна, каюсь, не доглядел, моя ошибка. Все исправлю! — взмолился начальник и тут же поспешил ретироваться, пока тетка не опомнилась и не приложила его чем-нибудь увесистым.

До Нового года оставалось всего четыре часа. Расстроенный Митя ввалился в квартиру, втащил ненавистные коробки и стал снимать куртку, которая все время цеплялась рукавом, лишь подливая масла в огонь и без того испорченного настроения. Нина Семеновна, обозлившись на весь свет, включая любимого сына, который, по ее словам, уже в гараже наспиртуозился, с почты направилась прямо к соседке отмечать Новый год. И пусть ему, то есть сыну, будет стыдно!

Митя выдохнул, опустил напряженные плечи и полез в холодильник. Его уже несколько часов мучил голод, он даже не помнил, ел ли вообще сегодня или нет. Праздничные запасы потрясли своей скудностью: бутылка водки, шампанское и батон колбасы. А где же салаты, которые так отчаянно стругала мать все утро? Непонятно.

Раздосадованный Митя вернулся в свою комнату, сгреб с пола сломанную елку и в несколько заходов выкинул ее в мусорную корзину. Бережно достал из коробки скелет и начал собирать его. В квартире воцарилась какая-то неприятная тишина, совсем не подходящая предпраздничному настроению. Взяв пульт с тумбочки, Митя попытался включить телевизор, но тот не подавал никаких признаков жизни. Тогда он поплелся на кухню, где стояло небольшое старенькое радио. Крутанул ручку, и по всей квартире полились веселые новогодние мелодии.

— Совсем другое дело, елки зеленые! — улыбнулся Митя и вновь погрузился в сборку скелета.

Когда «красавец» был готов, он обмотал его новогодней гирляндой, отнес на кухню и, заботливо усадив за стол, включил в розетку — скелет замигал всеми цветами радуги.

Часы неумолимо приближались к двенадцати, настало время проводить старый год. Митя вытащил чучела из коробок и рассадил их на кухонном столе. У белок были оторваны уши, у ворона клюв съехал в сторону, у селезня отсутствовали оба глаза. Митяй оглядел свой праздничный натюрморт и, хлопнув себя рукой по лбу, полез в холодильник, достал оттуда бутылку водки, колбасу, аккуратно нарезал и разложил на тарелке. Затем выключил свет, так что осталась мигать только гирлянда на скелете, и уселся за стол. Заполнив стакан до краев, уже поднял его для тоста, но перед этим окинул взглядом своих «собутельников» и недовольно поморщился. Одному пить как-то не пристало, он же не алкаш какой-то! Поставив стакан обратно, Митяй потянулся к шкафу, вытянул оттуда еще один, налил до краев и пододвинул скелету:

— Уж шибко ты мне глянешься! Виталиком будешь. Ну что? С праздником, дорогие мои! М-да, остались мы с вами одни-одинешеньки. И вы все потрепанные, и я не первой свежести. Жизнь как-то по-дурацки сложи-

лась. Жену не отстоял, сбежала она от меня. Скорее, не от меня, а от матери моей. Эта кого хочешь с ума сведет! Она, конечно, видела меня крутым бизнесменом, а я не оправдал, видишь ли, ее надежд! Ты ее берегись, Виталька, лучше под горячую руку не попадайся, а то и тебе достанется. Сын тоже знать не хочет, трубку даже не берет. Палыч этот Николаич, скупердйй тот еще, только деньги на мне делает. А, с другой стороны, кто я без него? Вот и приходится молча сопеть в тряпочку, да реверансы отвешивать. Эх, давайте-ка проводим старый год. Пусть в нем останется все плохое. Может, в новом улыбнется, наконец, счастье. Хоть капельку!

Он вновь налил себе водки и, чокнувшись с Виталиком, выпил. На часах уже было 23:40. В коридоре едва скрипнула входная дверь, но Митя настолько погрузился в свою исповедь и изливал без разбору все, что накопило за долгие годы, что не услышал, как в квартиру вошла мать. Румяная с мороза, веселая, с букетом из свежих еловых веток и тортиком в коробке. Митиным любимым — «Птичье молоко». В коридоре было темно, а руки заботливой матери оказались заняты покупками, да и сына на кухне она никак не могла разглядеть. Лишь скелет зловеще мерцал в темноте, озаряя на мгновения уродливые звериные рожи, непонятно откуда взявшиеся на их обеденном столе. Мать чувствовала, что ей не хватает воздуха, а коридор почему-то начинает вращаться вокруг нее с бешеной скоростью, словно туннель, и там впереди отнюдь не белый свет, а адское чистилище. Она издала отчаянный вопль и грохнулась на пол, потеряв сознание...

Митя вздрогнул от неожиданного глухого удара, но коридор оказался настолько темным, что не было никакой возможности что-либо разглядеть. Он вскочил, щелкнул выключателем и, с ужасом обнаружив распластавшуюся на потертом линолеуме мать, впал в ступор. Потом рванул на кухню, но по пути нечаянно наступил на коробку с тортом, чертыхнулся, заметался к холодильнику в поисках нашатырного спирта — его там, конечно же, не оказалось, стал открывать подряд все шкафы, выдвигать ящики — пусто. Но тут вдруг до него донеслись едва различимые всхлипы, и он, стремглав кинувшись обратно в коридор, опустился на колени рядом с матерью. Та пришла в себя и уже вовсю причитала:

— Горе-то какое! Единственный сын допился до зеленых чертей! Ой, люди добрые, помогите! Мать на чучело беличье променял, совсем умом двинулся. Со скелетом водкой чокается!

— Виталика не тронь, елки зеленые!

— Я тебе покажу Виталика, обормот! — вдруг заорала Нина Семеновна, схватила с пола еловые ветки и впервые в жизни начала хлестать ими Митю.

— Да ты что? Взбесилась, что ли? — уворачивался он от нее, пока настойчивый звонок в дверь вдруг не отрезвил обоих.

Они замерли на мгновение и переглянулись: гостей в столь поздний, да еще предпраздничный час никто не ждал. Митя нехотя пошел открывать.

— Митяй, с праздником, дорогой мой! С Новым годом! С новым счастьем! — ввалился в квартиру начальник, отряхивая пушистый снег с воротника.

— Чего приперся? — злобно бросила Нина Семеновна, все еще восседавшая на полу. — Ну, сейчас пойдет икру метать, только банку подставляй!

— Палыч Николаич, тьфу, ты, черт, Павел Николаевич, — покраснел Митя и беспомощно развел руками.

— Ладно уж, — усмехнулся начальник, — мне Палыч Николаич даже больше нравится, душевнее, что ли. Я чего пришел-то. В общем после праздников жду тебя на работе. Ну, пока без премии, конечно, увы. А в качестве компенсации привез тебе старый телевизор из мастерской. Дарю от чистого сердца!

— Спасибо. Не нужен мне ваш старый телевизор.

— Ну, не надо, так не надо. Только нехорошо, праздник все-таки!

— Можно мне в качестве компенсации скелет себе оставить?

— А, все равно сделка пропала. Черт с ним, забирай!

— Давай сюда свой телевизор, — тяжело поднимаясь на ноги, бросила Нина Семеновна.

Павел Николаевич скрылся за дверью и показался с увесистой коробкой в руках.

— Туда неси, — продолжала командовать хозяйка, указывая на кухню.

Не успел Митя захлопнуть дверь, как на пороге показалась почтальонша Надя. Кутаясь в объемный пуховик, она вытянула вперед очередную коробку, так что не было видно смущенного румянца на ее щеках. Митя молчал — от этих бесконечных коробок у него уже в глазах рябило.

— Вот, на почте белок своих оставили.

— Спасибо, — протянул в ответ мастер руки, чтобы принять пропажу.

Ничего больше не дождавшись, Надя обреченно выдавила:

— Ну, я пойду.

Вдруг бой курантов звучно прокатился по коридору, и Митя, опомнившись, втянул Надю в квартиру и закрыл дверь на щеколду. Невероятное счастье вдруг накрыло его своей волной, и ему так захотелось разделить это чувство со всеми собравшимися. Он бросился к холодильнику, достал шампанское и на ходу стал открывать. Пробка стрельнула в потолок, оторикошетила, пальнула скелету прямо в голову и застряла вместо глаза, но Митя лишь громко рассмеялся. На душе у него было тепло и радостно. Он разливал игристое по граненым стаканам и раздавал гостям.

— С Новым годом! С новым счастьем!

— У-р-а-а-а-а! □

Итоги конкурса «Братья наши меньшие»

Дорогие читатели!

Спасибо всем, кто принял участие в конкурсе! В редакцию пришло огромное количество писем, очень теплых, говорящих о том, что в душе у многих живет любовь к «братьям нашим меньшим», и она делает нас лучше и добрее, о чем говорят ваши письма. Можно сказать, что каждый из вас — победитель, но, к сожалению, условия конкурса диктуют свои правила, и призовых мест только три...

Победителями стали:

1-е место — Марина Алексеева. Нижний Новгород,
рассказ «Новогоднее счастье»

2-е место — Ирина Давыдова. г. Туринск, рассказ «Желание жить»

3-е место — Валерий Пономарев. г. Екатеринбург,
рассказ «Друг мой, Тришка!»

Но так как некоторые не вошедшие в призеры рассказы не менее интересные, мы постараемся опубликовать их в течение года.

Еще раз спасибо всем за участие!

1-е место

Марина Алексеева

Новогоднее счастье

Нюра шла по тротуару, увязая в мокрой, холодной жиже. «Надо же, конец декабря, скоро Новый год, а под ногами вода, все тает, и снега нет», — с раздражением подумала она. В руках были тяжелые пакеты с тетрадками,

нести их было не совсем удобно. Нюра работала учителем русского языка и литературы. Каждый вечер она возвращалась из школы, волоча объемные пакеты с тетрадями. «Халтурку» опять домой несешь?» — спрашивала ее соседка Лена, встречая около подъезда. Вот и этим вечером Нюра шла домой с «халтуркой». Окончательно промочив ноги и замерзнув, она, наконец, добралась до дома, поднялась на свой второй этаж, позвонила в дверь.

— Анечка, опять тяжелые пакеты носишь, спина будет болеть, — покачала головой мама и торопливо забрала тяжелую ношу из рук Нюры. — Замерзла, наверное? Сейчас чайник поставлю. И картошечки горячей положу тебе, со шкварочками, как ты любишь.

— Спасибо, мамуль. Пойду, умоюсь и переоденусь.

Нюра стянула насквозь промокшие ботинки и с сожалением обнаружила, что подметка немного отклеилась. Других нет, а до зарплаты еще неделя, перед Новым годом обещали дать. И с собакой надо что-то решать, как-то выйти из ситуации, придумать что-то такое, чтобы сын не очень переживал.

— Мам, а Женя как сегодня? — уже из ванной спросила Нюра.

— Да нормально, Анют, как обычно. Не хуже.

Женя был пятилетним сыном Ани. Он родился с ДЦП, и бабушке, Валентине Васильевне, пришлось уйти с работы и сидеть с внуком. Аня не могла бросить работу, нужно было на что-то жить. Муж ее не выдержал и через полгода ушел. Сначала немного помогал материально, а потом перестал. Сказал, что сложности на работе, мало денег, самому не хватает. Нюра спорить не стала, но пришлось взять дополнительные факультативы в школе и по выходным бегать к ученикам. Как могла, пыталась заработать. Жене требовались дорогостоящие лекарства, специальная обувь, кресло и много еще всего, что так необходимо ребенку со сложным диагнозом.

Подруга Ани, Людмила, говорила, что она должна «трясти бывшего, как грушу, чтобы не расслаблялся»:

— Он обязан содержать своего ребенка, — наставляла Люда подружку, — ишь, как хорошо устроился. Ты бегаешь, высунув язык, по ученикам все выходные, а он и в ус не дует.

— Не надо, Людмил, не ругайся. У него ведь недавно ребенок родился в новой семье, а денег тоже мало. Сама знаешь, с работой тяжело, — примирительно говорила Аня. — Справимся как-нибудь.

Люда только рукой махала и головой качала. Дескать, что взять с таких, как Анька.

Несмотря на тяжелую жизнь, Нюра никогда не унывала. Бывает, придет вечером домой совсем без сил, а все равно улыбается. Надо с Женей поиграть, с мамой побеседовать, друг поддержать, если у кого-то что-то плохое происходило. И никогда ничего не просила. Бывало, знакомые предлагали деньги, еще что-то, всегда вежливо отказывалась:

— Спасибо, у нас все есть. Ничего не нужно.

Только одно омрачало ее мысли — Женька очень просил собаку. Как-то вечером, еще осенью, они с сыном смотрели телевизор и там показывали передачу про собак. Рассказывали про разные породы, про больших и маленьких, серьезных и смешных четвероногих друзей. Женя спокойно смотрел, улыбался. И тут он вдруг увидел мопсов. Чем так приглянулись ему маленькие, неуклюжие толстячки с мордочкой обезьянки, осталось загадкой. Но, увидев мопса, Женя стал смеяться, показывая рукой на экран, где резвились эти смешные собачки, отнимали друг у друга игрушки, потешно рычали и будто бодались. Женя пытался обнять себя руками, показывал на экран и изображал, будто баюкает ребенка.

— Сыночек, ты хочешь такую собачку? — удивленно спросила Нюра.

Женя совсем не разговаривал, он только мычал и кивал головой:

— Уууууу...Ммммм...

— Ну, хорошо, мы обязательно ее купим, — пообещала Аня.

А потом поняла, что поторопилась. «Ее ведь нужно выгуливать, возить к ветеринару, ухаживать. При моем безумном графике это невозможно. Но я ведь обещала. И Женька так загорелся»...

— Мам, что делать? — спросила она у Валентины Васильевны, когда, уложив Женю, они пили чай на кухне.

— Как что? Искать эту собаку! — с воодушевлением ответила мама. — Знаешь, Нют, я верю, что Женька будет чувствовать себя лучше, когда у нас появится такой питомец. Я в это верю! Собаки ведь могут лечить своей любовью!

Нюра не стала спорить с мамой. Валентина Васильевна цеплялась за любую соломинку, верила, что случится чудо, и Женьке станет гораздо лучше.

Вечером, после работы, Аня стала искать в Интернете объявления о продаже собак.

— Так, здесь у нас йорки, спаниели, той-терьеры. Ага, вот и мопсы. Так, цена какая, посмотрим.

Просмотрев несколько объявлений и увидев, сколько стоит собака породы мопс, Нюра чуть не расплакалась. Зря она пообещала Женьке. Как ему сказать, что нет возможности накопить денег?

Позвонила нескольким владельцам мопсов и убедилась, что не сможет купить сыну собаку.

Время шло, а у нее не хватало духу сказать сыну о том, что у них не будет собаки.

Глядя на него, сидящего в небольшом инвалидном креслице, она плакала от бессилия, от того, как будет разочарован Женька. Ведь он так хотел друга. Настоящего, преданного.

Нюра все же решила попросить помощи у бывшего мужа. Позвонила и рассказала о желании сына.

— Извини, Ньюш, пока не могу помочь, трудности с финансами. Сама понимаешь, конец года, на работе не ахти. Жена болеет, теща тоже. Деньги все на лекарства уходят. Может, немного погода наладится все, вот тогда ... — ответил Олег.

— Ладно, извини, поняла, — прервала его монолог Аня и положила трубку. Это было две недели назад. До Нового года оставалось ровно шесть дней.

— Мам, что делать будем? — спросила Аня, когда они сидели на кухне.

— А давай подарим Женьке большую плюшевую собаку, похожую на мопса, — предложила Валентина Васильевна.

— Может, ты и права, — грустно согласилась Аня. — Другого выхода у нас все равно нет.

Вечером, когда все уже спали, Нюра стояла у окна и смотрела на ночной город, на огни еще не уснувших домов. В них радостно переливались разноцветные фонарики, напоминая том, что сейчас самое волшебное время года. По ее щекам градом катились слезы.

«Если бы только я могла подарить Женьке собаку. Мне самой ничего не нужно, только бы увидеть счастливые, смеющиеся глаза сына».

Она долго не могла уснуть в тот вечер. Смотрела на одинокую звездочку в небе, просила исполнить это заветное желание и тихо плакала.

Тридцатое декабря был последним рабочим днем перед новогодними каникулами. Аня пришла домой пораньше и после ужина, уютно устроившись с Женькой на диване, читала ему про Финдуса и Петсона — любимые Женькины истории про кота и его хозяина. Женя внимательно слушал, иногда издавал какие-то звуки, похожие на одобрение. Звонок телефона прозвенел резко и немного неожиданно. Валентина Васильевна сняла трубку и позвала дочь. Звонила Катя, Анина давняя подруга.

— Анют, привет! Как поживаешь? Тут вот какое дело. У моего брата родился второй ребенок, и у него сильная аллергия буквально на все. А у них собака, вот они и пытаются пристроить ее. Я уже обзвонила всех знакомых, никто не берет, своих питомцев полно. Может, возьмешь? Понимаю, что у тебя проблем много, но ведь жалко собаку. И она привыкла к маленьким детям, а у тебя Женя, — тараторила Катя.

— А какая собака? Большая или маленькая? — без интереса спросила Аня.

— Да маленькая, мопсик, комнатная собачка, — ответила Катерина.

У Ани даже в горле запершило от невозможности такого везения и счастья. «Не может этого быть!» — подумала она.

— Ну что, Ань, возьмешь? Мы бы завтра и привезли ее вам. Подарок к Новому году, так сказать. И подстилку отдадут, и все ее миски, расчески, одежды, корм, — с надеждой спросила Катя.

— Возьму, Катенька! Конечно, возьму, золотая ты моя! — выдохнула Аня.

— Вот и чудесно! Завтра жди! — обрадовалась Катя.

И вот наступило 31 декабря. После обеда позвонила Катя и попросила спуститься вниз, забрать подарок. Аня выбежала из дома и сразу увидела подругу, которая пришла с братом Вадимом, державшим на руках собаку.

— Ну вот, это Фая, знакомьтесь, — весело защебетала Катя. — Ей четыре года, и ей очень нужна новая семья, в которой Фаечку будут любить и заботиться о ней.

— Спасибо, Катюш! Мы уже ее любим! Это наш новогодний мопс счастья! Иди ко мне, лапочка! — Нюра взяла Фаю на руки.

Собака настороженно посмотрела ей в глаза, хрюкнула и лизнула ее в нос.

— Ну, все, Анют, мы поехали, дома дел много, нужно к Новому году готовиться. Вот тут корзинка, миски, корм. — Катя чмокнула подругу в щеку, и они с Вадимом уехали.

Аня осторожно понесла Фаю домой. Валентина Васильевна уже ждала в прихожей:

— Ой, какая милая! А какая смешная!

Собака посмотрела по сторонам, прошла на кухню, заглянула в комнату Анюты, все обнюхала, а потом вернулась в прихожую, села и стала смотреть на дверь — видимо, ждала прежних хозяев. Аня с мамой ей не мешали, не трогали, тоже ждали, что будет дальше. А дальше... Фая посидела минут десять и пошла на кухню...есть свой корм.

Вечером позвонила Катя:

— Ну как там Фаечка, не очень переживает? Ты не волнуйся, она даже может не есть день-два, но потом все наладится.

— Да она сразу пошла к своей миске и очень хорошо поела, — ответила Нюра.

— Не может быть! Слушай, это точно ваша собака! Такого просто не бывает! — недоумевала Катя.

И вот, почти перед наступлением Нового года, Анюта внесла собаку в Женину комнату. Он начал размахивать руками, мычать:

— Ааааа...Мкх...Ухххх...

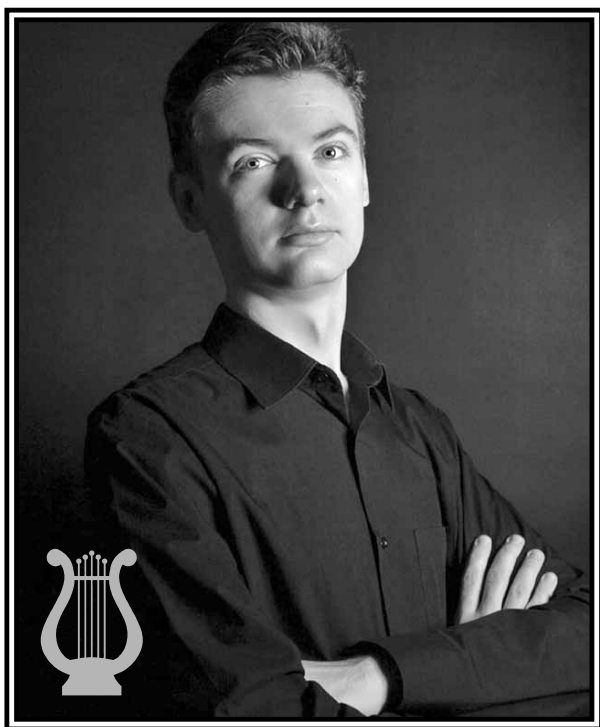
— Женечка, с Новым годом, моя радость! Это твой друг, Фаечка. Хочешь поддержать?

Женя раскачивался из стороны в сторону, запрокидывал голову, сжимал руки. А глаза его лучились, искрились таким счастьем, что Аня кусала губы, чтобы не заплакать. Она подняла голову и прошептала кому-то неведомому, Тому, кто все знает:

— Спасибо! Благодарю! Это самый лучший день в моей жизни!

К ним подошла Валентина Васильевна. Она улыбалась, гладила Аню по голове и говорила:

— Нюточка, чудеса в жизни случаются. Я верю, что наш Женька заговорит! И все у нас будет просто замечательно! А иначе и быть не может! □

Дмитрий Трофимов

*«Чем больше узнаешь,
тем дальше от тебя
отдаляется
совершенство»*

Дмитрий Трофимов родился в прославленном уральском городе Магнитогорске. С отличием окончил музыкальную школу-лицей при Магнитогорской государственной консерватории имени М. Глинки по специальности «фортепиано» и неоднократно становился лауреатом городских, областных, всероссийских и международных юношеских фортепианных конкурсов. Затем переехал в Москву, где отучился, также с отличием, в Гнесинском училище, а потом в консерватории имени Чайковского. Сейчас он — один из ведущих педагогов музыкальной школы при Российской академии музыки имени Гнесиных, где с 2022 года по настоящее время ведет класс специального фортепиано. В числе его безусловных творческих достижений — представление монографических программ из сочинений Моцарта, Шуберта, исполнение фортепианного цикла Хиндемита «Ludus Tonalis» и многое другое. О сложностях профессии и характере пианиста, творческом пути и музыкальном развитии — в интервью журналу «Смена».

— Дмитрий, еще во время областных предметных олимпиад по истории, биологии, химии. И даже победителем Юж-

ноуральской олимпиады школьников по истории. А какой период истории для тебя наиболее привлекателен?

— Да, история мне очень нравится: и российская, и мировая. Знание прошлого позволяет лучше понимать события сегодняшнего дня. Думаю, что отчасти на мое увлечение историей повлияла бабушка. Больше всего расположен к раннему Средневековью и Древнему миру. В общем, чем дальше от современности — тем лучше. (Смеется)

— Твоя малая родина — Магнитогорск, уральский город. Как часто удается его посещать?

— В Магнитогорск, к сожалению, приезжаю редко, сказываются большие расстояния. Конечно, зимой и летом обязательно бываю дома, иногда играю сольный концерт. Временами малая родина сама заглядывает в Москву: в 2024 году я посетил один из гостевых матчей нашей хоккейной команды «Металлург Магнитогорск», которая в этом сезоне выиграла главный трофей КХЛ.

— Легко ли было поступать в Гнесинку?

— Поступать в Гнесинское училище было не так уж сложно, позднее экзамены в Академию музыки имени Гнесиных и Московскую кон-

серваторию были значительно сложнее. Я даже не был на Днях открытых дверей, а сами вступительные промелькнули настолько стремительно, что почувствовал себя студентом только в поезде, возвращаясь домой. Моя мама, Елена Трофимова, — профессор, заведующая кафедрой специального фортепиано Магнитогорской консерватории и мой первый учитель в одном лице — меня всегда настраивала и поддерживала.

— Чем запомнилось обучение в московской консерватории имени Чайковского?

— Вопреки суждению о том, что пианисты — довольно замкнутые и невеселые по природе, у меня были очень дружные курсы и в колледже, и в консерватории. С соседями в общежитии тоже повезло: они оказались прекрасными, заинтересованными в своем деле людьми, на которых можно было положиться. Безусловно, я очень благодарен своим учителям — как по специальным предметам, так и по смежным музыкальным дисциплинам. Они дали мне много ценной информации, которая способствовала скорейшему творческому развитию во всех направлениях. Неинтересных уроков в консерватории я просто не помню.

— Ты — лауреат многих конкурсов, в том числе, междуна-

родных. Какой из них наиболее важен для тебя?

— Могу сказать, что каждому конкурсу сопутствовали и естественный стресс, и приятные воспоминания. В общем, как говорил А.С. Пушкин: «Все мгновенно, все пройдет; Что пройдет, то будет мило». Особняком в моем «послужном списке» стоит прошлогодний

конкурс вокалистов и концертмейстеров Хиблы Герзмава. Еще бы! Ведь я впервые был не солистом, а концертмейстером, а конкурсные испытания охватывали все аспекты работы аккомпаниатора: чтение с листа без подготовки, исполнение оперной сцены и пение за разных персонажей, открытый урок вместе с одним из солистов теа-

тра. Безусловно, подготовка отняла много времени и сил, а на самих прослушиваниях потребовалась серьезная концентрация и выносливость.

— Везде, где бы ты ни учился, ты делаешь это на «отлично», с превосходным результатом. Это дань твоему перфекционизму, любовь к учебному процессу и искусству или что-то еще?

— Скорее всего, срабатывает все в комплексе — и воспитание, и врожденные качества характера. Тем не менее, я думаю, что в искусстве довести что-то окончательно «до конца» на «отлично» нельзя. Это реально лишь в конкретный момент времени, ведь чем больше узнаешь, тем дальше от тебя отдалается совершенство. Поэтому лучше делать все возможное от тебя сегодня, развиваться и не переживать за завтрашний день.

— Каково было возвращаться в Гнесинку уже не в роли студента, а в качестве педагога?

— Скажу, что «триумфа» в новом статусе не испытал. Естественно, что в первое время было очень приятно, когда к тебе обращаются по имени-отчеству, когда с важным видом берешь ключ от учебного класса и расписываешься за него (смеется). Быть педагогом намного сложнее, чем школьником или сту-

дентом, потому что отвечаешь за музыкальную судьбу других людей, а не только за свою.

— Твои любимые композиторы?

— Думаю, что у меня нет определенного ответа на этот вопрос. Скажу только, что на сегодня мне свободнее дышится в музыке XVIII и XX веков, а любимый — тот композитор, над чьими произведениями работаю в данный момент. Если я по каким-то причинам не понимаю стиль того или иного автора, то стараюсь максимально полно познакомиться с его творчеством, а также наследием поэтов, художников — его современников.

— Какая для тебя главная цель как для пианиста?

Я думаю, главная задача пианиста, как и всякого музыканта, в том, чтобы слушатели на концерте могли отвлечься от своих забот и проблем, сумели подняться над обыденным, получили положительный заряд энергии, воодушевились на свершения и передали этот импульс своим близким. А для наиболее полного воплощения художественного образа нужно знать себя, инструмент, на котором играешь и постоянно совершенствоваться в разных направлениях. □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

Фото из личного архива

Эликсир бессмертия

Николай Фламель — известный в средневековье алхимик, родившийся в 1330 году. Однако упорно кочующие из века в век предания утверждают, что маг и колдун жив и по сию пору. Но как такое возможно в принципе?! По легенде, однажды на одном из базаров в маленьком французском городке Фламель приобрел у бродячего торговца буквально за гроши потрепанную книжицу на каком-то странном языке с кучей непонятных символов. Придя к себе домой, он обложился словарями и через пару дней с большим волнением осознал, что написанная на древнем арамейском языке рукопись повествует о рецепте философского камня и бессмертия.

Расшифровав книгу, Фламель воспользовался изложенными в ней рецептами и заклинаниями, и вскоре стал весьма обеспеченным человеком и известным меценатом. Он щедро жертвовал деньги людям искусства, строил больницы и церкви. Вскоре после его смерти по округе поползли слухи о том, что французский алхимик инсценировал свою смерть. А заодно и уход в мир иной своей супруги.

Путешественник XVII века Поль Люка рассказывал о странном случае, произошедшем с ним однажды в ходе его многочисленных странствий. Так, как-то раз он гулял по роскошному саду близ мечети в городке Брусса (на территории нынешней Турции) и познакомился с таким же, как и он путешественником по свету. Тот, в свою очередь, и поведал Полю Люка, что не более как три месяца тому назад он повстречался в Индии с могущественным магом Николаем Фламелем и его женою, которые были в добром здравии и прекрасном расположении духа. По его словам, в свое время чародей и его супруга просто инспирировали свою смерть во Франции, сбежав в соседнюю Швейцарию.

В следующем, XVIII столетии священнослужитель Сир Монсель утверждал, что видел Николя Фламеля за работой в подземной лаборатории в центре Парижа. Свидетельства очевидцев, якобы встречавшихся с таинственным французским алхимиком, появлялись и позже: в XIX и XX веках. И даже в наши дни.

Кошка возрастом в четыре века

Столичным археологам в ходе раскопок на двух московских площадках посчастливилось обнаружить изразцы из красной глины 400-летней давности, на которых изображены кошки в коронах.

Как объяснили специалисты, ранее подобными изразцами украшали городские дома. На найденных изразцах было принято изображать сказочные или исторические сюжеты, а также домашних и мифических животных. Также ими облицовывали печи. Руководитель столичного департамента культурного наследия Алексей Емельянов рассказал, что изразцы были найдены на Тверской улице и на территории Чижевского подворья столицы.

Извлеченные из-под многовекового слоя земли печные изразцы, как надеются специалисты, немного приоткроют завесу городской жизни москвичей XVII века. Но о чем можно вполне с уверенностью говорить уже сейчас, так это о том, что почитание кошек в изобразительном искусстве было популярно и четыре века назад. Найденные экземпляры проходят процесс реставрации, что обычно занимает от полутора недель до нескольких месяцев. После завершения работ их передадут в музейный фонд.

Вот так фокус

Известный иллюзионист Ури Геллер неоднократно поражал публику своими завораживающими фокусами. Они были настолько невероятны, что способностями Ури Геллера даже заинтересовались специалисты из ЦРУ. А способности эти действительно удивляли. Так, в ходе одного из экспериментов знаменитый фокусник силой мысли согнул полоску металла на целых 10 градусов. Похожими способностями обладал и 13-летний подросток Стивен, который мог волевым усилием сгибать полоску алюминия. В другом эксперименте человек Жан-Пьер Жирар мог силой воли изменять толщину полоски металла, даже не сгибая его.

Юрий Осипов

Певец женской души

7 сентября 2024 года во Дворце кино на острове Лидо состоялась торжественная церемония вручения наград 81-го Венецианского фестиваля. Главного приза — «Золотого льва Святого Марка!» удостоился англоязычный дебют 75-летнего мэтра мирового кинематографа Педро Альмодовара «Комната по соседству». На конкурсном показе картина о стоическом принятии неминуемого заслужила 18-минутные овации зрителей.

В 2019 году лауреат «Оскара», Каннского фестиваля и премии Британской академии кино и телевизионных искусств БАФТА был удостоен почетного «Золотого льва за карьеру». Он, этот вечный возмутитель спокойствия, привык удивлять своих поклонников по всему миру, начиная буквально с первого фильма. Нынешняя работа нестареющего мастера вновь подтвердила, что ему по плечу самые острые аспекты женской темы, которой Альмодовар безраздельно посвятил свое богатое творчество.

Вот и на этот раз режиссер снял картину про сильных женщин, которым удастся преодолеть боль и страх, обрета поддержку близких.

Педро Альмодовар Кабальеро (Альмодовар — фамилия отца, Кабальеро — матери) родился в испанской провинции Кастилия-Ла-Манча,

родине Дон Кихота, в сентябре 1949 года. В 8 лет переехал с семьей в не менее романтическую Эстремадуру, где ходил во францисканские

школы. Родители надеялись, что он станет священником, однако в 16 лет Педро, без денег и родительской поддержки, отправился в Мадрид, чтобы стать кинорежиссером.

Увы, фашистский диктатор Франко закрыл тогда Национальную Школу Кино, и, перепробовав кучу разных профессий, предприимчивый юноша на целых 12 лет пошел работать в телефонную компанию, одновременно став членом небольшой театральной труппы. А еще — организовал с приятелем музыкальную группу в стиле пародийного панк-глем-рока и писал рассказы, которые периодически публиковались в популярных сборниках.

Как известно, талант без упорства мало чего стоит. В 1980 году Педро все-таки снял свой первый полнометражный фильм «Пепи, Люси, Бом и остальные девушки» о причудливой жизни трех богемных героинь с нетрадиционными наклонностями. Этой дерзкой картиной, деньги на которую собирали сообщники группы и известная испанская актриса Кармен Маура, начинающий режиссер заявил о себе в национальном кинематографе как о дерзком нонконформисте и ревностном исследователе сокровенных аспектов женской темы.

Энтузиазма создателям ленты было не занимать, ведь они могли снимать только по выходным, в свободное от основной работы время, итого — более года. Оборудование одалживали... Тем не менее, нехват-

ка средств обернулась творческой свободой — фильм сразу же стал культовым у продвинутых синефилов, что посещали сеть специализированных кинотеатров «Альфавиль». Там дебютная картина Альмодовара с успехом шла на ночных сеансах в течение четырех лет.

Последовавшую вскоре «черную» комедию режиссера «За что мне это?», в которой главную роль сыграла К. Маура, «Нью-Йорк Таймс» назвала «просто маленьким шедевром». Отныне такое определение будет сопровождать почти каждый фильм Альмодовара. Ну а всемирное признание принесет ему эксцентрическая комедия «Женщины на грани нервного срыва» (1988), чье название станет нарицательным для творчества этого мастера.

После почти 50 национальных кинопремий, в том числе, «Феликса», европейского аналога «Оскара», испанский «возмутитель спокойствия» вошел в число бесспорных грандов мирового кинематографа и по-прежнему продолжал удивлять своей буквально одержимой трудоспособностью. Но теперь уже черед безбашенных эпатажных комедий в его творчестве уступает место более взвешенным, зрелым лентам 90-х годов. Неизменным в них остается лишь непостижимая женская натура, воплощенная в череде волнующих героинь фильмов Альмодовара.

За ограниченностью места мы будем говорить здесь о девяти глав-

ных картинах маэстро из числа десятков, которые он успел снять за свою долгую жизнь. И продолжает снимать. Причем, как и упомянутая выше «Комната по соседству», картины эти зачастую становятся событиями мирового проката.

Начнем с культовой «Женщины на грани...» Мир героини фильма, актрисы Пепы Маркос в исполнении неподражаемой Кармен Мауры, внезапно рушится: ее обожаемый мужчина, с которым она много лет озвучивала на испанском голливудские ленты, бросает Пепу, обещав на прощание вернуться позднее за чемоданом с вещами. И вот несчастную женщину, прямо-таки в духе «черной» комедии, окутывает ужас окружающего мира, от которого ее не в силах защитить беспечный сын любовника-предателя (Антонио Бан-

дерос) со своей скучающей невестой...

Альмодовар умеет смотреть на Женщину так, как на нее никто и никогда не смотрел ни в кино, ни даже в литературе. В этом особенность его удивительного режиссерского таланта. Случайность играет в фильмах мастера ключевую роль, она сводит и разводит по своей прихоти персонажей, доказывая, что мир действительно тесен.

Надо заметить, что в этой картине Альмадовар, опирающийся уже на собственную продюсерскую компанию, дал волю модернистским предпочтениям, опробовав некоторые не совсем характерные для него прежде художественные приемы. Например, сверхкрупные планы говорящих губ или игра на цветовых контрастах в концептуальных сценах,

Слева:

*«Женщины
на грани
нервного срыва»*

*«Пепи,
Люси, Бом
и остальные
девушки»*

с обилием красного на фоне напоминающего солнце круга.

Пару слов об актерах Альмодовара. Они у него — постоянные, и он ценит в их внешности, прежде всего, не красоту (хотя у Пенелопы Крус и Бандероса красота, что называется, налицо), но зрительную запоминаемость, которая сразу же дает представление о характере персонажа. Причем тот же Бандерос, которого трудно воспринимать вне подаренных ему Голливудом клишированных образов победительных мачо, неоднократно играл у Альмодовара неуверенных в себе, слабых персонажей. А могли бы вы представить столь же бесспорного мачо Хавьера Бардема в дебютной роли непрямого курьера у кабинета успешной адвокатессы, куда уже в середине фильма приходит за помощью Пе-

па? К слову, всех троих Альмодовар открыл и вывел на международную орбиту. И все трое, став знаменитыми, платят ему абсолютной верностью и почитанием.

Подлинным апофеозом творчества выдающегося испанского режиссера является фильм «Все о моей матери» (1999). Он поистине триумфально прошел по экранам мира, будучи удостоен «Оскара», «Золотого глобуса» и шести национальных премий «Гойя», а также приза Каннского фестиваля за лучшую режиссуру. В этой картине вторично засветилась, пока еще не в главной роли, молодая актриса Пенелопа Крус. А дальше она уже будет блистательной героиней большинства фильмов Альмодовара.

У матери-одиночки погибает под колесами машины 17-летний сын.

Врачебная этика предписывает ей как руководителю трансплантацией органов в клинике передать сердце мальчика для донорских целей. Из дневника сына Мануэла узнает, что тот хотел стать писателем, и что главным желанием его короткой жизни было познакомиться со своим отцом. И вот погруженная в глубокое горе женщина отправляется на поиски таинственно исчезнувшего некогда мужа, возвращаясь в места собственной молодости. Там ее ждут неожиданные встречи с весьма необычными персонажами. И главное — она, узнав о трагической истории бывшего мужа, обретет там же шанс на новое счастье...

В Мануэле режиссер сумел убедительно показать женщину, которая, казалось бы, полностью раздав-

лена постигшей ее трагедией, но находит в себе силы жить для других и благодаря этому возродиться. Картина изобилует отсылками к знаменитым лентам прошлого: «Все о Еве» с Бэт Дэвис, «Премьера» с Джиной Роулэндс и Роми Шнайдер. Этих актрис, сыгравших других актрис, Альмодовар особо выделил в режиссерском посвящении. Причем фабулы старых фильмов как бы переплетаются с тем, что происходит в судьбе героинь картины Альмодовара, где, по словам обозревателя «Нью-Йорк таймс», происходит «имитация жизнью искусства, имитирующего жизнь».

Последовавший за лентой «Все о моей матери» фильм «Поговори с ней» (2002) обещал стать еще более

Слева:

«Джульетта»

«Возвращение»

провокационным, но в итоге оказался тонкой философской притчей. В ней содержится прямой намек на возможное библейское чудо, когда прихотливо смешивается воскрешение героини и... непорочное зачатие.

Как выясняется по ходу действия, два главных персонажа, встретившиеся на показе балетного спектакля легендарной танцовщицы Пины Бауш, ухаживают за женщинами, которые находятся в коме. Автограф Бауш, полученный когда-то самим Альмодоваром, он сделал лейтмотивом фильма. Эта работа укрепила высокий престиж режиссера в мировом кинематографе. Критики сравнивали его с немецким волшебником экрана Райнером Фассбиндером, который виртуозно использовал метод провокации для создания

поистине драматических произведений. Подтверждением этого станет «Оскар», врученный Альмодовару за лучший сценарий.

В этой картине он отступил от своего фирменного режиссерского почерка, заимствуя приемы классической мелодрамы. Несколько параллельных сюжетных линий фильма сближаются и зеркально отображаются друг в друге, подчеркивая центральную идею — насущную важность полноценного общения между влюбленными, отсутствие которого приводит к серьезным проблемам. Фильм отличают сложные постановочные решения — флэшбеки, привязанные к пребыванию героя в больнице. Они чередуются с флэшфорвардами, так, что одна и та же сцена порой повторяется дважды. Приме-

чительно, что всех главных действующих лиц картины сыграли актеры, никогда ранее не снимавшиеся у Альмодовара. Зато в следующем его триумфальном фильме возобновился после двадцатилетнего перерыва тандем знаменитого режиссера с Бандеросом, поначалу повергнувший зрителей в шок. Возведенный Альмодоваром в секс-символы испанского кино и снискавший славу неотразимого героя-любownika мирового экрана, голливудская звезда выступил здесь в зловещем образе маньяка-хирурга.

Речь, конечно же, о жутковатом триллере «Кожа, в которой я живу» (2011). Зловещий герой ленты в убедительном исполнении Бандероса ассоциируется с голливудскими «ужасниками» про чудовище Франкенштейна и классикой французского криминального гиньоля, вроде «Глаз

без лица» Ж. Франжю. Не случайно фильм Альмодовара стал вольной адаптацией французского бульварного романа в духе нуара «Тарантул», вышедшего в знаменитой «Черной серии детективов» издательства «Галлимар». Однако благодаря авторскому вмешательству режиссера описанная в романе зловещая история окончательно утратила фантастичность и заострила внимание на поисках самоидентичности главной героини.

Ее сыграла Елена Анайя, которая вжилась в образ потерянной женщины, отдавшейся в руки одержимого своим экспериментом пластического хирурга, сумевшего синтезировать искусственную кожу, устойчивую к ожогам и укусам насекомых. Он держит свою пациентку в заточении, проводя над ней жестокие опыты, уверяя всех, что работает с мышами...

Слева:

«Все о моей матери»

«Поговори с ней»

С годами творческая эволюция большого мастера привела его к более спокойным и менее провокационным картинам о женщинах «на грани нервного срыва». Однако не отвортила от сугубо национального, даже нарочито этнографического акцента этих универсальных кинопроизведений. В экранном дневнике воспоминаний героини фильма «Джульетта» (2016) разворачивается трагическая история однажды оборвавшейся любви матери к дочери, которую она мучительно вытеснила из своей памяти, но которую продолжает воскрешать на страницах дневника. Мы видим эту бывшую учительницу литературы в двух возрастах, и играют ее, соответственно, две яркие испанские актрисы — Эма Суарес и Адриана Угарте. Композиция кадров и цветовые акценты фильма выглядят живописными

иллюстрациями строгого и проникновенного ретродневника героини, подготавливая резкий контраст с переносом действия в современность, где происходит разрушение Джульеттой собственной жизни после того, как она впускает в нее воспоминания о дочери, давно отказавшейся от матери...

Глубокое понимание Альмодоваром женской натуры в очередной раз поражает. Характеры обеих героинь выступают объемными, сложными в своей простоте. И им веришь, настолько убедительна и точна игра двух актрис, каждая из которых воплотила на экране разные грани одного образа. «Джульетта», подобно предыдущим работам мастера, несет мгновенно узнаваемый испанский колорит, с его жарким солнцем и столь же раскаленными человеческими страстями, когда женские

*«Кожа,
в которой
я живу»*

персонажи до безумия преданы своим избранникам и не менее самозабвенно привязаны к детям. Что, правда, не мешает им совершать отчаянные поступки, о которых они потом вынуждены жалеть. Визуальная составляющая фильма подчеркивает острый драматизм его содержания. Прежде всего, это — насыщенный красный цвет, буквально преследующий нас от сцены к сцене: красное платье героини, красный лак ногтей, красная татуировка, красная машина, красный дорожный знак, красная стена...

Психологическая подоплека картины, на первый взгляд, достаточно очевидна, варьируя прописные истины о необходимости эмоционального контакта между близкими, эмпатии, умение чувствовать боль другого и не замыкаться в себе по-

сле пережитого конфликта. Но это лишь первый уровень исследования в фильме причин одиночества и разобщенности персонажей. Некоторые из них покажутся двойниками, а судьбы главных героинь дважды, словно в зеркале, отразятся друг в друге. И отнюдь не случайно муж Джульетты и ее внук носят одно и то же имя, подчеркивая роковую замкнутость колеса жизни на одних и тех же «сюжетах». И тогда вдумчивый зритель ощутит присутствие в картине неким условным фоном онтологического кода, фактически с жестокой иронией управляющего людскими судьбами...

Картина изобилует античными цитатами. Особенно — из «Одиссеи» Гомера, с описаниями стихии Средиземного моря, омывающего также берега Испании. Героиня рас-

сказывает ученикам о морских странствиях хитроумного царя Итаки и одновременно рассказывает о себе, о той девчонке, что мечтала вырваться из мира книг в желанный и недоступный для нее «блистающий мир». Ну а затем, по мере развития экранного повествования, сюжет Одиссей — нимфа Калипсо наложится тенью на ее отношения с мужем, а линия Одиссей — его сын Телемах придаст особый смысл взаимоотношениям героини с дочерью. В системе образов фильма морю отводится символическое значение. Море персонифицирует иррациональное начало всего сущего, древнюю слепую силу, существующую бок о бок с человеком. И тот оказывается растерянным и жалким созданием перед лицом могущественной природной стихии. Как и героини фильма, чьи

судьбы иллюстрируют древний миф, демонстрируя беззащитность людей в стихийном водовороте и бурях жизни.

Вот какого экзистенциального накала достигает неожиданно конкретная история женщины, отвергнутой горячо любимой дочерью. И это — очередной творческий взлет Альмодовара, истинный подарок всем поклонникам серьезного кино, которое нужно прочувствовать и обдумать, но которое, вместе с тем, позволяет прикоснуться к сокровенной красоте Испании — в пейзажах пустынных зимних полей с силуэтом одинокого оленя, в лиловом сумраке мадридских улочек...

В фильме «Возвращение» (2006) происходит трогательное воссоединение с режиссером после 18-лет-

него перерыва звезды его первых картин К. Мауры. К ней присоединяется новая муза Альмодовара Пенелопа Крус, продолжающая в облике своей героини скрывать в сердце роковую тайну... Очень лиричный фильм получился у мастера мистической интриги и комедийного сюрреалистического фарса. Фильм о семье и возвращении на родину, о поисках любви и счастья, воскрешающий в нашей памяти незабываемые образы великой Анны Маньяни времен «Мамы Ромы» Пазолини и «Самой красивой» Висконти. И вновь испанский кудесник экрана живописует нам горестную женскую долю. Привлекательная, молодая, невероятно ранимая героиня демонстрирует здесь магическую способность автора укладывать глубокую драма-

тургию во внешне непритязательную бытовую историю.

В «Возвращении», как и в предыдущих картинах, Альмодовар предпочитал показывать Испанию так, словно десятилетий диктатуры Франко там никогда не существовало. Впервые он уделил большое внимание теме Гражданской войны и движению за возрождение исторической памяти в фильме «Параллельные матери» (2021). Здесь опять нас встречает мощная драматургия поиска связи времен и человеческих судеб во времени, скрывающаяся под почти водевильной историей. Модный фотограф Дженис в исполнении все той же П. Крус, целеустремленная одинокая женщина, помешанная на своей работе, встречает археолога Артуро, который помогает

Слева:

«Параллельные матери»

«Боль и слава»

ей вскрыть в ее родной деревне братскую могилу времен Гражданской войны, где был похоронен ее дед. Случайный роман между Дженис и симпатичным археологом приводит к беременности героини. Дженис решает оставить ребенка и знакомится в роддоме с такой же, как она, роженицей-одиночкой, несовершеннолетней растерянной Анной (Милена Смит), ставшей жертвой насилия. Обе благополучно рожают, а затем — невероятная редкость! — их младенцев перепутывают в роддоме. Так происходит остросюжетное переплетение судеб двух разнохарактерных и разновозрастных героинь. И пока они будут нянчить своих малышей, непредвиденные обстоятельства и непредвиденная дружба в корне изменят их... Этим

фильмом, открывавшим очередной Венецианский фестиваль и номинированным на «Оскар», нестареющий корифей современного испанского кино подтвердил свой статус одного из ведущих европейских режиссеров, умеющего создавать впечатляющие картины о необычных жизненных обстоятельствах в окружении привычных житейских реалий.

Наш обзор был бы неполным без упоминания исповедального произведения выдающегося мастера «Боль и слава» (2019). История о стареющем кинорежиссере, который страдает головными болями и переживает творческий кризис, явилась долгожданным бенефисом Антонио Бандероса. Самоанализ Альмодовара вполне удался, о чем свиде-

тельствуют кассовые сборы по всему миру. А в Испании в том году картина стала чемпионом проката. Пережив ранее определенный упадок популярности, Альмодовар смог снять о собственном грустном опыте откровенный и очень смешной фильм, заставивший умолкнуть всех, кто пророчил ему закат кинематографической карьеры. Почти автобиографическая история предстала на экране в излюбленном режиссером слегка замедленном, но исключительно выразительном стиле, поддержанном поистине волшебной камерой оператора Луиса Алькайне, не раз работавшего с Альмодоваром. Поэтичная драма Педро Альмодовара была по достоинству отмечена на всех крупнейших международных киносмотрках. А на родине режиссера победила в главных номинациях национального аналога «Оскара» — премии «Гойя».

«Для меня фильм — это всегда представление, а представление всегда включает в себя искусственные приемы, — заметил как-то Альмодовар. — Так что когда мы говорим о реальности, мы имеем в виду искусство манипуляции». И продолжил: «Реальность нуждается в вымысле, чтобы быть полной, более приятной, более жизненной». С этим утверждением трудно поспорить. В случае Альмодовара перед его авторской камерой происходит фантазмагорическое смешение вымыс-

ла и реальности, чисто художественных приемов и непреложных фактов самой жизни. Причем не только смешение, но и прорастание их друг в друга. Проникая при помощи своего творческого метода в «изнанку человеческого существования», режиссер как раз и выводит на свет самого Человека. Недаром ведь герои его фильмов мыслят исключительно категориями чувств, а чувствуют по непреложным законам жизни. Ну а автор, создатель своих причудливых экранных полотен — прежде всего, испанец со страстной, чувствительной и трепетной душой под маской безучастного наблюдателя и регистратора происходящего. Отсюда проистекает безусловная зрительская любовь к альмодоваровскому кино, в котором каждый свободен в своих интерпретациях увиденного. И в эмоциональных впечатлениях — тоже. Любовь же, как известно, требует свободы.

И еще. Все в мире фильмов Альмодовара выглядит неразрывно спаянным, слитым, наподобие того, как неразрывно слито в своих бесчисленных элементах внеэкранное людское бытие. Вероятно, именно потому каждый кадр, каждая монтажная фраза и, в результате вся совокупная целостность картин этого выдающегося мастера неожиданно открывает нам сокрытые от поверхностного взгляда пружины и краеугольные камни человеческой жизни. □

Героиня своего времени

В книге Виталия Вульфа «Великие женщины XX века» 49 героинь разделены на группы — по той сфере, где они оставили свой след, — театр, балет, кино, литература. Лариса Рейснер в этом списке попала в раздел «Политика» наряду с Инессой Арманд, Александрой Коллонтай и Раисой Горбачевой. Все эти женщины не оказались в соседней группе «Музы и жены» (есть и такая) по простой причине — они представляли собой самостоятельные единицы, а не были приложением к известному супругу или возлюбленному.

Судьба этой женщины, прожившей всего 30 лет, во многом очерчена временем, в котором ей довелось жить, потому что в те годы время своими событиями зачастую затмевало жизнь частную, личную...

Она появилась на свет 1 мая 1895 года в семье, где детям прививали сознание собственной исключительности, необыкновенности. Род Рейснеров, по их собственной версии, происходил из Лифляндии, и предками их якобы были рейнские бароны. Отец, Михаил Андреевич Рейснер, был профессором права, мать — Екатерина Александровна Хитрово — происходила из старинного рода. И детей своих — Ларису и Игоря — воспитывала в осознании того, что они лучше остальных.

Из-за службы отца семья много времени провела в Европе, где в на-

чале XX века профессор свел знакомство с представителями русской политической эмиграции и проникся духом революции. Принес он этот дух и в свой дом, где его впитали подрастающие дети. Вадим Андреев, сын писателя Леонида Андреева, так сказал про Рейснеров: «Гордость шла Рейснерам, как мушкетерам Александра Дюма плащ и шпага». Фразу упоминают теперь всегда, когда речь идет о Ларисе Рейснер, но что поделять, если это наиболее точно описывает среду, в которой девушка выросла.

Того же Андреева непременно стоит процитировать, описывая внешность Ларисы Михайловны. Все, кто знал ее, утверждают, что она была очень красива. «Ее темные волосы, закрученные раковинами на ушах, серо-зеленые огромные глаза, белые, прозрачные руки, особенно руки, легкие, белыми бабочками взлетающие к волосам... Когда она проходила по улицам, казалось, что она несет свою красоту как факел... Не было ни одного мужчины, который прошел бы мимо, не заметив ее, и каждый третий — статистика, точно мной установленная, — врывался в землю столбом и смотрел вслед».

Училась девушка на отлично и школу окончила с золотой медалью, после чего поступила в Психоневрологический институт, где была единственной слушательницей среди молодых людей. Не исключено, что выбор учебного заведения был обусловлен тем, что там преподавал Михаил Андреевич Рейснер. Как впоследствии выяснилось, наука мало привлекала Ларису. Куда больше манил ее богемный мир — она писала стихи и считала себя поэтом. Ее амбиций, правда, не разделяли те, кто был поэтом признанным. Гиппиус называла ее лирику претенциозной и слабой, Гумилев же и вовсе называл бездарностью. Правда, это не помешало ему завести с девушкой бурный роман.

В 1914–1915 годах вместе с отцом Лариса издавала литературный журнал «Рудин». Она не только писала для журнала, но и закупала бумагу, занималась работой с типографией —

то есть вела все организационные вопросы. Именно благодаря журналу о ней узнали литературные круги.

Несмотря на то, что поэтический талант ее замечен не был, девушка привлекла к себе внимание тем, чем привлекала обычно — красотой и обаянием. Ее роман с Гумилевым был страстным. Он называл ее Лери, она его — Гафизом. Но относились они к этим отношениям по-разному. Гумилев был женат на Анне Ахматовой, правда, брак этот к тому моменту почти уже распался, но наряду с Ларисой встречался со многими барышнями. Она же видела в нем того единственного, за которого хотела выйти замуж. Поскольку поэт в те месяцы служил в армии, роман их оказался в большинстве своем романом в письмах.

Ходили слухи, что Николай Степанович все же сделал Ларисе предложение, но та его отвергла. Причин могло быть несколько: несходство политических взглядов (монархист Гумилев никак не мог подойти революционно настроенной Рейснер), то, что девушка оскорбилась, узнав о «параллельных» отношениях возлюбленного с Анной Энгельгардт. Но, скорее всего, никакого предложения все же не было. Ведь даже много лет спустя Лариса писала: «Никого не любила с такой болью, с таким желанием за него умереть, как его, поэта Гафиза, уроды и мерзавца». Вряд ли бы при такой любви имели значения какие-то там политические разногласия. Так или иначе, они расстались, а Гумилев вскоре развелся

с Ахматовой и женился на Энгельгардт. На прощание поэт послал бывшей подруге письмо: «Ну, до свидания, развлекайтесь, но не занимайтесь политикой...» Как и всякая обиженная женщина, Лариса поступила ровно наоборот.

Революция была близка ее семье, и после нее Рейснеры оказались «в обойме». Лариса много занималась пропагандистской работой среди моряков Балтийского флота. Существовала даже легенда, что именно она дала сигнал тому самому холостому выстрелу «Авроры», но это, разумеется, не так. Просто к этой женщине так и липли всевозможные легенды.

В Петрограде она работала у Луначарского, который направил ее в Москву — в качестве корреспондента газеты «Известия». Начальником военного эшелона, отправлявшегося в столицу, был Федор Федорович Раскольников (Ильин), один из лидеров партии. Услышав эту фамилию, Рейснер попросила отвести ее к нему. Разумеется, ее отвели. В Москве они пробыли всего несколько дней, а вернулись уже мужем и женой.

Почему она среди огромного количества поклонников выбрала его? Вероятнее всего, потому что он был одной с ней революционной крови — в нем была та же неумная жажда жизни, то же желание жить «здесь и сейчас». При этом мужу Лариса поставила условие, что он не будет ни в чем ее ограничивать, — ни в поступках, ни в чувствах.

Он и не ограничивал — настолько, что она однажды пришла за ним на

Федор Федорович Раскольников

заседание Совнаркома, откуда ее выгнал сам Ленин, — чтобы не отвлекала внимание товарищей своей элегантностью, запахом духов и красными революционными ботинками. А ей, очевидно, так хотелось действовать!

Чтобы такие «кадры» не простаивали, от «Известий» ее направили на Восточный фронт вместе с мужем. Ее очерки оттуда потом составили книгу «Фронт».

В какой-то из дней супруги разделились, чтобы встретиться в конечной точке — городе Свияжск. И встретились там. Только вот Раскольников нашел жену в обществе Льва Давидовича Троцкого, второго человека в государстве, к тому же, еще и не одетого. Но верный своему обещанию не ограничивать жену ни в чем, Раскольников никак не отреагировал на измену Ларисы.

Карл Радек

Троцкий, конечно, тоже был человеком ее стихии — революционной и властной. Но дальше она проследовала вместе с мужем — теперь уже в статусе комиссара разведывательного отдела при штабе 5-й армии. Эту должность тоже дал ей Троцкий.

Поскольку муж занимался флотилией, жена была при нем. Матросы поначалу отнеслись к ней настороженно, но вскоре поняли, что по смелости эта женщина не уступает самым храбрым из них. Ее подвергали самым разным испытаниям, но, в конце концов, признали за свою.

При этом ей не были чужды чисто женские желания: она с легкостью мерила дорогие наряды и украшения, которые находила флотилия, проходя мимо брошенных имений, с удовольствием надевала их на себя и красовалась потом перед матросами.

Одним из матросов, служивших тогда, был будущий драматург Всеволод Вишневский, который, как и все, был влюблен в Ларису. Впоследствии именно она стала прототипом героини пьесы «Оптимистическая трагедия».

Бывая в Москве, Лариса каждый раз навещала свою семью. Рейснеры к тому моменту были обласканы властью: они занимали целый особняк и считали, что занимают его по праву. В этом доме давали пышные приемы в самое голодное время, а Лариса блистала на них в самых невероятных нарядах. Иногда на этих приемах кого-то арестовывали — так было удобнее чекистам, чтобы она собрала всех в одном месте.

Когда пришлось снова переехать в Петроград к мужу, Лариса не огорчилась. Он много времени проводил в море, а ей оставалось только блистать в гостиных. Она жаждала вернуться в литературный круг. Ее принимали — порой от восторга перед ее красотой и обаянием, порой — из страха стать следующими в списке на арест. В круг ее друзей входили Мандельштам и Пастернак.

Но времена менялись, и над головой ее бывшего любовника Троцкого стали сгущаться тучи. А так как Лариса и ее муж входили в число его сторонников, Раскольникову пришлось подать в отставку, и его вместе с женой отправили полпредом в Афганистан.

В качестве жены посла Лариса снова нашла себя. Подружившись со всеми, с кем можно было, она получала необходимую информацию и имела возможность влиять на политическую

обстановку, — все то, что ей нравилось больше всего. Не забывала она и о своей страсти к литературе — из-под ее пера вышла книга «Афганистан», сборник очерков о стране и людях.

Там же, в Афганистане, Лариса узнала о расстреле Гумилева и очень переживала, считая, что, если бы была в то время в Советском Союзе, своими связями смогла бы его спасти...

Она уехала из Афганистана — и от мужа, который после выкидыша окончательно поставил точку в этом браке. Раскольников пытался вернуть ее, писал письма, но вскоре понял, что его жена, которая не могла долго быть одна, завела новый роман.

В этот раз она выбрала человека, совершенно, по мнению многих, ей не подходящего, — журналиста Карла Радека. Но она знала, кого выбирает. Некрасивый Радек был одним из умнейших людей своего времени, к тому же остроумен и талантлив. Именно это и привлекло Ларису. Рядом с ним изменился даже ее стиль письма. Злопыхатели утверждали, что Радек все пишет за Рейснер, но, возможно, именно общение с таким человеком изменило ее, ведь он приносил ей книги, заставлял изучать философские труды и работать над собственным стилем.

Вместе они ездили в Германию в командировку, по возвращении из которой Лариса написала книгу «Гамбург на баррикадах».

Замуж за него она не выходила по простой причине — Радек был женат и разводиться не собирался. Однако они проводили вместе очень много времени и, скорее всего, рано или

поздно, это случилось бы, если бы не глупая смерть Ларисы в тридцать лет от глотка сырого молока и последовавшего за этим брюшного тифа, из которого женщина не выкарабкалась.

На прощание с ней пришло огромное количество людей. Радек рыдал навзрыд, его вели под руки, а Раскольников вообще получил нервный срыв...

Радека в середине тридцатых расстреляли как врага народа, Раскольников бежал во Францию, где при подозрительных обстоятельствах умер: якобы был убит агентами НКВД. Троцкий был убит ледорубом в Мексике. Все мужчины, которые были близки с Ларисой, так или иначе, окончили свою жизнь печально. Едва ли она была в этом виновата — скорее, снова время. □

«Синий лед»

13

В машине, пока они ехали на этот бессмысленный во всех видах прием, муж молчал, хмуро глядел перед собой, излучая раздражение каждой порой тела. Юля чувствовала это, и то и дело прикасалась к его рукам, проводила пальцами по щеке, словно сбивая температуру. Таня, вертевшаяся на заднем сиденье, слава богу, помалкивала, возбужденная донельзя. Юля не стала разочаровывать. К чему было объяснять, что прием будет скучнейшим и кончится, как всегда, пьянкой. Официально, конечно, это мероприятие называлось донельзя торжественно: республиканский форум представителей малого и среднего бизнеса. Теоретически оплачивала форум областная администрация. На деле же скидываться приходилось именно малому и среднему бизнесу, так как ссориться с администрацией никому не хотелось.

Владелец автомобильных салонов Валерий Беликов и его жена Юлия Быстрова на подобные приемы ходить перестали давно, уверившись в их полной бесполезности — серьезные дела решались кулуарно, да и делать на этих форумах было нечего.

Внутри конгресс-холла Таня притихла, подавленная размахом и так вцепилась в сестру, что ее пришлось отпихнуть от себя. Юля вежливо отправила Таню оглядеться, а когда она ушла, Валерий угрюмо буркнул:

— Дался тебе этот прием, лучше бы дома посидели. По телику футбол... С чего вдруг тебе приспичило?

— Танька хотела выйти в свет, не могу же я отказать родственнице?

— Это ты не можешь родственникам отказать? Да ты кому угодно откажешь. Вспомни хоть историю нашей женитьбы. Сколько времени дина-

мила? — саркастически фыркнул Валерий и вдруг добавил: — Думаешь, я не знаю, что ты со Шмелевым переписывалась тайком?

— Откуда это, интересно, тебе известно?

— Так сестрица твоя сдала, — рассмеялся Валерий.

— М-да, — скривилась Юля, — не меняется человек с годами.

— Ты мне тут сказки не рассказывай, — строго сказал Валерий. — Признавайся, опять впуталась в Никиткину авантюру?

— Да никуда я не впуталась, — отмахнулась Юля. — Просто захотелось потусить, ну и... встретить нужных людей, пообщаться, обсудить... э-э-э... модные тенденции.

— Ну-ну, — фыркнул он. — Тенденции обсудить ей захотелось. Аферистка!

Мысль о том, что муж видит ее насквозь, раздосадовала Юлю. Ей казалось, что она проявляет просто чудеса конспирации, встречаясь с Никитой далеко от дома. Предугадать Танькиного предательства она не могла и оттого разозлилась, пообещав себе припомнить сестрице эту выходку.

Никита явился к ней в салон накануне. Выпил кофе из автомата и осторожно признался:

— Ко мне Сашка заходила. Проблемы у нее. Говорит, менты подозревают ее в соучастии убийству. Так что она испугалась и прибежала ко мне за помощью. И что делать? Жалко ее. Ведь вляпается без должного надзора. А с моей стороны будет не очень по-джентельменски отказать даме, с которой у нас был роман.

И Никита рассказал об убийстве старого антиквара, завершив рассказ сообщением о шкатулке. Юля придирчиво рассмотрела фотографию и поинтересовалась:

— Думаешь, убийство Панарина и убийство Коростылева связаны?

— Так шкатулка же. И там, и там фигурирует чайная шкатулка, может, одна и та же. Вот только информации у меня катастрофически мало. Надо бы Осипова потрясти, только он общаться со мной не хочет. Помнит, паршивец, что я о нем писал год назад.

— Осипова надо в подпитии брать, — задумчиво проговорила Юля. — К тому же он очень любит женщин. Завтра в конгресс-холле светский раут, можно отловить его там.

— Кто меня туда пустит-то?

— Сама схожу. Тем более, сестрица просит ее выгулять. Чую, прием будет провальным, позорище для всей семьи. Но что делать? Придется думать, как выйти из него с наименьшими потерями.

Выходить с наименьшими потерями пришлось уже под вечер. Войдя в комнату к сестре, Юля замерла на пороге и воскликнула:

— О, боже!

— Нравится? — обрадовалась Таня. — Этот макияж называется «Взгляд кошки», я на картинке видела.

— Лучше было бы его на картинке и оставить, — ответила Юля, судорожно вдохнув. — Ты с ума сошла? В таком виде на прием? Марш в ванную, смывай свой кошачий взгляд, а я тебе пока визажиста вызову.

Неумение Таньки прилично краситься сыграло на руку. Побеседовать с любовницей Панарина очень хотелось, но не пригласишь же ее на чашку чая? Оставалось надеяться, что Жанна сидит на мели, и потому охотно приедет на любой заказ.

Колчина прилетела через полчаса, сразу принялась за дело, и всего за полчаса создала на простецком Танькином лице женщину-вамп.

Когда с макияжем было покончено, а Жанна отправилась в ванную смывать с рук остатки тона и румян, Юля вошла следом и произнесла:

— Мои вам соболезнования.

Жанна бросила на нее острый взгляд и прищурилась:

— По поводу?

— Говорят, ваш друг погиб.

— Да ну? — усмехнулась Жанна и добавила желчным тоном. — А что еще говорят?

— Ну зачем вы так? — притворно смешалась Юля и развела руками. — Я же от всего сердца...

— Да бросьте, Юлия, — скривилась Жанна, и ее монгольские скулы напряглись, а раскосые глаза превратились в узкие щели. — Репутация у каждого есть. У меня, у вас, у вашей бедной родственницы. Про нее вот ничего сказать не могу, впервые вижу, а вот о вас кое-что бы сообщила, да боюсь, без чаевых останусь.

— А вы не бойтесь, — жестко сказала Юля. — Не обижу.

— Да? Ну, ради бога, — скривилась Жанна. — Я же знаю, что обо мне говорят, и потому мне нет смысла рассчитывать на сочувствие. Только и вы ничем не лучше. Вы в курсе, что считаетесь едва ли не главной сукой среди жен наших бизнесменов?

— Боже, какая честь! — усмехнулась Юля.

— Муж у вас, крутой, конечно. И наши богатеи его уважают. А вот вас — побаиваются. Я это не раз слышала краем уха. Никто с вами лишний раз не хочет связываться, потому что по слухам, вы вообще на голову отмороженная, ничего не боитесь.

— Надо же! — Юля небрежно отодвинула Жанну в сторону и уселась на краешек ванны. — Никогда бы не подумала. Ну, раз у нас, девочек, пошел такой откровенный разговор, может, скажешь, кому мог Панарин так досадить?

— Откуда мне знать? — произнесла делано равнодушным тоном Жанна. — Я в его дела не лезла, кроме койки нас и не связывало ничего.

— Да? — усмехнулась Юля. — А дочь?

— Ты мою дочь не трогай, — прошипела Жанна. — Это я тебя просто предупреждаю. Попробуй только влезть, куда не просят — пожалеешь!

— И что ты сделаешь? — усмехнулась Юля. — Порежешь, как ту девчонку? Да брось, сама же сказала, что со мной лучше не связываться. Да и не собиралась я тебе пакостить, так что успокойся. Меня только один вопрос и интересует: кому Панарин мешал?

— Зачем тебе? Вы же с ним никак не пересекались по бизнесу.

— Ну, скажем так: есть интерес, — уклончиво ответила Юля и, помолчав, добавила: — Так расскажешь?

— Ничем не могу помочь, — холодно отрезала Жанна. — За макияж пять сот, пожалуйста.

У дверей, получив вознаграждение, Жанна бросила на Юлю хмурый взгляд и посоветовала:

— Не суйся в дела Олега. Целей будешь.

Юля открыла рот для едкого ответа, но Жанна выпорхнула за дверь, напоследок бахнув ею так, что по квартире звон пошел. Танька выскочила на шум и нетерпеливо спросила:

— Мы едем или нет?

— Едем, едем, иди, одевайся, — рассеянно ответила Юля, нервно кусая губы.

К началу приема они опоздали, но несколько об этом не сожалели. Валерий, сердитый от того, что его дернули вечером с родного дивана, клятвенно пообещал остаться на банкете на час, не больше, и за этот час следовало сделать много. Таня, естественно, принялась скулить, что за час она ничего толком не посмотрит и ни с кем не познакомится, но ее никто не слушал. В конце концов, вернуться домой можно и на такси. Раздосадованная неудачным разговором с Колчиной, Юля чувствовала себя разведчицей, провалившей задание. Жанна больше к себе не подпустит ни ее, ни Никиту. Оставалась надежда только на Осипова, но следовало избавиться от мужа и Таньки хоть на полчаса. Еще бы Осипов пришел на мероприятие...

Осипов, как оказалось, пришел, и Юля моментально подобралась, увидев его в толпе.

Избавиться от Таньки оказалось несложно. Ее просто нужно было подвести к любому знакомому мужику приятной наружности и представить. А вот оторваться от мужа было непросто, и потому, стоило Валерию на миг увлечься разговором с заезжим бизнесменом, Юля мужа старательно «по-

теряла», сделав шаг в сторону, а затем запетляла как заяц, сбивая со следа. Надолго ее трудов бы не хватило, но Юле долго и не было надо. Подкравшись к Осипову со спины, она мягко взяла его за локоть и развернула к себе.

— Здравствуй, Витя.

— А, Юленька! — пьяно улыбнулся Осипов. — Единственный луч света в этом гадючнике. Все хорошее?

— Стараюсь, как могу. А ты чего тут в одиночестве?

— Да кинула моя обоже, — с досадой ответил Осипов — Обещала, обещала, и бросила. Стою тут, горемычный, некуда голову преклонить. А ты, рыбка моя, тоже одна?

— Увы, с супругом и сестрой. Как дела-то, Витюша? «Ягуар» твой в случае чего под парами стоит, его сюда вывезти — пара пустяков. Могу коллегам в Вильнюс хоть сейчас позвонить.

— Не до машины мне, Юль, — вздохнул Осипов. — Во всяком случае, пока. Сама видишь, кризис, туго с денежками, так что я пока на своем «Лэнд Крузере» покатаюсь. А ты, говоришь с сестрой пришла? Может, познакомишь?

— Да легко, — усмехнулась она и поискала Таньку взглядом. Та околацивалась поблизости, воровато лопала канапе и на сестру внимания не обращала. — Кстати, я тут слышала, твоего недруга завалили на днях. Не по этому ли поводу ты такой веселый?

— Ты про Панарина, что ли? — с подозрением посмотрел на Юлю Осипов.

— А про кого еще, я же в курсе ваших терок.

— А кто еще в курсе?

— Да весь город, Вить. Ситуация-то была некрасивая. Так что я насколько не удивляюсь происшедшему. Рано или поздно что-то подобное должно было случиться.

— Я бы его год назад сам завалил, — признался Виктор с легкой досадой. — Нанял бы киллера, и — прости-прощай, Олежа! А сейчас, что толку? Позлорадствовать разве что. Ловко он меня обскакал, ничего не скажешь. Хотя, что тут странного? У него такая крыша была...

Юля насторожилась.

— Крыша? — насторожилась Юля.

— Чего бровями-то задергала? — усмехнулся Осипов. — Это ты у нас под ментами да прокурорскими ходишь, а другим приходится и братве отстегивать, хоть они сейчас тоже бизнесменами заделались. Только бизнес у них, сама понимаешь, какой. Я вот в свое время не успел михайловским отстегнуть, думал, проскочу, тем более и у меня связи были нехилые, но увы...

— Вить, я недвижимостью не занимаюсь, — равнодушно проговорила Юля, — а с крышей и прочим у нас муж разбирается, не хватало еще мне в эти разборки вступать. Только каким боком к нам михайловские? Где Михайловка, а где город?

— Так это ж образно. «Малина» у них там, а дела все в городе. Чистая «Черная кошка», чесслово. Вот о ком надо сериалы и книги писать. Раньше-то они такие дела проворачивали... Но ты молода слишком, чтобы это помнить. Чего только не было: и наркота, и с золотишком всякие схемы проворачивали, а сейчас зашухарились, почти легальный бизнес, пиджачки-галстучки, мелкое меценатство.

— Думаешь, они Панарина грохнули?

— В электричке? Брось! Они бы его притопили где или же самого заставили бы себе в лесу могилку выкопать, да и похоронили там же. Шуму много, крови много, свидетели опять же, а они в последние несколько лет предпочитают все решать тихо-мирно.

То, что Панарина убили в электричке, Осипов знал. Интересно, откуда? Юля сделала себе зарубку на память и спросила:

— Менты тебя не тягали?

— Тягали. А ты с какой целью интересуешься?

— Да просто. По идее, ты в подозреваемых должен ходить.

— Ты ж моя Агата Кристи! — восхитился Осипов и полез с объятиями.

Юля ловко увернулась и подтолкнула к Виктору подошедшую Таньку:

— Вот. Так сказать, честь имею рекомендовать. Татьяна, сестрица моя. Девушка очень талантливая, песни поет. А это, Танюш, Виктор, очень интересуется поэзией.

— Правда? — обрадовалась Таня и схватила Осипова за рукав. — Знаете, я очень хорошо пою. Всегда мечтала стать певицей. Скажите, а вы знаете кого-нибудь из шоу-бизнеса?

— Знаю, — отважно ответил Осипов, которому было уже море по колено. — Я всех знаю. Хотите, я устрою вам прослушивание?

— А где-то поблизости есть караоке? — торопливо спросила Таня, вцепляясь в его пиджак еще крепче.

Осипов неопределенно мотнул головой и поволок Таню за собой.

— Только не увлекайтесь, — прошелестела Юля за Танькиной спиной. — Помни золотое правило: утром деньги — вечером стулья.

14

Танька, естественно, увязалась следом, прилипнув, как устрица — не иначе как под дверями подслушивала. Юля отнекивалась, говорила, что им

поговорить надо о делах, а присутствие сестры будет неуместным. На это Танька отвечала бронебойным аргументом:

— Ну и говорите. Я в уголке посижу, даже слушать не буду. К тому же Никита твой — холостой, мне Валерка рассказал.

Выпалив это, Таня начала хохотать, притворно, фальшиво и совершенно не к месту, демонстрируя, как ловко она раскусила обман сестры. Юля покосилась на мужа. Валерий чуть заметно вздохнул и закатил глаза. Он уже видел, как нечаянная родственница выкатывается восвояси, да и вообще терпел Таню с большим трудом. Ее беспросветная глупость раздражала обоих. Так что перспектива отдохнуть от нее хотя бы несколько часов казалась невероятно заманчивой. Оттого, вопреки обыкновению, Валерий не стал возражать против визита к Никитке, сослался на головную боль и преспокойно отпустил обеих дам в гости. Наверное, про отсутствие штампа в паспорте Шмелева рассказал специально: а ну как родственница переключится на Никиту и, если не съедет, то хотя бы будет меньше времени дома проводить, а то сидит как приклеенная...

Никита намекал на званый ужин, потому Юля оставила машину дома. В такси Танька щебетала и вертелась, не давая собраться с мыслями: предвкушала, как начнет обольщать молодого, неженатого, уже видя себя победительницей, королевой, готовой разделять и властвовать.

Юля планы сестры видела насквозь и посмеивалась про себя, но при этом злилась, так как Танька мешала собраться с мыслями.

По знакомой лестнице на второй этаж они поднялись быстро. Никита открыл дверь сразу, словно караулил у «глазка». Увидев, что Юля пришла вместе с Татьяной, чуть заметно скривился, но торопливо взял себя в руки и радушно ощерился, принял шубки, сунул обеим разношенные тапки и пригласил в гостиную, откуда одуряющее пахло жареной курицей. Стол вообще ломился от еды. Юля даже удивленно подняла брови.

— Ого, откуда дровишки?

— А что такого? — надулся Никита. — Не имею права закатить пирушку?

— Просто раньше я не замечала в тебе тяги к излишествам на наших посиделках, — миролюбиво заметила Юля. — Кажется, верхом твоего гостеприимства были порезанные колбаска и сырок, да и то, если я сама их привозила. А тут — и салаты, и суши, и курочка-гриль. Из ресторана, конечно?

— Конечно. Я же не готовлю почти, когда мне? Да и повода не было.

— А сейчас, значит, есть?

— Ну есть. Да садитесь, сейчас вилки принесу... Пить будем? Хлебнем яду с содовой?

— Я сегодня не за рулем, — ответила Юля, — так что могу себе позволить. Что за повод, Никитос?

— Мне в первый раз в жизни дали взятку, — важно сказал он. — И я взял.

— Боже, за что взятку-то? — пролепетала Юля.

— Представляешь, ни за что, — безрадостно рассмеялся Никита. — У меня, ну, ты знаешь, выскакивают иногда заказы на черный пиар, и тут один выскочил. Нужно было элегантно утопить в дерьме поставщика комбайнов. Зерновики заказали, а они люди не жадные. Материальчик был — конфетка, при этом заказчики настаивали: он непременно должен выйти в столице. Не буду вдаваться в подробности, но суть такова: производимые в Белоруссии комбайны начали ломаться на наших полях, и сервисному ремонту не подлежали. Я начал копать, и в процессе выяснилось, что заказчики не открыли мне всей правды. В общем, они ради удешевления сами отказались от сервисного обслуживания, что поставщики даже запротоколировали, а когда техника полетела, захотели это обслуживание получить. Естественно, я бы встрял, и газета тоже. В общем, я предупредил: статья пойдет с комментарием противной стороны. Заказчики встали на дыбы. А я материал уже в номер заявил. И тогда они посулили мне в три раза больше, только, чтобы статья не вышла.

— И ты согласился? — удивилась Юля.

— Естественно. В общем, встретились накоротке, они мне — бабки, а я в реверансах рассыпался, мол, если вдруг вам потребуется еще что-то не написать, обращайтесь, я с удовольствием ничего не буду делать, — ответил он, но, судя по его физиономии, радости деньги не принесли. Он вздохнул и сокрушенно добавил: — Кажется, с моего герба надо соскабливать девиз мангуста.

— Мангуста? — не поняла Таня, а Юля быстро пояснила:

— «Пойди, разузнай и разнюхай». Ты что, «Рикки-тики тави» не читала?

— А-а-а... Не читала. Ну и что? — Танька была настроена воинственно. Ее, видимо, раздражало, что потенциальный кавалер плевать хотел на то, как замечательно она выглядит, как шикарно пахнет и какими волнующими взглядами его одаривает. Вместо того чтобы сыпать мелкий бисер цветистых комплиментов, этот журналистишка хвастается своей взяткой. — Я бы на принцип пошла и написала.

— С чего это ты стала такой моралисткой? — усмехнулась Юля.

— Татьяна, к сожалению, у нас честный журналист — голодный журналист, — раздраженно пояснил Никита. — А я как раз честный, и потому такой стол часто не могу себе позволить. К тому же принципы здесь неуместны: меня хотели обмануть.

Таня упрямо помотала головой:

— Все равно... К тому же это такая скука, писать про зерновиков, комбайны и сенокос. Вот про шоу-бизнес, по-моему, очень интересно.

— Что там интересного? — удивился Никита. — Звездные сплетни давно превратились в перепечатку из личного инстаграмма знаменитостей, либо оплаченный пиар. Ты когда-нибудь обращала внимание, как мало пишут про великих артистов и как много про околозвездную шелупонь? Причем пишут всякую муть: развелись, сошлись, купили собачку и сумочку...

Таня открыла рот, чтобы возразить, но в этот момент Юля, которой надоело терпеть ее глупости, резко спросила:

— Таня, а ты не хотела бы посидеть в «Одноклассниках»? Там, кажется, не все «лайки» расставлены.

— Чего я, дура, за компьютером сидеть, когда тут такая замечательная компания? — возмутилась Таня, бросила на Никиту кокетливый взгляд и улыбнулась. Не получив ответа на улыбку, она стушевалась. Никита пробормотал что-то насчет кофе и убежал на кухню.

— Достала ты меня, — в сердцах произнесла Юля. — Я же тебе сказала: нам поговорить надо, а ты лезешь с глупостями. Чего тебе дома не сиделось?

— А чего я такого сделала?

— Ничего. Сиди тут и не суйся. В спальне компьютер, займись своими делами. Навязалась на мою голову...

Юля торопливо поднялась и, оставив Таню обиженно надувать губы, вышла на кухню, плотно прикрыв дверь. Никита копался в холодильнике и, судя по всему, никакой кофе варить не собирался.

— Ну? И как ты находишь мою сестрицу? — спросила она без предисловий.

— Судя по твоему ехидному тону, в выражениях я могу не стесняться?

— Да уж! Не сдерживай себя, — фыркнула Юля, предполагая, что Таньке сейчас достанется по первое число.

— Давно меня так не обстреливали глазами, — сказал Никита и глубокомысленно добавил: — Нет, я, конечно, помню по твоим рассказам, что Татьяна — невеликого ума, но чтобы настолько... По-моему, ей срочно надо замуж.

— Ей давно надо, причем хоть за кого. Она только что пыталась подцепить Осипова, естественно, неудачно...

После randevу с Осиповым Таня вернулась помятая и злая, швырнула вещи на кровать и рявкнула:

— Ты говорила, что он поможет мне пробиться на сцену!

— Я говорила? Окстись!

— Ну, он говорил, какая разница? И что? Наплел семь верст до небес, а теперь трубку не берет... Тоже мне, Уолтер Афанасьев доморощенный нашелся... «Вторую Селин Дион из тебя сделаю...» Дай телефон, я сама позвоню этому козлу...

— И чем у вас дело-то кончилось? Неужели Витенька впечатления не произвел?

— Впечатление? Ха! — Танька закатила голову и злобно расхохоталась. — Да он через полчаса уже сдулся, пока я изображала из себя женщину-змею. В итоге я как дура просидела над его обездвиженным телом. И, кстати, я что-то не заметила его страсти к вокалу. По-моему, кроме койки твоего Осипова ничего не интересует... Как с таким отношением он будет меня раскручивать, не представляю...

Никита весело рассмеялся, услышав пересказ Танькиных приключений, а затем, забрав из холодильника мясную нарезку, предложил вернуться в гостиную. Таня, к счастью, заскучала и ушла в спальню, где за ноутбуком стала увлеченно бродить по социальным сетям. Воспользовавшись ее отсутствием, Никита вполголоса спросил:

— Помимо огорчений Осипова тебе ничего не удалось узнать?

— Ничего такого, что бросило бы на него тень, — ответила Юля. — Хотя, будь Осипов убийцей, он бы не признался, разве что просветил про панаринские связи с братками из Михайловки. Я, честно говоря, про это не догадывалась. Всегда казалось, что Панарин, судя по его размаху, отстегивает кому-то из администрации.

— Интересно... Я тут порылся в архиве и обнаружил беглое упоминание о том, что Панарина могли посадить, и надолго, если бы в один прекрасный момент главный свидетель обвинения не исчез, причем без малейшего следа. Сильно сомневаюсь, что Панарин мог все это организовать без связей с михайловской братвой. Если его «крышевали» и те, и другие, неудивительно, что он оказался практически непотопляем в части своих афер. Помнишь, те аварийные дома на Юбилейной? Строила их как раз компания Панарина, ну, не его, конечно, а подставная, но в одном из документов стоит, в том числе, и его подпись как субподрядчика. Комиссия дома приняла, а когда вскрылись многочисленные недоделки, прокуроры руками развели — не могут установить личность виновных, улики нет. Девять этажей улик, а за задницу схватить некого. Мне даже страшно представить сумму этого отката. Кстати, сразу после того, как дело замяли, в инстаграмме дочери прокурора появились фото с Мальдив. И не абы откуда, а с личной виллы. Это просто наглость какая-то: с нарушениями построен целый микрорайон, подрядчики исчезли, дома признали подлежащими сносу, а прокурор покупает дачку на Мальдивах. И все счастливы.

— Ну, дочка же потом призналась, что пошутила, — уточнила Юля.

— А это кто-то проверил? — фыркнул Никита. — Было независимое расследование СМИ? Или прокурорская проверка? Ни у одной редакции нет денег, чтобы отправить журналиста на Мальдивы, не говоря уже о следствии.

— Представляю, какая была бы давка! Прокурорские вернулись бы ни с чем, зато загорелые и с магнитиками, — рассмеялась Юля и, тут же став серьезной, задала вопрос:

— Что ты думаешь про убийство Панарина?

— Ничего, кроме того, что оно какое-то... не бандитское, — хмуро сказал Никита. — Бандитское — это пуля в сердце, и контрольный в голову. А тут... Если Панарин ехал из Михайловки, то почему на электричке? Мне кажется, он в нее просто побрезговал бы сесть. Да и до города недалеко, неужели нельзя было такси вызвать? Нет, он потащился на станцию, сел в электричку, и там его прирезали. А заодно и эту Наталью Богаченко. При этом убийцу никто не увидел. Почему?

— Вечер, — пожала плечами Юля. — Последняя электричка — почти пустая. Убийца просто перешел в другой вагон или постоял в тамбуре, а затем вышел на следующей станции, она через десять минут, я проверяла.

— Все равно непонятно. За десять минут убийца успел зарезать и Панарина, и Богаченко, да еще сбежать так, что его не заметили? Не убийца, а циркач какой-то. И потом, что Панарин там делал? Нет, в Михайловку он потащился по своим делам, это ясно. Но как оказался на станции? Что-то с машиной случилось? Интересно, где она. Менты ее, кажется, не нашли.

Подумав, Юля предположила:

— Знаешь, у меня появилась мысль, что на станции он оказался потому, что от кого-то бежал. Это, по крайней мере, логично. В машину он по какой-то причине попасть не мог, его догоняли. Панарин добрался до станции, запрыгнул в вагон, но тут его все-таки догнали и убили. В вагоне оказалась Богаченко, и ее тоже убили — как свидетельницу. И если так, машина должны быть где-то поблизости.

— Не сходится, — возразил Никита. — Про машину я еще соглашусь, но за то время, что убивали Панарина, Богаченко подняла бы крик, не говоря уже о том, что сама успела бы сбежать. А ее нашли там, где она сидела.

— Откуда ты знаешь?

— Фото у Миронова выпросил. Мы тут с ним позавчера накидались в баре. Так что, увы, Богаченко явно убили на месте. Сумки под скамейкой, книжка. Вряд ли убийца после этой «мясорубки» создавал мизансцену. Да и Миронов сказал, что тело не трогали.

Мысль, что убийца, зарезав женщину, таскал тело по вагону, усаживал, придавал более-менее пристойный вид, была дикой. Пораженная пришедшей мыслью, Юля спросила:

— А откуда она ехала?

— Из Боголюбова, а что?

— Нет, я имею в виду, что она там делала?

— Как что? Работала на станции, она железнодорожница. Ехала со смены. Юля нахмурилась, а затем неуверенно предположила:

— Может, она не убежала, потому что спала?

Никита прищурился, а потом согласно кивнул. Ему, чьи родители работали на железной дороге, было хорошо известно, как тяжела эта посменная пахота: в день, в ночь, в любую погоду. Неудивительно, что, оказавшись в вагоне, погибшая Богаченко, убаюканная теплом и покачиванием, заснула, не заметив произошедшего.

— Да, пожалуй, это возможно... — сказал он. — Либо охотились именно на нее, а Панарина убили за компанию.

— Маловероятно. Это не объясняет, почему он оказался в вагоне.

— Да брось! Если рассматривать все версии, то его появление в электричке вполне вписывается в эту версию. Машина сломалась неподалеку от станции, мобильник разрядился...

— А он разрядился?

— Откуда я знаю? — отмахнулся Никита. — Я к примеру. Сейчас все с айфонами и андроидами, а они, сама знаешь, сколько заряд держат. Как добраться до дома? Искать такси? Или запрыгнуть в электричку, которая точно довезет до города, пусть даже не в вагоне класса «люкс»?

— Значит, надо покопаться в прошлом Богаченко. Хотя бы для очистки совести.

— Надо, но мне, если честно, неохота. Гораздо интереснее другой факт. Панарин купил жене в подарок шкатулку, которую в вагоне не нашли. Зато очень похожую буквально на следующий день принесли в антикварный салон Коростылева, и его тут же грохнули. Не одна ли это шкатулочка? Что-то с ней не так, — вздохнул Никита. Я бы с Сашкиной подругой поговорил, но она пропала. Миронов ее тоже ищет, но пока без толку. А еще я бы побеседовал с вдовой Панарина. Только кто меня к ней пустит?

— Ладно, вдову я беру на себя, — отважно заявила Юля. — Принесу глубочайшие соболезнования. А ты попробуй найти Сашкину подругу.

— Хорошенькое дело, — буркнул Никита. — А где?

— Самые простые варианты — у родителей, родни или мужика. Сомневаюсь, что она забралась в противотанковый бункер или улетела на мальдивскую виллу прокурора. На это деньги нужны. Найди ее парня. Сашка что-нибудь о нем знает?

— Только имя — Сергей.

— А еще попробуй обаять Колчину. Жанка явно что-то знает, но мне не сказала, дрянь худосочная. Может, у тебя получится? Только без нажима, она очень подозрительна.

— Обожаю, когда ты командуешь, — усмехнулся Никита.

Юля развела руками и с притворным сожалением изрекла:

— А что мне еще остается? Дома я прикидываюсь покорной ланью...

— Я уже все фото отлайкала, — прервала разговор Таня, появившаяся из соседней комнаты. — На Ферме все овощи собрала, продала, полила, а вы все болтаете... Никита, а у тебя есть связи в шоу-бизнесе?..

15

По пятницам в редакции никто не работал.

Вообще, пятница была полноправным рабочим днем, но всегда выходило как-то так, что репортеры, сдав номер, получив от шефа на летучке традиционный нагоняй за лень и плохую работу, разбежались по кабинетам, минут десять изображали кипучую деятельность, а затем исчезали в неизвестном направлении, бросив менее удачливым коллегам:

— Я на прессуху.

Менее удачливыми считались те, кого нагружали текучкой: мелкими информациями, разбором почты и прочей чепухой. Заниматься этим никто не хотел. На текучке можно было просидеть не только весь день, но и всю карьеру, не заработав ни имени, ни славы, ни денег. Журналисты с пеной у рта доказывали свое право на пятничную свободу и крайнюю необходимость быть где угодно, только не на рабочем месте. Естественно, никто ни на какие пресс-конференции не отправлялся. Сотрудники шатались по магазинам, пополняя пустующие холодильники, а затем бежали домой — отсыпаться.

Никита всегда сбегал первым. По пятницам он предусмотрительно приезжал на работу в толстовке, в которой можно было спать на снегу, и, выйдя из кабинета шефа, Филиппа Борисовича, которого сотрудники за глаза звали Киркором Киркоровичем, к себе даже не заходил. Прихватив рюкзачок с фотоаппаратом и диктофоном, он торопливо сбегал вниз, прыгал в машину и уезжал, гордый своей находчивостью. Вот и в эту пятницу, проشمгнув мимо зазевавшегося редактора, Никита сбежал. Температура, на беду гипертоникам, поднялась еще ночью, вызвав бурное таяние снега. Дороги моментально покрылись бурой, похожей на комья шоколадного мороженого, кашей, а город встал в пробках. Обычно нетерпеливо ерзавший на месте Шмелев на этот раз, завязнув в длинной гусенице машин у светофора, был невероятно спокоен. Он думал о своем.

После его скандального увольнения в прошлом году, он недолго маялся без работы, почти сразу пристроился собкором по региону в крупное столичное издание и, чтобы не пропадали материалы местного значения, в газету поменьше. Заменившая Шмелева на боевому посту любовница экс-начальника быстро пустила криминальную хронику под откос, а газета

потеряла в тираже порядка тысячи экземпляров, что во время засилья интернет-новостей было довольно весомо. Никита просматривал газету, к коей когда-то имел отношение и злорадно хихикал.

Вчерашние посиделки с Быстровой и ее глупой сестрицей имели свои побочные эффекты. Во-первых, дозвонившись под вечер Сашке, Никита узнал, что Лика жила на съемной квартире, и получил адрес и телефон. При умелых манипуляциях в квартиру можно было попасть, хотя бы подключив к этому хозяйку. Возможно, там нашлись бы сведения о том, с кем встречалась Анжелика, так стихийно и не вовремя испугавшаяся преступников.

Во-вторых, уже очень поздно позвонила Таня и без всяких там церемоний предложила встретиться. А Никита, не будь дурак, согласился, посмеиваясь про себя. Юлькина сестрица ему совершенно не нравилась, слишком уж много у нее было всего: веса, смеха, глупости. Но одно дело отношения, другое — легкое, ни к чему не обязывающее свидание, которое можно завершить в постели.

Думая об этом, Никита почему-то вспоминал про Сашу. Мысли оказались тягостные. Ему было сложно признать, что Сашкино предательство задело его сильнее, чем он хотел показать, а сейчас, прибежав с бедой, она расковыряла незажившую рану, хотя он сознательно вытравливал эту красавицу с оленьими глазами из сердца, и думал, что вытравил. А оказалось — нет, и потому — хотя в этом было странно признаваться — все его любовные похождения, бывшие и будущие, не имели ни малейшего смысла. А ему уже так хотелось заполнить извечную пустоту своей квартиры, где шевелился сонный попугай — мальчик Гриша, начинающий бурную птичью свару по вечерам, радуясь, что в доме наконец-то появился хозяин...

Никита подумал, что в свое время они с Сашкой явно поторопились выяснить отношения, где она, более молодая и несмышленная, чрезмерно усердствовала, доказывая, что он не прав. А доказав, прожгла дыру в сердце, после чего дальнейшие отношения стали невозможными...

16

Получив от начальника очередной нагоняй, Кирилл вылетел из управления. Скользя на мокром снегу, он торопливо побежал к стоянке, а когда добрался до нее, вспомнил, что приехал на работу на маршрутке. Осознание этого факта настроения не улучшило.

Результатов по убийствам Панарина-Богаченко и Коростылева не было. Именно об этом Миронову, краснеющему от злости, приходилось докладывать шефу, брызгающему слюной и потрясающему кипой газет.

— Вот вы где у меня, бездельники! — орал полковник. — Все газеты пишут, что мы мышей не ловим! Мне из главка звонили, грозились взять дело на контроль. Вы понимаете, придурки, чем это грозит?

«Придурки» краснели и кивали: конечно, конечно, как скажете. Контроль главка грозил репрессиями, в результате которых мог пасть кто угодно, от начальника — до последнего постового. Очередное усиление, объявленное сразу после убийства в электричке, ничего не дало, как и усиленное патрулирование, на которое теперь выгоняли даже «канцелярских крыс». Не привыкшие к обходам штабные дамочки пугливо озирались по сторонам, старательно игнорируя темные подворотни. Впрочем, и у сильной половины человечества желания совать нос в притоны не наблюдалось.

СМИ неистовствовали. По давнему уговору, об убийствах Шмелев рассказал вяло и скупо, поскольку достоверной информации у него было очень немного. Зато два других криминальных журналиста: Виктор Сахно, вынырнувший из запоя, и ядовитая Вера Гаврилова вдоволь надискутировались на страницах своих изданий. Имея даже меньше информации, чем у Шмелева, они умудрились поднять такую волну ужаса, что добропорядочные люди буквально обрывали телефоны доверия. Полицейских оскорбляли в социальных сетях, вовсю обсуждали методы расследования и строили предположения все, кому ни лень, и, как оказалось, в главке эту ересь охотно читали и анализировали.

После выволочки Кирилл совершенно не представлял, куда бросаться с проверками. Олжасик сбежал отсыпаться сразу после выволочки, пользуясь тем, что накануне дежурил. Раздав поручения оперсоставу, Кирилл от безысходности поехал к Милованову, надеясь, что пожилой эксперт нашел что-то свежее.

Милованов был на рабочем месте, черкал что-то в отчете. Он оставался практически единственным, кто по-прежнему писал все заключения от руки, причем таким неразборчивым почерком, что потом следователи разбирали витиеватые закорючки с лупой в руках. На вошедшего Кирилла Георгий Дмитриевич поглядел исподлобья, придавил очки на переносицу указательным пальцем и пропел с привычной обманчивой лаской в голосе:

— Ка-акие люди! И чего это вы, мусью Миронов, прибыли в нашу скорбную обитель спозаранку, да еще без цветов и шампанского?

— Дмитрич, если ты мне по делу что-то полезное скажешь, я сбегаю, честное слово. Хоть за шампанским, хоть за водкой. А если ты пальчики чьи откатал, да еще по базе их прогнал и совпадения нашел, вообще сделаю посаженным отцом на Васькиной свадьбе. Понимаю, что рано, но вдруг ты вспомнил о нашей дружбе, а?

Милованов любил, когда к нему подлизывались, тут же отбросил издевательский тон, задрал очки на лоб и вполне благодушно спросил:

— Что, Киря, припекает?

— Не то слово, — вздохнул Кирилл. — С утра уже холку намылили. Три убийства подряд, и все жертвы — не бомжи из подворотни. Начальство скачет, как павианы на ветках, да и орет так же. А что я скажу? Что отрабатываются основные версии?

Милованов отложил ручку и прищурился.

— У меня Протасов вчера был, — ехидно сказал он. — Тоже результатов хотел. Вел себя странно. Сперва орал, как припадочный, а потом смиловился, по плечу похлопал и сказал: поторопись, Жорик, мы на тебя рассчитываем. Представляешь? Поторопись, Жорик! Меня полканы наши Жориком не называют, а тут какая-то хрень из под ногтей будет пальцы гнуть.

Кирилл, оценив жаргон, сочувственно покивал, зная, что Милованову надо выговориться:

— И чего ты?

— А чего я? Сказал, что для него я не Жорик, а Георгий Дмитриевич, во-первых. Во-вторых, давить на меня не надо, у меня свой начальник и свои сроки, которые я, между прочим, соблюдаю, несмотря на ревматизм и застарелый бронхит, который отпахал на ногах, и не лег в ведомственную больничку, как всякие там. Ты в курсе, что Протасов очень любит по больничкам шкериться, особенно когда дело бесперспективное?

— Да откуда? — отмахнулся Кирилл. — С ним только Олжасик мой работал, я как-то не пересекался.

— Ну, вот знай теперь. Протасову это шибко не понравилось. Осерчал он, голос возвысил, на что я ему посоветовал закрыть с той стороны дверь, а заодно и рот в той последовательности, коя ему больше нравится, мне не принципиально. Он слюнями подавился и побежал жаловаться. Только мне на его жалобы — тьфу, и растереть. Служебным грозился, сопляк... Я в ответ на его рапорт свой накатал, а ему посоветовал засохнуть на нарах, так что еще посмотрим, кому больше достанется. Вот тоже лягу в больницу и посмотрю, как вы тут все в дерьме утонете.

Милованов ловко свернул на привычную дорогу шантажа, выжидая, когда его начнут умолять, упрашивать и пресмыкаться, и Кирилл, выучивший все эти ритуальные ужимки и прыжки, как свои пять пальцев, привычно подхватил партию солиста криминальной оперы:

— Дмитрич, ну я-то не Протасов. Ты же мне скажешь по делу чего-нибудь полезное, а? Хочешь, я сяду вот тут, напротив, и буду смотреть на тебя с восхищением? Или, хочешь, ты, как в том мультике, будешь моим Герцогством, а я твоим верным Подлизой?

Милованов прищурился и усмехнулся в усы.

— Кирилл Андреевич, тебе говорили, что ты — подхалим?

— У-у, сколько раз... — отмахнулся Миронов. — Ну, так что, Дмитрич? Есть какая информация полезная?

— Тебе с заключением поди? Так оно не готово.

— Да господь с тобой, мне и на глазок можно. Заключение для Протасова оставь. Мне б самому разобраться, в какую сторону бежать, кого ловить за шкуру.

Милованов покивал, с сомнением поглядел на часы, крякнул и махнул рукой, соглашаясь:

— Ну, если без заключения, тогда можно. Сейчас я свои почеркушки достану и все тебе подробно расскажу по обоим трупикам... Можешь пока чайник поставить. Мне моя благоверная пирог с собой сунула, вроде яблочный, так что мы с тобой под чаек все и обговорим... Очки куда-то запропастились...

— На лбу у тебя очки, — подсказал Кирилл и пошел ставить чайник.

Когда он вернулся, Дмитрич уже сгреб со стола документы и сдвинул их в сторону, освободив место для чашек, сахарницы, початой баночки с кофе и куском пирога, одуряющее пахнущего ванилью и яблоками. Порезав пирог на равные части, Милованов дождался, когда закипит вода и принялся хозяйничать, угощая гостя. Первые пару минут они пили чай молча, старательно дуя в щербатые чашки. Пирог оказался вкусным, с приятной кислинкой. Кирилл проглотил свою долю, почти не жуя. Милованов заметил это и подвинул ему еще кусок.

— Кушай, кушай. Мне все равно много вредно, вон какое пузо насинтепонил... Ладно.... Итак, по первому покойному. Как я тебе и сказал, убил его мужчина, в бабу-убийцу верю неохотно, потому как силищей она должна была обладать невероятной. Выводы, конечно, вам делать, но! Удар был нанесен сверху вниз, вот примерно под таким углом. Встань-ка.

Кирилл послушно встал. Милованов протянул ему нож с прилипшими крошками.

— Теперь возьми ножичек и ударь меня. Видишь, куда ты бьешь? А он ударил выше, и угол был другой, наискось. Вот так.

— Выходит, они сидели? — неуверенно произнес Кирилл, оценив, куда вошло бы лезвие.

— Сидели, — кивнул эксперт. — Я тебе это еще на осмотре трупа сказал. Причем убийца бил левой рукой, что не особенно удобно, если ты — правша. Но при этом удар всего один. Лезвие пробило пальто, пиджак и рубашку, войдя аккуратно между ребрами. Это либо счастливая случайность, либо

мастерство профи, который ножом пользуется играючи, да так, что лезвие не утыкается в грудину. Нож, судя по длине и ширине, армейский или что-то вроде того, сталь отменная, никаких осколков в ране. Опять же, какой силищей надо обладать, чтобы такой нож вонзить. Это не шило, не заточка. При этом крови Панарина в вагоне почти не оказалось, а на носках его туфель есть свежие царапины, причем на таких местах, где они возникли бы в случае волочения. А где кровь была, то почти вся смазанная. Я ее на дверях вагона нашел, на спинках соседних сидений, на полу. В отличие от места, где убили Богаченко. Она, по всей вероятности, успела вскочить, а потом ее просто пришили к сидению как жука. И вот тут кровушки было пролито поболее. Я рядом с телом нашел интересный следочек. Смотри, вот отпечаток ботинка. Что-нибудь скажешь?

Раскопав среди вороха бумаг фотографии, Милованов сунул снимки под нос Кириллу, но тот, бросив на них пристальный взгляд, развел руками:

— Дмитрич, да что я скажу? След же не целиком. Отпечаток смазан.

— А знаешь, почему ты сказать ничего не можешь? — назидательно спросил Милованов. — Это потому, что ты глупый, а Георгий Дмитриевич — умный. И умный Георгий Дмитриевич сделал вывод, что ботиночек этот — армейского образца. Подобные поступают в армию, полицию и прочие силовые структуры. Стандартный рисунок подошвы, стандартная толщина. И размер сорок четвертый. Ботиночек не новый, сильно стоптан по внутреннему краю. Если резюмировать, тебе надо искать двухметрового, слегка косолапого мужика, с армейской обувью и ножом, в одежде из грубой ткани черного цвета. Подобная ткань, кстати, на форменной одежде часто встречается.

Это уже было интересно. Кирилл облизал пальцы и настороженно спросил:

— Ткань откуда взялась?

— Я пару ниточек снял и с Панарина, и с Богаченко. У него нитка прилипла к пальтишку, а у Богаченко нити были под ногтями. Видать, сопротивлялась, сердешная, хоть и недолго.

— Если я тебя правильно понял, — медленно произнес Кирилл, — все свидетельствует, что Панарина убили не в вагоне, а женщину зарезали там? Панарина кто-то приволок в вагон?

— Ну, тебе карты в руки, я говорю только то, что следует из результатов экспертизы. Я бы на твоём месте отправил людей с осмотром станций, глядишь, где-нибудь еще следы бы нашлись, но это такая прорва работы, да и время потеряно. Нож в обоих случаях один и тот же, к тому же на теле женщины имеются следы крови первой жертвы. Выходит, ее убили следом. Но это еще не самое интересное.

— А что самое?

— Это я на десерт оставлю. Перейдем к трупку из антикварного магазина. Здесь у меня есть определенное замешательство, потому как пока не все экспертизы готовы. Орудовали в магазине четыре человека, и по идее, учитывая хозяина и помощницу, следов должно быть больше.

— И что? Количество не сходится?

— Вон у меня отчет по дактокартам — четверо налетчиков, помощница, потерпевший и уборщица. В общем, сходится, но я сильно подозреваю, что четвертым налетчиком была баба. Причем не просто баба, а баба конкретная. А именно — та самая, что в салоне работает.

Кирилл замер.

— Из чего такой вывод?

— Да по обуви, — пояснил Милованов. — Она переобуться не забыла, но опять же, стоптанность ее сапог в одном случае и в другом практически совпадают, я уж не говорю о размере. В сейфе тоже орудовала женская ручка, если судить по отпечаткам, оставленным перчатками. Сигнализацию эти же дамские пальчики отключали. Я удивляюсь, Киря, что ты не поволок ее в кутузку сразу.

Кирилл пристыжено молчал. Ведь говорил Олжас что-то про звонки в охранный агентствo, но поскольку помимо дела Коростылева Кириллу приходилось заниматься еще и делом Панарина и Богаченко, проверить показания сотрудников охранный агентствa он попросту не успел. А ведь ситуация-то действительно была проще пареной репы. Отключить сигнализацию мог только тот, кто ее знал: сам Коростылев или его помощница. На всякий случай следовало и уборщицу проверить, но сомнительно, чтобы она знала код. Надо же, как ловко Анжелика Крайнова заморочила всем голову своими обмороками и истерикой! Нет, ей не в ювелирке сидеть, ей во МХАТ поступать надо было!..

Впрочем, Крайнова по глупости могла выдать код подружке Саше Ковалевской. Или Ковалевская могла его подглядеть...

Кирилл тряхнул головой, отгоняя картинку, на которой вооруженная гвоздодером Саша Ковалевская бьет своего бывшего преподавателя по голове, разбивая череп. С другой стороны, представить в этой роли Крайнову казалось столь же нелепым.

Заметив пристальный взгляд Милованова, Кирилл вяло пожал плечами.

— Да в голову не пришло. Там девушка-то, тростинка. Дунь — и улетит... Тем более что у нее дома мы все перерыли и ничего не нашли. Кто мог подумать... Но башку-то начальнику не она проломила?

— Может, и она поначалу. Я не сразу разглядел, а потом понял: дедульку дважды ударили. Есть гематома прижизненная, от которой он, наверное,

сознание потерял, а потом его уже доби́ли. И тут, как я тебе уже говорил, бил мужик, и мужик высокий. Следочки остальных я тоже выделил, обувь стандартная, спортивная, на плоской подошве, кеды или кроссовки, сорок второй и сорок третий размеры. И только ее следы — тридцать шестой размер. Так что бери ордер и дуй с обыском. Ищи у девицы кроссовки тридцать шестого размера, заляпанные кровью. И вообще следы крови ищи. Если это она, то вряд ли такая умная, что все уничтожила. А если у нее дома ничего нет, надо у ее хахалю искать. Уж прости, что твой хлеб отнимаю.

— Хяхалю еще установить надо, — безрадостно ответил Кирилл и добавил: — Это и есть самое интересное, что ты мне сообщить хотел?

— Нет, самое интересное я на сладенькое оставил, — усмехнулся Милованов. — Сейчас у тебя вообще башенку скособо́чит, так что крепись. Из мусорки Коростылева мы интересную бумажку изъяли. Глянь.

Кирилл настороженно взял упакованную в полиэтилен бумагу, надеясь найти в ней разгадку преступления, но ничего не увидел. Обычная оберточная бумага, которой пользуются в магазинах, упаковывая товар, буро-бежевая, не особенно чистая, совершенно не интересная, смятая и старательно расправленная. Чушь какая-то... Глядя на прищур эксперта, Кирилл даже на свет ее поглядел — ничего.

— Ну и что? — не понял он. — Бумажка как бумажка. Ни записей, ни водяных знаков. Помятая какая-то.

— Не просто помятая, Кирюша, — снисходительно объяснил Милованов. — На бумаге характерные следы сгибов, вот, полюбу́йся. В эту бумажку был завернут некий предмет формы параллелепипеда, с закругленными краями, размером двадцать на четырнадцать сантиметров, с характерной выпуклостью на одной из граней. И, что самое интересное, мусью Мионов, на этой бумажке есть несколько крохотных пятнышек животного происхождения. Иными словами — кровь, и кровь человеческая.

— Судя по твоей интригующей интонации, кровь не Коростылева?

— Не его, — кивнул Милованов. — Он далеко лежал, в салоне, а бумажку в кабинете нашли. И, если верить первоначальной экспертизе, кровь двух видов, группы А, резус положительный, и группы А, резус отрицательный, причем в первом случае кровь мужская, а во втором — женская. Со всем как у убиенных Панарина и Богаченко. Надо на генетическую экспертизу отправлять, чтобы убедиться в этом.

Кирилл вдруг вспомнил слова Саши. Перед тем как она отправилась на консультацию к Коростылеву, из кабинета вышла некая баба в платке и шубе. И хотя никаких записей от ее визита не осталось, он готов был дать голову на отсечение, что посетительницей была свидетельница Алевтина Никишина, обнаружившая трупы в электричке, и, что самое интересное, какое-то

время пребывавшая в вагоне одна. Если, конечно, не считать двух покойников.

Что мешало ей подобрать пропавшую шкатулку? Ничего. Кирилл порылся в кармане, вынул телефон и, найдя в нем фото, любезно предоставленное вдовой Панарина, показал его Милованову.

— Скажи, вот такая шкатулка могла быть в свертке?

Дмитрич откинул голову назад, прищурился, затем ловко приблизил изображение и утвердительно кивнул.

— Вполне. За размер я, конечно, сказать не могу, но вот эта выпуклость от замка очень похожа на ту, что оставила след на бумаге. Так что ищи бабу и шкатулку, Киря.

— Угу. Или ее содержимое, — раздосадовано произнес Миронов, второй раз почувствовав себя растяпой. — Протасову придется сказать, иначе как санкцию на обыск взять? Я не сильно тебе наврежу?

— Да Господь с тобой! — замахал руками Милованов. — Иди, конечно. Но экспертизы он от меня раньше положенного срока не дожидается, так ему и передай.

17

Высотка, унылая, серая, с многочисленными потеками на стенах, подпирала такие же хмурые небеса. Никита задрал голову, с сожалением оглянувшись на криво припаркованную машину, где было тепло и пахло синтетической елкой, и отважно шагнул на дорожку.

Вычислить дом, где обитала Анжелика, оказалось несложно. Гораздо сложнее — этаж и квартиру. Никита с надеждой поглядел в сторону подъездов: не сидят ли там вездесущие старухи, точно знающие, сколько, по их мнению, в доме проституток и наркоманов. Но лавки были пусты, только по краю детской площадки хмурая мамаша обреченно катала детскую коляску. На вопрос Никиты она ответила отрицательно и по фото Анжелику не опознала. Пришлось прибегнуть к дедукции. Никита обошел дом, прикинув, что интересующая его квартира находится на пятом или шестом этажах, и стал внимательно вглядываться в окна, пока в одном не увидел похожие шторы. Приободрившись, он побежал к подъезду.

Дверь, разохшаяся, из ребристых, покрытых старым лаком плашек, явно была та самая. Никита позвонил и прислушался. В квартире чирикал канареечный звонок, но больше не донеслось ни звука. Он надавил на звонок снова, и уже не отпускал, чувствуя, как тает надежда. Хозяева либо затаились, либо действительно отсутствовали.

После очередного звонка за соседской дверью завозилось, зашевелилось нечто тяжелое, а затем замки лязгнули, приоткрыв щель в берлогу,

откуда высунулся длинный морщинистый нос. Старуха неприветливо зыркнула на Никиту и произнесла скрипучим голосом:

— Чего трезвонишь? Не открывают, значит, дома никого нет. Ходят тут всякие, шум поднимают... Щас милицию вызову.

Никита был раздражен, оттого ответил довольно резко:

— Это вряд ли.

— Чего это? — насупилась старуха.

— Того. Нет больше милиции, переименовали. Полицию вызывайте.

Старуха пошамкала губами, словно перекатывая искусственную челюсть, и ответила с не меньшей грубостью.

— И вызову. Тоже мне, умник.

Она победоносно вздернула подбородок и уже потянула на себя дверь, когда Никита, спохватившись, выудил из кармана удостоверение и, описав им в воздухе кривую восьмерку, шутливо произнес:

— Не шумите, бабуля. Из газеты я. Не знаете, где хозяева?

Никита даже ахнуть не успел, как старуха молниеносно цапнула удостоверение у него из руки, нацепила на нос очки и тут же расплылась в крокодильей улыбке, распахивая дверь в берлогу во всю ширь.

— Из газеты? Очень удачно, молодой человек, что вы зашли, — льстиво прошелестела она. — Я уже столько жалоб отправила, вы не представляете... А все они, Карандины! Представляете, ночь, тишина, и тут — бац! Словно шваброй по голове! Музыка, визги! Устроили шалман наверху, никакого покоя. Я участковому жаловалась, в домоуправление ходила — без толку. Хорошо хоть вы пришли...

— Бабуль, секунду... — сморщился Никита. — Карандины — это сверху?

— Сверху, сверху... Заразы, сто чертов их маме! — закивала страдалица.

— А мне нужны хозяева этой квартиры, — настойчиво сказал Никита и для убедительности ткнул пальцем в закрытую дверь. Старуха поджала губы, явно недовольная, что до ее бед никому нет дела.

— Анжелка, что ли? — презрительно фыркнула она. — Так нет ее, уже второй день нет. Она как с работы возвращается, музыку включает, а тут тихо. И оглоед ее не приходил, он всегда надымит на лестнице, хоть топор вешай.

— Это ведь не ее квартира, верно? — уточнил Никита.

— Снимает у Елены Борисовны, — охотно подтвердила бабка. — Она в соседнем доме живет, а меня просила приглядывать... мало ли что... Сейчас никому верить нельзя. Вот явится такая скромница, глазки в пол, мол, студентка я, хочу квартиру снять. А что в итоге? Устроят из хаты бордель, начнут всякую шантрапу таскать, а после них в подъезде бутылки, вонь да окурки. Но эти вроде более-менее спокойные. А вам зачем Анжелка-то?

Никита открыл рот, чтобы ответить, но не успел сказать ни слова — лифт с шумом остановился, и из кабинки вышел Миронов, в сопровождении мужчины с неприятным ястребиным профилем, участкового и хмурого мужчины с чемоданчиком.

— Какие люди! — пропел Кирилл. — Шмелев, меня порой поражает, как ты все успеваешь. И чего тут делает независимая пресса?

При слове «пресса» мужчина с хищным лицом задергал бровями и уставился на Никиту. Соседка, отступив на всякий случай в глубь квартиры, слегка прикрыла дверь и робко поинтересовалась:

— А вы кто?

— А мы, мадам, полиция, — хохотнул Миронов и, сразу посерьезнев, спросил: — Соседи ваши дома?

— Расскажите им про Карандиных, — ехидно посоветовал Никита, предчувствуя, что его все равно выставят прочь.

— Про каких таких Карандиных? — насторожился «ястребиный профиль».

Вдохновленная старуха выскочила на лестничную клетку и принялась восторженно выкрикивать слова жалоб на соседей, превративших, по ее мнению, жизнь окружающих в ад.

Миронов кашлянул и вскинул вперед руку, загораживаясь от потока жалоб:

— Мамаш, Карандиными мы потом займемся. А сейчас меня хозяева этой квартиры интересуют.

Старуха открыла рот, но Никита, лелея последнюю надежду, успел ее опередить.

— Елена Борисовна, хозяйка, живет в соседнем доме. Бабуль, вы бы ей позвонили... Кирилл, можно мне поприсутствовать? Вам ведь все равно понятые будут нужны?

— Майор, я вам настоятельно рекомендую убрать прессу с места осмотра, — сказал следователь скучным, холодным тоном. Никита зло сжал губы, но возражать не стал, понимал — бесполезно. Вместо этого он с деланным равнодушием уставился в пол, внимательно вслушиваясь: а ну как ляпнут правоохранительные органы что-нибудь полезное?

Органы хранили стоическое молчание, зато вернулась соседка и отпартовала:

— Я Елену Борисовну предупредила, сейчас она придет. А что случилось то?

Кирилл мягко взял за локоть упирающегося Никиту и настойчиво попросил:

— Никит, шел бы ты, в самом деле, отсюда. Видишь — следствие против прессы.

Никита послушно кивнул — настаивать действительно не имело никакого смысла. Внутри не пустят, вместо этого отправят в кутузку на пятнад-

цать суток с обвинением в хулиганстве или препятствованию следственных действий, да еще и аккредитации лишат, хотя аккредитация — не самая великая беда журналиста. Все равно пресс-служба внутренних дел стала работать из рук вон плохо после смены руководства. Новый начальник не желал выносить сор из избы, и потому газеты и телевидение потчевали унылыми пресс-релизами о доблестной службе патрульно-постовой службы или вялыми информациями о количестве дорожно-транспортных происшествий. Все эти материалы были безликими, скучными и абсолютно не вызвали интереса. Так что более-менее стоящим репортерам приходилось добывать интересные истории, основываясь на свои источники. И лишиться этих источников было куда страшнее. Миронову, естественно, от Шмелева в обмен на информацию кое-что перепало. Не деньги, упаси господи, откуда они у нищего журналиста? Мелочи, вроде купленного в аэропорту виски, сигарет и прочих полезных и приятных мелочей, в обмен на строго дозированную информацию и полупамятки. Вот и сейчас Никита околачивался у машины, подозревая, что Миронов скоро выйдет поговорить.

Кирилл, действительно вышел, но отнюдь не так скоро, как хотелось бы Никите, и он забрался в машину и стал бессмысленно барабанить пальцами по рулю. Миронов покрутил головой, нашел «фольксваген» и сел рядом. Никита выждал, пока Кирилл закурит, открыл рот для первого вопроса, но Миронов его опередил.

— Ты как тут оказался вообще? — сердито спросил он и с досадой поглядел на выходящую из подъезда следственную бригаду. — Блин, еще и припарковался так неудачно — сейчас кто-нибудь увидит, что я с тобой болтаю, и тогда вообще кердык, на одних объяснительных посидеешь. Давай отъедем, что ли?

Никита послушно тронулся с места, успев скрыться до того, как из дверей выйдет следователь. Миронов с облегчением вздохнул и, хмуро взглянув на Никиту, повторил вопрос.

— С Анжеликой хотел побеседовать, — ответил Шмелев, притормаживая на светофоре. — Тебя подбросить?

— Угу, подкинь до конторы, я сегодня безлошадный. Ольга пацана повезла к матери в деревню... А адрес как узнал? Сашка сдала?..

— Сашка про шкатулку сказала, между прочим, такую же, как у покойного Панарина была. Адреса Лики она не знала, я его сам вычислил. Проще пареной репы, между прочим, — соврал Никита.

— Кто-то из наших стукнул? — скривился Миронов.

— Кирилл, надо все-таки следить за передовыми технологиями. В двадцать первом веке живем, как никак. Есть такие полезные изобретения, как социальные сети. Вводишь нужное имя, город, ник-нэйм, и вот тебе пол-

ный расклад. Лица-то явно не семи пядей во лбу, чекинутся, где ни попадя, вот я адресок то и узнал... Судя по вашей суете, хозяйина салона она гробанула? А вальнул кто?

— Твоя догадливость просто поразительна, — фыркнул Миронов. — Опять с Быстровой на кофейной гуще гадали?

— Ну, такого даже мы не предполагали, — надулся Никита. — Я насчет шкатулки хотел порасспросить, а тут доблестные менты на черном «воронке»... Что там в квартире? Свежий жмур?

— Да нет там ничего, — с досадой ответил Кирилл, — ни жмура, ни наоборот. И барахла нет. Свалила наша Маркиза ангелов в катакомбы Парижа. Ну, или еще куда.

— Думаешь, она виновна в убийстве?

— Ничего я не думаю. Допросить надо, да и экспертиз еще нет. Только я тебе до официального заявления ничего не говорил. На меня и без того наорали, как на мальчика, мол, упустил подозреваемую. Хотя, по большому счету, она все как по нотам разыграла, не только ведь у меня вопросов не возникло, следак тоже прошляпил, даже для выяснения не задержал. Да и сегодня он явно воспользуется положением. Зуб даю, не успею войти в управление, как у шефа будет лежать донос, что я сливаю инфу.

— Донос от этого неприятного хмыря? — переспросил Никита. — Кто это вообще?

— Некий Аркадий Протасов. Не доводилось видеться?

— Нет, как-то судьба берегла, видимо. Мы же со следователями редко встречаемся. — Никита свернул на перекрестке, а затем, встреपенувшись, торопливо добавил: — Но ты же потом поделишься сведениями?

— Чем смогу. Мне еще надо бойфренда мадемуазель Крайновой устанавливать.

Никита остановился у здания ОВД и, глядя, как Кирилл неуклюже выбирается из слишком маленького для его габаритов втомобиля, небрежно произнес:

— Могу подсобить.

Кирилл перестал выкарабкиваться, втиснул свою двухметровую тушу обратно и с подозрением посмотрел на Шмелева:

— Ты его знаешь?

— Откуда? — отмахнулся тот. — Анжелика мне — девушка насквозь незнакомая, а ее хахаль тем более. О нем я тоже хотел расспросить, но на звонки она не отвечала, телефон вне зоны. Зато я знаю, как этого графа де Пейрака зовут и как он выглядит. И за твое доброе отношение могу поделиться информацией.

— Из соцсетей, что ли, узнал?

— Конечно. Гляди.

Никита сунул Кириллу под нос телефон, где сверкали и переливались неземной красотой фото Анжелики Крайновой. Кирилл внимательно рассмотрел фотографии и отметил несколько, где Лика была запечатлена в хмурым парнем с самой что ни на есть бандитской физиономией.

— Зовут товарища Сергеем, и, судя по внешности, он вряд ли метрдотель в «Хилтоне», — пояснил Никита. — Скорее всего, на заправке где-нибудь работает, или что-то вроде того.

— Это ты по лицу понял? — ехидно спросил Миронов.

Шмелев не остался в долгу, отобрал телефон и, найдя нужное фото, развернул его на весь экран.

— Это я по его одежде понял, он же не один раз с ней на фото, а одет бывает в спецовку. Вот, глянь.

На фото, точнее селфи, Анжелика запечатлела себя и своего «обоже» в каком-то темном помещении, с тусклыми фонарями, трубами на нештукатуренных кирпичных стенках, разбросанным по углам инструментом и двумя смутными тенями неких бандерлогов, скалящихся в камеру. Разглядеть их лица было невозможно, только глаза и зубы светились inferнально, словно у гоголевских упырей. Кирилл поморщился, попытался увеличить фото, но картинка не двигалась. Помучившись, он вернул телефон Никите и спросил:

— Это можно как-то увеличить? И порезче сделать?

— Не знаю, наверное. С компа точно можно.

— Мне бы надо по-хорошему изъять у тебя это фото, — задумчиво произнес Кирилл, что Никиту невероятно развеселило.

— Миронов, ты меня удивляешь! — рассмеялся он. — Что ты хочешь изъять? Инстаграм? Так установи у себя и смотри, сколько влезет. Потому что по-другому никаких прокурорских санкций не хватит.

— Да не умею я, — поморщился Кирилл.

— Тундра ты неогороженная! Дай мне. О, ну хоть телефон приличный...

Никита в два счета скачал приложение и через пару минут уже подсунул Миронову снимки.

— Вот. Это наша Анжелика, а это ее фотки, — объяснил он, показывая, куда нужно нажимать и где искать хэштеги, и найдя фото из неопознанной мастерской, добавил, глядя на тени бандерлогов позади Сергея. — А это, наверное, кореша этого Сергея.

— Наверное, — медленно ответил Кирилл, стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее. Наверняка вышло плохо, потому что Никита бросил на него подозрительный взгляд, но ничего так и не сказал.

Глядя на зареванную Никишину, Кирилл не испытал ничего, кроме раздражения.

— Говорю вам, товарищ начальник, бес попутал, — выла она, била себя кулаком в необъятную грудь. — Напугалась сильно, ведь кровищи столько, и покойники лежат, один тут, вторая там. Сама не знаю, как черт дернул шкатулку эту подобрать. Затмение нашло, не иначе... Ой, горе горькое, да что ж я невезучая-то такая!..

Протасов, допрашивающий Алевтину Никишину, смотрел на нее с омерзением, а она, хлебнув воды из стакана, вновь взвыла, картинно выдирая из головы волосы.

— А потом, когда затмение развеялось, вы не нашли ничего лучше, чем шкатулку в антикварный салон отнести, — скучным голосом спросил Протасов.

Никишина часто закивала:

— Так что ж мне делать было? Напугалась я сильно, а когда в себя пришла, поздно было... И без того как проклятая судьбину кляла да дурь свою беспросветную...

— Послушайте, — не выдержал Кирилл, — вы бы этот театр юного зрителя прекращали. Забыли, что уже давали мне показания? Тогда вы вполне адекватно разговаривали и деревенскую дурынду из себя не строили. Отвечайте по делу и перестаньте нюни развозить. Это никому не интересно.

Никишина бросила на Кирилла злобный взгляд, а потом, вызывающе подняв подбородок, дерзко произнесла:

— Ну и что? Ну подняла я шкатулку. Откуда мне было знать, чья она? Красивая вещь, на полу валялась. Может, ее кто другой обронил? Я ее как раз собиралась в бюро находок сдать...

— Вам самой не смешно? — спросил Протасов. — Какое бюро находок? Вы ее в скупку потащили. И ведь сообразили, что вещь не дешевая...

Никишина уставилась в окно и несколько минут сидела молча, а потом обреченно произнесла:

— Ну, сообразила. Я, между прочим, не какая-то вам тетка из Зажопинских выселок, а дипломированный искусствовед. И на работе своей таких штук насмотрелась, вам и во сне не приснится, да и сама до развода по магазинам таскалась, выискивала красивые вещи. Кто ж знал, что жизнь у меня под откос покатится? Муж ушел, сын с невесткой из дома выживают... Я красоты такой сто лет в руках не держала, а тут вон — под скамейкой, бери — не хочу. Я и взяла. И Коростылеву сразу позвонила, потому что знала: он не брезговал и краденое скупать, а тут требовалось быстро действовать. Деньги срочно нужны, у нас по кредитам долги.

— И Коростылев вам заплатил?

— Заплатил, — хохотнула Алевтина. — Десять тыщ сунул, хотя шкатулка в разы дороже стоила. Но он сразу понял, что вещь криминальная, рогом уперся, козел старый. А мне выбирать не приходилось. В банке ждать не будут. Сын ничего не зарабатывает, а шалава его тем более... Не хватало еще, чтоб на старости лет банк меня на улицу вышвырнул. Дожила...

Кирилл подался вперед и спросил:

— В шкатулке что-нибудь было?

— Что было? — не поняла Алевтина.

— Не знаю. Что-нибудь. Документ какой-нибудь, или, может, ценности?

— Ничего не было. Пустая совсем.

— А выпасть из нее ничего не могло?

— Да откуда мне знать? — возмутилась Никишина, забыв, что ей по роли следовало бы страдать. — Может, и выпало, я не искала. Но... Думаю, нет. Она закрыта была, и вообще — тяжело открывалась... Нет, не думаю. Да и на полу больше ничего не валялось.

Тут она ойкнула, прижав ко рту ладонь, из чего Миронов сделал вывод: Никишина обшарила все вокруг на предмет выпавших из кармана покойников вещей, и не факт еще, что шкатулка была единственной, осевшей в ее пышном декольте.

Протасов, видимо, подумал о том же, помучил Никишину еще немного, а потом известил ее о том, что сейчас в ее доме проведут обыск, и взял подписку о невыезде. Женщина завывала, но на ее страдания никто не обратил внимания.

— Поеду на обыск, — вздохнул Протасов, глядя в спину Никишиной, уводимой дежурным. — Надо же... А с виду нормальные бабы, что Никишина эта, что Крайнова. Чего с людьми бабки делают. Мотай на ус, майор.

— Мне бы тоже бригаду, — напомнил Кирилл. — Надо поискать место, где убили Панарина.

— Зачем? — поморщился Протасов. — Во-первых, если его убили на улице, все давно уже затоптали. Установили же, что он из Михайловки ехал, верно? Так что я не вижу никакого смысла осматривать другие станции. Ты бы лучше его машину нашел.

— Перрон Михайловки осмотрели на следующий день и ничего не нашли, — напомнил Кирилл. — К тому же там проблематично затащить труп незамеченным. В момент остановки электрички Михайловку проезжает пассажирский состав, и, хоть и не останавливается, встречать его выходят железнодорожники. К тому же в Михайловке людей сходит много. Думаю,

что Панарина забросили в поезд где-то дальше, между Михайловкой и Мирнолюбово, где села Никишина. Там всего три станции...

— ...И ни на одной электричка дольше минуты не стоит, — скривился Протасов. — Убийца должен был затащить жертву в вагон, уложить на лавку и выскочить. За минуту это невозможно. Ты помнишь, где он лежал? Не в тамбуре, между прочим, и, хоть и близко к дверям, но все же... А Богаченко сидела в другом конце вагона.

— Из этого следует только то, что убийца ехал в электричке как минимум одну остановку вместе с ними, — возразил Кирилл. — Никишина уверяет, что в вагон она вошла одна, на перроне никого не видела, хотя могла и не заметить выходящих из соседних дверей. Но если бы возня с трупом началась в Мирнолюбово, вряд ли Никишина села бы в этот вагон, испугалась бы, как испугалась пьяной молодежи. Я считаю, что убийца втащил труп в вагон, уложил на лавку, это увидела Богаченко, возможно, закричала — и получила нож в грудь. А убийца спокойно перешел в другой вагон и вышел на следующей станции. Надо бригаду отправить, осмотреть полустанки. Может, найдем кровь или оружие убийства?

— Где? — скривился Протасов. — В снегу? Разве что, через месяц-другой. Если тебе не терпится, отправь линейщиков, пусть осмотрят, а я даже держаться не стану, потому что это бесполезно. И так половина свидетелей из вагонов разбежались до вашего приезда. Возможно, убийца в том числе.

— Линейщики уже осматривали эти станции, но бегло.

— Ну, раз ничего не нашли, где гарантия, что эксперты найдут? Там, на полустанках, даже камер нет. Так что это все пустая трата времени, майор. Раньше надо было думать и следственные мероприятия проводить. Халтурно работаете. Подозреваемую упустили, вторую даже не обыскали. Эксперт ваш коленца выкидывает, боится, что корона с чела упадет... Я непременно об этом доложу. Идем, я кабинет закрывать буду.

Протасов побросал протоколы в портфель, поднялся, сдернул с вешалки пальто и направился к дверям. Миронов нехотя встал, чувствуя непреодолимое желание нахамить ему.

«Как он с операми и медиками работает? — недоуменно подумал Кирилл. — При таком отношении результата можно не ждать. Стукачей не любят, будут палки в колеса вставлять, затягивать с результатами, игнорировать распоряжения следствия, потому что ведомство хоть одно, но структуры разные, и в каждом свой начальник. Нет, Аркадий Павлович, этак вы с нами каши не сварите!»

В отделе, куда раздраженный Кирилл ввалился уже ближе к вечеру, нашелся пропавший с утра Устемиров, легкомысленно распивающий чай, одновременно расстреливая на компьютере злобными птицами зеленых

свиней. Накануне Кирилл поделился с ним откровениями Милованова и велел пошевелить мозгами. Олжас тут же испарился и о предпринимаемых действиях начальству не докладывал. Не успел Кирилл начать орать, как монгольское лицо Олжаса расплылось в улыбке.

— Шеф, а угадай, чего я нашел.

— Смерть свою, если сейчас не объяснишь, где весь день шлялся, — пообещал Кирилл, сдерживая куртку.

— Ай, нащальнике, зачем ругаешься, — дурашливо пропел Олжас, хлебнул чаю и снова расплылся в улыбке.

— Да говори уже, — разозлился Кирилл.

— Я машину Панарина нашел, — гордо произнес Олжас.

— Где?

— Да все, как вы и предложили, о, гениальнейший, — рассмеялся Олжас, и добавил, посерьезнев: — Я прокатился до Михайловки, покрутился вокруг дома местного авторитета, куда вроде как наш потерпевший ездил, но машины не обнаружил. Обыскал стоянки — нет ее. В местном отделении проверил ориентировки: такой тачки не находили. Доехал на электричке до Сергеевки, обыскал все там — пусто. Доехал до Кондратовки и — о чудо из чудес — вот она, красавица — преспокойно стояла во дворе пятиэтажки. Что характерно, она даже заперта не была. Только ключей в зажигании не оказалось.

— Собирайся, поехали, — поднимаясь, скомандовал Кирилл.

— Куда?

— Машину осматривать.

Олжас обиженно надул губы и недовольно произнес:

— Ты меня прям каким-то недоумком считаешь? Машину уже осмотрели и даже перегнали. Я честно пытался до тебя дозвониться, но ты трубку не брал. Я дежурную бригаду вызвал, и они все в лучшем виде сделали.

— Кто машину осматривал? — спросил Кирилл, облегченно переводя дух. — Милованов?

— Не, он где-то на происшествии. Баба Катя осматривала, так что не волнуйся.

Баба Катя, точнее, эксперт Екатерина Гордеева, была такой же легендарной личностью, как и Милованов, поскольку работала еще дольше, уже в статусе пенсионерки, успевая преподавать в университете и нянчить двоих внуков, потчuya их домашними пельменями и драниками. Как эта бодрая старушка все успевала, оставалось загадкой. Злые языки болтали, что Гордеева, язвительная, характерная, фанатеющая от своего дела, просто не спит ночами. Она никогда не ошибалась и ничего не пропускала, дав сто очков форы даже Милованову, которого было сложно обскать. В последнее

время баба Катя в конторе появлялась редко: возраст давал знать. То, что именно она осматривала машину Панарина, было несказанной удачей.

Кирилл уселся на место и, улыбнувшись, сказал:

— Молодец. Теперь по делу Коростылева... Распечатку звонков Крайновой сделал?

Олжас мотнул подбородком на стол. Кирилл удивленно обнаружил, что прямо перед ним действительно лежат распечатки звонков Анжелики, на которых разноцветными маркерами сделаны какие-то пометки.

— Я там выделил часть звонков, — сказал Олжас. — Большая часть — самому Коростылеву или на городской телефон салона. Несколько устанавливают, но больше всего — на номер, принадлежащий Сергею Лазовскому. Я отправил наряд к нему домой, но они ни с чем вернулись. Лазовский на звонки не отвечает, где его искать — черт знает. Шефа, как назло, на месте нет, без него запрос на звонки не дают. Протасову надо доложить, санкции на отслеживание телефонов Лазовского и Крайновой у меня нет, а по дружбе пока никто ничего не делает.

— Без Протасова обойдемся, — отмахнулся Кирилл и снял трубку, собираясь позвонить в лабораторию. Олжасик кашлянул и негромко добавил:

— И вот еще что, шеф. В машине Панарина пассажирское кресло залито кровью.

19

Домой Валерий вернулся относительно рано, где-то около шести вечера, торопливо сбросил кургузую курточку, невероятно удобную для поездок за рулем и не слишком спасающую от пронизывающих ветров, и заглянул в гостиную, где было подозрительно тихо.

Татьяны, к счастью, дома не было. Юля лежала на диване с книгой: Валерий чуть слышно вздохнул и попятился, торопясь в ванную, но жена, естественно, слышала, как он вошел, и, потянувшись, как кошка, отложила книгу в сторону.

— Привет, — невесело сказал раздосадованный Валерий. — А где сестрица ваша?

— Сестрица наша накрасила губы и унеслась на свидание с прекрасным, — ответила Юля.

— Со Шмелевым, что ли? — фыркнул Валерий.

— Естественно. Я именно так и сказала: с прекрасным. Никитос себя таковым иногда считает, и сегодня как раз четный день.

Пока она поднималась, совала ноги в пушистые тапки, Валерий торопливо сдернул с себя тонкий свитер и шарахнулся прочь, чтоб, не дай бог,

не учуяла своим волчьим нюхом посторонних запахов. Скорее, скорее, бросить все в машинку, встать под душ, отделавшись легким испугом.

Он не рассчитывал, что жена окажется дома. Юля собиралась вести куда-то сестру, а светские рауты затягиваются надолго. Учитывая Танькины запросы, был шанс не только вернуться раньше этих светских львиц, но и высказать свое недовольство. Юля бы, безусловно, отвертелась, но все равно чувствовала бы себя виноватой. Стащив с себя рубашку, Валерий ушел в ванную, сунул рубашку в машинку и прокричал:

— Надеюсь, у них что-нибудь получится и она, наконец-то, от нас съедет. Нет, в самом деле, сколько она надеется у нас еще проторчать? По-моему, ясно как божий день, что никуда ее не возьмут, хоть с голосом, хоть с одной фактурой.

Юля показала на пороге, и он, торопливо юркнул за надежное укрытие занавески, включил душ и стал остервенело натирать себя мочалкой.

— Это тебе ясно, а вот ей — нет, так что успокойся и не надейся, — ответила Юля. — И Шмелев ее дольше пары часов не вынесет, уж я-то знаю. Давай скорее, я голодная, как волк. Сейчас будем ужинать, я плов сделала... Честно говоря, мне даже интересно, что выйдет из этого свидания, поскольку в прошлый раз Танька провожала Никиту весьма блудливым взглядом, а он, думаю, охотно даст себя соблазнить. Я сама от нее устала. Мало мне шума в квартире, так еще и вранье ее бесконечное терпеть. Сегодня она звонила подруге и захлеб рассказывала о своем фуроре в божественной среде. — Она вдруг запнулась и протянула: Валер!

За шумом бьющих в лицо струй он не услышал, как щелкнула дверца стиральной машинки. Небрежно брошенная на грудь белья рубашка упала именно так, чтобы был виден предательский след от губной помады, незамеченный им ранее. В напряженной тишине, чувствуя Юлино молчание, Валерий отдернул занавеску и уткнулся взглядом на мятый ком в ее руках. Восточные глаза Юли хищно вспыхнули.

— Это что?

— Это...

Он стоял перед ней, прикрывшись шуршащей занавеской, чувствуя себя полным идиотом, и не знал, что ответить.

Юля с яростью швырнула рубашку на пол:

— Господи, только не придумывай сейчас идиотской чуши. Что тебя в метро целовал клоун, что на работе был юбилей бухгалтерши, и она не достанулась до щеки. Я знаю еще сто тысяч таких историй, черт подери, я сама их придумывала для женской странички в журнале... Я... Знаешь, я честно терпела, терпела, но, по-моему, всему есть предел.

Она жახнула дверь так, что с полочки упала криво стоящая пена для

бритья, стукнулась о раковину и со звоном покатилась по кафелю. Валерий неуклюже вылез из ванны, смахнул с себя пену полотенцем и, юркнув в халат, бросился к жене.

Юля нашлась в кухне: сидела, сгорбившись, на стуле и бешено помещивала в чашке кофе с терпким ароматом коньяка. Початая бутылка стояла тут же. Это ее состояние слепой ярости Валерий хорошо знал: сейчас жена не пыталась успокоиться, она взвинчивала себя до предела, чтобы затем разорваться ядерным грибом, снося города и континенты.

Поймав ее мрачный взгляд, он сглотнул и, сделав шаг, коснулся плеча жены:

— Юль...

Она отшатнулась с таким отвращением, что пролила свой сдобренный коньяком кофе на столешницу.

— Не трогай меня!

— Если я скажу, что она для меня ничего не значит...

Эта фраза стала еще одним сигналом провала. Юля подскочила и зашипела, как ошпаренная кошка.

— Она значит для меня! Она значит, что я — дура полная! Она значит, что я тебе в какой-то момент... стала... не нужна!..

На последних словах у нее свело горло. Выпалив их kloкочущим от напряжения голосом, Юля разрыдалась, некрасиво, совсем не по-киношному. когда Сейчас было бесполезно пытаться ее утешить, это лишь спровоцировало бы очередную вспышку гнева. Но и уйти, оставив в таком состоянии, не было выходом.

Валерий сел напротив, подвинул к себе чайную чашку и налил коньяку, почти доверху. Юля всхлипнула, покосилась на него и демонстративно отодвинулась в сторону. Несколько минут они просидели молча, отхлебывая каждый из своей чашки. Она не выдержала первой. Обхватив почти пустую чашку обеими руками, глухо спросила:

— И кто она?

— Какая разница? — раздраженно ответил Валерий и скупно добавил: — Никто. Завтра, нет, сегодня ее уже не будет, ее уже нет.

— Зачем?

В этом ее «зачем?» была непривычная, беспомощная мольба непонимания. Валерий хотел отмолчаться, но это слишком долго зрело у него внутри и теперь прорвалось и вытекло наружу.

— Сам не знаю. Иногда с тобой просто невыносимо находиться рядом, особенно в те минуты, когда ты прешь напролом, как танк. Я ненавижу эту твою побочную деятельность, авантюры, в которые ты ввязываешься с Никитосом, и его тоже ненавижу. Это же ненормально, когда бывший парень,

за которого ты в юности чуть не выскочила замуж, сидит за нашим столом, ест, пьет, обсуждает со мной футбол и рыбалку, словно мы лучшие друзья, и проводит с тобой больше времени, чем я. Не прерывай! — резко сказал он, вскидывая руку в ответ на ее жест возражения, — я знаю, что нет между вами ничего, но избавиться от... это даже не ревность, это... не знаю... ущербность какая-то... я не могу. Мне не все равно, что тебе с ним интереснее, чем со мной. Не все равно, что я буюсь, зарабатываю, мотаюсь с тобой по курортам, а тебе то и дело нужно снова и снова нырять в эту грязь, в какие-то нелепые расследования, хотя ты могла просто стоять у плиты, варить борщи, а на выходные летать в Ниццу. И мне нужно, чтобы кто-то хоть иногда смотрел на меня с восхищением и считал, что круче никого нет, пусть это и обман.

Теперь она не плакала, смотрела на мужа тяжелым взглядом, а в голове вертелись и щелкали шестеренки, заглушая назойливый гул оскорбленной добродетели. Ее вывернутая мораль, отягощенная чувством справедливости, билась в неравной битве с оскорбленным достоинством обманутой жены, завоевывая новые рубежи. И теперь она с неохотой начинала понимать его недовольство.

— Ты не думал, что может быть мне вовсе не нужны курорты, деньги и эти нелепые расследования? — медленно спросила Юля.

Валерий скривился и осторожно накрыл ее ладонь своей. Она посмотрела на его руку, но свою не выдернула, и это уже был шаг навстречу.

— Да брось, кого ты обманываешь? — тихо сказал он. — Мы уже десять лет как женаты. Неужели ты бы осталась со мной без всего этого? Ты бы со скуки умерла, Юль, как акула.

— Почему — акула?

— Потому что акула жива, только пока двигается. И ты такая же. А я всеми силами пытаюсь тебя притормозить, хоть чуть-чуть. Я же понимаю, что, если отпущу, ты уйдешь.

Вот теперь она выдернула руку и даже сжала ее в кулак.

— Ты считаешь, что я не уйду сейчас? — с вызовом спросила Юля.

— Ничего я не считаю, — ответил Валерий безжизненно. Биться дальше не хотелось, это было невыносимо. — Я не знаю, что дальше будет. И знать не желаю.

У самой двери Саша струсила и опустила уже поднятую к звонку руку.

Нет, она с самого начала понимала: идти к Никите якобы просто так — идея скверная. Прикидываться перед ним у нее никогда не выходило. Шмелев видел все ее хитрости насквозь, добродушно высмеивал, констатируя, что как разведчик она засыпалась бы на первом же задании. Саша даже

дулась какое-то время, но потом признавала его правоту. И в самом деле, какая из нее Мата Хари? Вот и сегодня, запланировав заскочить как бы по пути, она необдуманно оделась в лучший костюм, сделала макияж и прическу, тщательно сбереженную под капюшоном куртки. Завершением этого идиотизма изысканности стал короткий забег в парфюмерный магазин, где, под предлогом выбора, Саша обрызгалась французскими духами с ног до головы.

Очутившись в его подъезде, она чувствовала себя полной идиоткой. Шанс сбежать еще был, но она вспомнила, что в прошлый раз набирала номер его квартиры на домофоне, но Никита впустил ее сразу: то ли в окно видел, то ли ему было в принципе все равно, кто явился по его журналистскую душу. Выдохнув, Саша решительно подняла руку и позвонила.

Никита, радостно улыбающийся, открыл сразу, будто за дверью стоял. Но при виде Саши его улыбка полиняла и сползла, словно он лимон откусил. Саша моментально поняла: ее не ждали и, в общем-то, учитывая, что открыл Никита при полном параде, не особо рады видеть. Осознание этого вдруг придало ей уверенности. Саше до смерти захотелось узнать, с кем он сейчас встречается, и потому она несколько принужденно улыбнулась и, поприветствовав, произнесла:

— Я шла мимо, и подумала: может быть, у тебя какие-нибудь новости есть?

Секундное замешательство на его лице сменилось прохладной улыбкой.

— Да нет у меня никаких новостей, — пожал он плечами. — Говорят, следствие идет, но никакой конкретики.

— Не пригласишь? — нахально прервала его Саша.

Никита помялся, оглядел пустую лестницу и, широко распахнув дверь, сказал:

— Входи.

Саша вошла, с порога учуяв, что здесь действительно ждут гостей, и, скорее всего, женщину. Квартира была вылизана до зеркального блеска. В воздухе витал запах жареного мяса и более терпкий — аромат лилий, любимых Сашиных цветов. Из динамиков стереосистемы ненавязчиво мурлыкала Шаде, наиболее подходящая певица для любовных игрищ. Знакомая, в общем, программа, когда Саша и Никита еще даже не жили вместе, а всего лишь встречались. И оттого, что технология соблазнения неопытных дурых осталась прежней, Саша почувствовала себя обворованной.

— Ты кого-то ждешь? — спросила она.

Он не ответил, пристроил курточку в шкаф и пригласил в гостиную где, как и предполагала Саша, оказался накрытым журнальный столик на две персоны, с тарелочками, фруктами в вазе и бутылкой вина. Жаркое, надо думать, ожидало прихода гостыи в духовке.

— Ты голодная? — буднично спросил Никита.

Саша была голодна, но отчаянно замотала головой, чтобы не ударить в грязь лицом. Пристроившись на диване, она чинно сложила руки на коленях и покосилась на попугая, преспокойно разгуливающего по тумбочке.

Мальчик Гриша, кажется, тоже удостоил Сашу взглядом, открыл клюв и показал язык. Дразнился, поганец! Воспользовавшись тем, что Никита, ушел за бутербродами, Саша скорчила попугаю гримасу. Птица возмущенно зачирикала и, взлетев, неуклюже описала по комнате круг. Оторвав от красивой грозди виноградину, Саша отправила ее в рот и с наслаждением раздавила языком. Мальчик Гриша вновь заорал — наверное, ябедничал хозяину.

— Саш, я с тобой тоже поговорить хотел, — крикнул Никита с кухни.

— О чем? — воскликнула она в ответ, стараясь переорать и Гришу, и Шаде.

Никита появился в дверях с тарелкой нарезки и кружкой чая, поставил перед Сашей и, помедлив, осторожно ответил:

— О твоей подруге Анжелике.

— Решил приударить? Так напрасно, у нее парень есть, к тому же ты ей совсем не нравишься, сама говорила.

— Да при чем тут кто кому нравится? — вскипел Никита. — Меня интересует, что она за человек. Давай, Сань, ты же с ней дружишь, наверняка знаешь о каких-то ее привычках, любимых местах отдыха, родственниках...

— Ты так серьезно расспрашиваешь, будто жениться собрался, а она — потенциальная аферистка, — возмутилась Саша, схватила с тарелки бутерброд и даже поднесла к рту, но откусить не успела, ошеломленная внезапной догадкой. Никита сидел с таким серьезным лицом, что она почуяла неладное, а почуяв, моментально сообразила, в чем дело, охнула и положила бутерброд обратно: — Погоди, погоди... Я до нее уже несколько дней не могу дозвониться... Она пропала, да? Что-то плохое с ней случилось?

Никита не ответил, и это заставило Сашу взорваться от злости и тревоги.

— Да что ты молчишь, как пень? — воскликнула она. — У Лики все в порядке или...

Он отвернулся. Саша прижала ладонь ко рту, обмякла и беспомощно прошептала:

— О, господи!

— Вот именно, — мрачно ответил Никита, подтверждая ее догадку. — Версия не моя, но Миронов намекнул: Ликю подозревают если не убийстве и ограблении Коростылева, то, по крайней мере, в соучастии. Давай, Сашка, вспоминай. Какой Лика была во время учебы? Какой стала теперь?

Саша потерла виски и жалобно поглядела на Никиту:

— У меня в голове не укладывается... Лика? Хотя... — она задумчиво почесала лоб и медленно продолжила: — Честно говоря, я о ней бы никогда не подумала, но она всегда была авантюристкой. В институте училась еле-еле, умудряясь сдавать зачеты каким-то немыслимым образом, хотя ни одного дня над учебниками не сидела. Сколько помню, Лика шаталась по дискотекам и вечеринкам, на лекциях отсыпалась... Знаешь, ты сказал, и я вспомнила: а ведь Лику уже подозревали в кражах. В институте еще, помню, была какая-то грязная история. Я даже не поняла, в чем было дело, отлеживалась в больнице с воспалением легких, а когда вернулась, все уже стихло. Но девчонки на Лику смотрели косо и ценные вещи убирали подальше.

Никита наострил уши и торопливо поинтересовался:

— В чем было дело?

— Не помню, не знаю, — рассеяно ответила Саша. — Но что-то связанное с Коростылевым, это точно. Мы же все таскались к нему то и дело за консультациями, за материалами, он никогда не отказывал. И, кажется, Лика у него что-то стащила прямо из кабинета.

Воспоминания о далеких годах учебы были слишком зыбкими. Саша наморщилась, стараясь припомнить побольше, но ухватить мысль никак не могла, да еще Никита вмешался, сбив с толку ехидным вопросом:

— И после этого он взял ее на работу?

— Странно, правда? — спросила Саша и жалобно добавила: — Никит, я честно не в курсе, что произошло между ними. Знаю, что когда все открылось, она у Коростылева в ногах валялась, умоляла не губить и не отчислять, чего-то про больных родителей рассказывала, хотя я точно знаю, что никто не болел и не собирался. Но ее почему-то простили, а потом она устроилась к Коростылеву в салон, чуть ли не сразу после выпуска.

Никита прищурился, и даже губами пошевелил, что-то вычисляя, но затем, сдавшись, все-таки спросил:

— Когда произошла та история?

— Давай прикинем... Курсе на третьем. Да, точно. Лика долго ходила тише воды ниже травы, а затем вдруг стала хорошо одеваться, крутой телефон купила. Для нас это было не то чтобы шоком, но, в общем-то, делом странным. На историческом одни мыши церковные учатся, либо за идею, как я, либо от безысходности. Экономии на всем, каждый рубль был на учете, и все понимали — перспектив немного, разве что в школу пойти — преподавать, или в музей, сидеть в зале, укутавшись в шаль, и ждать, пока не загнешься от старости. Поэтому на Лику многие смотрели даже с завистью.

— А Коростылев после того происшествия еще долго преподавал?

— Нет. На последнем курсе его уже не было, точно помню. Он бросил университет и открыл свой салон. А после выпуска Лика сразу устроилась

к нему на работу. Хотя, погоди, я припоминаю, что она работала там даже раньше, приходила по вечерам....

— Похоже, у твоей подруги и Коростылева был роман, — хмыкнул Никита.

Саша выпучила глаза и замахала руками, отгоняя эту глупую мысль.

— У Якова Семеновича и Лики? Да ну, глупости! Он же совсем старый!

— Саш, ему сейчас было бы шестьдесят три года, — снисходительно пояснил Никита. — А тогда было почти на десять лет меньше. Может, я тебя удивлю, но пословицу «седина в бороду, бес в ребро» придумали не просто так. Подумай сама: Лика стащила у Коростылева ценность, была поймана на месте преступления, рассказала байку об умирающей бабушке и была не просто прощена, но даже устроена на работу. Если бы у тебя украли фамильную диадему, а потом валялись в ногах, мол, бес попутал, ты бы с этим человеком общалась дальше, даже если бы простила?

— Вряд ли, — созналась она. — На подобное мое благородство не распространяется. Может, простила бы, но к себе на работу точно не взяла бы.

— А он взял. И я сильно сомневаюсь, что ему не донесли о подлинном состоянии здоровья Ликиных родственников. Но, тем не менее, она устроилась к нему еще до выпуска, и проработала все время на «одной должности».

— У нее парень есть! — возмутилась Саша.

— И что? Давно у нее парень появился? Хотя это не важно. Если Лике пришлось отрабатывать свою провинность, парень вряд ли Коростылеву бы помешал. К тому же, вспомни, ему на момент убийства было за шестьдесят. Пыл угас, но Лика осталась работать с ним, потому что, как бы это не мерзко звучало, они друг другу были не чужие люди.

Саша покачала головой. Эта версия показалась ей сомнительной.

— И она так ненавидела Якова Семеновича, что, вытерпев столько лет, решила на убийство? Не верю!

— Не только на убийство, — жестко сказал Никита, — но еще и на ограбление. Вспомни: Коростылеву принесли чайную шкатулку, которая, как я думаю, до того принадлежала убитому за день до того в электричке бизнесмену Панарину. Ты уверена, что шкатулка не представляла особой ценности?

— Уверена, — кивнула Саша, ни на минуту не задумываясь. Шкатулка из красного дерева вдруг ожила в памяти, и она невольно дернула рукой, вспоминая, как пальцы гладили гладкие, лоснящиеся лаком бока. — Даже если она подлинная, больше двухсот... ну, трехсот тысяч она не стоила. И то с натяжкой. Максимум — сотня, сто пятьдесят...

Никита, упорно отстаивая свою версию, сдаваться не желал и спросил:

— А если шкатулка принадлежала какой-нибудь значимой личности? Царю, например?

— Я не заметила на ней имперских гербов, Никит, — покачала головой Саша. — Чайные шкатулки мастерской Ружа в конце девятнадцатого, начале двадцатого веков были широко распространены. Практически, в каждом приличном доме имелась такая вещица. Это ширпотреб, доступный даже зажиточным купцам.

— Пусть так, — упрямо возразил Никита. — Но при обыске салона шкатулки не нашли. Ты сама сказала, что Лика о ней не вспомнила.

— Коростылев мог ее продать в тот же день в обход Лики. Или унести из салона куда угодно. Не думаю, что Лика польстилась на вещь, которую потом еще и нужно куда-то пристроить, в то время, как у нее под руками были деньги и золото. Так что выброси из головы шкатулку. Я думаю, дело не в ней. И в вину Лики я не верю.

— У ментов какие-то улики есть, — отмахнулся Никита, но Саша, представив подругу в беде, произнесла срывающимся голосом:

— Возможно, Лика впуталась во что-то ужасное. К примеру, проболталась своему парню, а тот кому-то еще. Кто знает, может ее уже... того...

Лика, безалаберная, легкомысленная идиотка, вдруг предстала перед Сашиним взором мертвой, и от жалости к ней, а еще немного к самой себе, Саша всхлипнула, в глубине души надеясь, что сейчас ее бросятся утешать. Мальчик Гриша на причитания не отреагировал, занятый колупанием в собственной кормушке, а вот Никита бросился к Саше и стал обнимать, гладить по голове, как маленькую, шепча на ухо милые глупости, как в прошлые времена. И Саша сама не поняла, как вцепилась в Никиту, словно в спасательный круг, успев прошептать только:

— Я скучала...

После этого ничего уже не следовало говорить, да и не хотелось, потому что руки по привычке вцепились друг в друга, а пересохшие губы потянулись друг к другу... Но позабытая сладкая истома была безжалостно разрушена дверным звонком. Саша испуганно отпрянула от Никиты, припомнив: он ждал другую, и эта другая сейчас стоит под дверями.

— Наплевать, — прошептал Никита и потянулся к Саше, но она отодвинулась, чувствуя себя несчастной дурой. Несколько мгновений Никита смотрел на нее, а потом, резко поднявшись, направился в прихожую.

Саша тоже поднялась, торопливо поправила одежду и вышла навстречу неизбежности.

В прихожую ворвалась неизвестная блондиночка, пухленькая, хорошенькая, с глубокими ямочками на щеках и искристыми голубыми глазами. Никита стоял болван болваном, а блондинка повисла у него на шее и чмокнула в щеку, не замечая Саши.

— Привет! — прощепетала она. — А я так замерзла, пока доехала, так замерзла. Надо было Юльку попросить, чтоб отвезла, но у нее дела. А на такси чего тратиться, когда маршрутки ходят... А это кто?

Блондиночка уставилась на Сашу недоумевающим взглядом. Та вежливо улыбнулась в ответ, с трудом сдерживая желание треснуть Шмелева по затылку чем-нибудь тяжелым, и сказала:

— Я уже ухожу. Спасибо за новости, Никита.

Парочка новоявленных влюбленных молча смотрела, как она натягивает сапоги и курточку и выходит за дверь. И только когда Саша оказалась снаружи, Таня вторично поинтересовалась:

— Кто это?

У Никиты вновь зло дернулась губа, но он нашел в себе силы улыбнуться и безразлично ответить:

— Так, считай, уже никто.

20

Глубокой ночью Лика под боком похрапывающего Сергея молча рыдала, стирая слезы уголком ватной подушки. Прежняя жизнь, обычная, серая и никчемная, теперь казалась невероятно привлекательной в своей ежедневной стабильности. Утренний подъем под мелодию из мобильного, душ и завтрак, три остановки на маршрутке, работа, скучная до оскотины, под бдительным надзором старого козла, обед, беседа с клиентами, иногда довольно состоятельными, дорога домой, телевизор и свой парень под боком, хоть и не Брэд Питт, но вполне себе ничего. А затем — сон, и твердая уверенность, что так будет завтра, и послезавтра, и еще очень долго. Кто же мог подумать, что все оборвется вот так, окончательно и бесповоротно?

Коростылева Лика не жалела нисколько. Себя — постоянно, а пожилого антиквара — нет. По сути, он сам виноват в своих бедах. Почему не поделился? Да и вообще, мало ли ей пришлось от него вытерпеть?

На третьем курсе института Лика явилась к Коростылеву сдавать зачет. В кабинете его не оказалось, и, проторчав в аудитории полчаса, она обшарила карманы его пальто, даже не преследуя цели что-то стащить. В пальто нашлась коробочка, серенькая, невзрачная, а в ней — медальон, тоже так себе, вроде серебряный, с мелкими камушками. Услышав шаги приближающегося педагога, Лика метнулась прочь от вешалки и машинально сунула коробочку в карман.

Медальон, беспечно брошенный ею в тумбочку, оказался платиновым, а мелкие камушки, принятые за фианиты — бриллиантами. Именно это ей втолковал следователь, когда изящную безделушку увидели на подружке

по общаге. Подруга без спроса взяла украшение и, нацепив его на шею, явилась на занятия к Коростылеву.

Вспоминать дальнейшее Лика не любила.

Коростылев ее простил, забрал заявление из участка и даже преподал ей несколько полезных уроков, научив разбираться в драгоценностях и иконописи. Этаким благородный жест, вот только благородства в старом хрыче не было ни на йоту. Забрать заявление он согласился только при условии долговой расписки.

— Подписывай, подписывай, милая, — ласково пел старый аспид. — Это чтоб ты свое место знала. А не хочешь, милости просим на нары.

Она подписала. А куда деваться?

Как страшный сон Лика гнала от себя воспоминания, как ублажала его в постели, к тому же антиквар оказался не только любвеобильным, но и весьма изобретательным. Но даже это можно было вытерпеть. Хуже всего были его нравоучительные беседы, в которых он представал благодетелем, а Лика — подзаборной шавкой, из милости допущенной к царской миске. Яков Семенович не признавал панибратства даже в интимные минуты, залепив ей пощечину, когда она в порыве фальшивой страсти, назвала его Яшенькой.

Она приспособилась. В постели старалась помалкивать, держалась с преувеличенным почтением целый месяц, ожидая, что либо ему надоест, либо, что наиболее вероятно, она окончит институт и исчезнет с глаз долой. Коростылев ушел из института сам. Но расписку не отдал.

— Мне помощница нужна в салон, — сказал Яков Семенович. — Так что предлагаю тебе начинать там отрабатывать долг, а после сама решишь — оставаться или нет.

Так Лика начала «отрабатывать». Ее безумно раздражало, что подруги, вроде наивной дурехи Сашки Ковалевской, всерьез считали Коростылева порядочным человеком, но убеждать их в обратном она не собиралась. К своему удивлению, работа оказалась не такой уж тяжелой, а ублажать Коростылева в постели приходилось все реже и реже, пока его постельные шалости окончательно не сошли на нет. У Лики вдруг появились собственные деньги, и полуголодное существование в общаге прекратилось. А к моменту выпуска она получила от Коростылева свою расписку, которую, правда, в последний раз пришлось отработать в койке.

— Оставайся, — предложил он. — Теперь ты стала полноправным членом общества. Я научил тебя нормально говорить, нормально себя вести. Никто больше не заподозрит в тебе босячку с окраины, ворующую чужие кошельки. Платить буду по совести, а если уж совсем умницей будешь, рано или поздно получишь долю.

— Нет уж, спасибо, — фыркнула она и демонстративно разорвала расписку. — Хватит с меня. Ваша шарашка будет последним местом, куда я захочу прийти работать. Прошу прощенья, но Джанго освободился.

— Ну, смотри, — неожиданно легко согласился Коростылев. — Как бы потом пожалеть не пришлось. Приползешь обратно — не рассчитывай на прежние условия.

К своему стыду, она действительно приползла, помыкавшись без нормальной работы. Учить детей в школах Лике не хотелось. Сама мысль, что она будет преподавать историю изо дня в день за гроши, проверять домашние задания и оплакивать собственную жизнь, казалась ей ужасной. Поработав немного консультантом в магазине парфюмерии, Лика уволилась со скандалом и недостатком, которую пришлось выплачивать из собственного кармана. Еще пара попыток устроиться на приличную работу кончились полным провалом. В итоге она униженно приплелась обратно к Коростылеву, надеясь, что тот возьмет ее обратно и одновременно желая получить отказ, дабы сжечь все мосты.

Яков Семенович благородно взял Лику обратно, с зарплатой намного меньше, чем раньше — «в наказание», и она приняла это без возражений. Зато больше не пришлось терпеть его притязания. Затем в ее жизни появился Сергей, и существование стало более-менее сносным. И если бы не этот проклятый бриллиант, она жила бы так и дальше, не тряслась бы от ужаса в утлом бревенчатом домишке, слушая ночной вой волков да похрапывания мужчин, каждый из которых был убийцей.

Вспоминая смерть Коростылева, Лика с ожесточением, как мантру, повторяла про себя одно и то же:

«Ты сам во всем виноват, старый хрен! Ты сам во всем виноват!»

Лика изначально не была настроена на то, что Сережино малое войско будет дисциплинировано, но того, что им в дальнейшем придется ходить буквально по краешку из-за глупости Антона и Володи, не могла предположить. Нет, она, конечно, понимала, что эти двое не блещут ни умом, ни сообразительностью, но чтобы настолько...

— Телефоны выключить, «симки» сменить, — зло скомандовал Сергей. — Родным и корешам не звонить. Угроздило же... Вова, ты хоть уверен, что менты к тебе из-за цацок приходили?

— Да откуда мне быть уверенным? — вскинулся тот. — Они ко мне через день ходят. Я же на условном, еще по той, старой истории. Чуть что на районе — сразу ко мне идут. Может, и не стукнули из ломбарда еще, но я чего, дожидаться буду?

Володя несколько месяцев назад проходил в качестве обвиняемого по делу о разбое, хотя сам ничего не делал, даже на шухере не стоял, просто

оказался в компании пьяных гопников, промышлявших нападениями на поздно возвращающихся женщин. Он тогда уснул на скамеечке, а когда полицейские повязали всю банду, долго недоумевал, при чем тут он. Суд, впрочем, с ним обошелся весьма гуманно, потому раз в неделю Вова ходил к участковому — отмечаться и оправдываться, если поблизости действительно происходило что-то из ряда вон выходящее.

— Толку-то от смены «симок», — буркнул Антон. — Если Лику вычислили, значит, ее звонки уже отследили, узнали, кто ты такой, а потом отследили твои звонки, и вычислили нас. Теперь будут ловить.

— Пацаны, может, того, сдадимся? — всхлипнул Вовка.

— С ума сошел?! — разозлился Сергей. — Машина есть, едем на турбазу, там переждем.

Конечно, сдаваться никому не хотелось, а уж Лике — больше всех. Хотя бы потому, что запросто пойдет как организатор налета, даже если попробует доказать обратное. Про сейф знала она, про камень тоже, сигнализацию без нее никто бы так просто не отключил. Как ни крути, а в случае провала отделаться легким испугом вряд ли получится...

Антон дождался, пока машина остановится, увел Володю куда-то заправку и, пока Сергей рассчитывался за бензин, несколько раз дал ему по морде. Лика видела лишь их тени, слышала звонкие шлепки и глухие вскрики. Оба вернулись с перевернутыми лицами: Антон — красный, злой, Вовка — в слезах, бурча под нос что-то матерное. Глядя на него, Лика подумала: вот оно, первое слабое звено, балласт, который утянет всех на дно.

О слабом звене, дальнейшей судьбе и разрушенной жизни она размышляла всю дорогу до заброшенной на зиму турбазы, глядя в окно, как свистят мимо высоченные сосны. Сладостная Европа и еще более сладостная Америка манили со страшной силой. Загранпаспорт лежал в кармане. Она могла бы прямо сейчас сбежать в любую безвизовую страну, загнать камень — хватало контактов и там — и потеряться в неизвестности. Но бриллиант был надежно спрятан в нижнем белье Сергуни, все сильнее раздражавшего Лику.

Машина шла тяжело. Над тайгой, в которую автомобиль углублялся с каждой минутой, нависли тяжелые тучи, из которых поначалу летела мелкая белая перхоть, но с каждой минутой снежинки становились все крупнее и тяжелее, полностью перекрыв видимость. Невзирая на предостережения Сергея, Лика украдкой вынула телефон и посмотрела прогноз.

Погода не радовала. Но еще больше не радовало то, что антенна на телефоне пульсировала на последнем делении. Случись что — сигнал пропадет, и тогда не докричатся.

При этой мысли Лика похолодела, но попыталась малодушно себя утешить, мол, все будет хорошо. Но, то ли убеждала она себя вяло, то ли в

глубине души уже сознавала, что никто из них не вывернется из этой истории в целостности и сохранности, в голове настойчиво стучал тревожный набат.

«А ведь я даже с мамой не попрощалась, — подумала Лика и тихо шмыгнула носом. — Полиция наверняка уже у нее была, а она не знает, что произошло, и почему меня ищут. Мама, мама, как же так? Что же теперь будет?»

Мысли о маме долбили в ее голове до последней на пути заправки, где уже не было сигнала на телефоне, иначе Лика бы непременно позвонила. Антон заметил ее возню с сотовым, и зло окрысился, но, слава богу, вслух ничего не сказал, больше внимания уделяя морально раздавленному Вове. Тот сидел, уставившись под ноги, и ни на что не реагировал. Не желая наблюдать эту картину, Лика ушла в туалет.

Там она попыталась выплакаться, но слез, как назло, не было, только в груди жгло, а в животе катался туда-сюда тяжелый ком. Поплескав в лицо холодной водой, Лика оторвала от рулона немного туалетной бумаги и вытерла мокрое лицо.

Лампочка над входом в туалет не горела, потому Лика вышла незамеченной и сразу остановилась, услышав за углом приглушенные голоса Антона и Сергея. Замерев, она с ужасом сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— ...Я тебе говорю: от Лики все беды. Не будь ее, мы вполне могли бы отделаться легким испугом, — бубнил Антон.

— И что ты предлагаешь? Завалить ее прямо тут? — вкрадчиво проговорил Сергей.

Лика вжалась в стену, радуясь, что под ногами плитка, а не снег, который бы выдал ее своим хрустом.

— Ну... Хозяин барин, конечно, — сказал Антон со смешком, а потом рассудительно добавил, — но сам посуди, ее точно ищут, а мы еще можем выкрутиться. Не будет Лики — не будет проблем.

— Лика останется, — веско бросил Сергей. — Без нее мы «цацки» не сможем сбыть, разве что на лом. И то есть риск, что продешевим, или, того хуже, засветимся. У нее есть база всех коллекционеров, которые охотно купят это барахло.

«Конечно, не сможете, куски дебилов, — зло подумала Лика. — Куда вы без меня?»

Антон помолчал, потом робко предложил:

— Базу у нее можно и забрать.

— У нее в башке эта база, — с досадой ответил Сергей, а Лика похвалила себя за прозорливость. — Что толку, если я у нее телефон заберу? Она одна знает, кто из антикваров по драгоценностям, кто по иконам, кто по фарфору. Ну, избавимся мы от нее, и что? Понесем золотишко какому-нибудь чудаку,

а он мало того, что не по этой части, так еще и с незнакомцами иметь дела не захочет. Лика знает, сколько можно за каждую безделушку взять, а ты, к примеру, знаешь?

Антон помолчал, а затем недоверчиво произнес:

— Темнишь ты что-то, Серый.

— С чего ты взял?

— Ты когда врешь, всегда поверх плеча смотришь, куда-то в сторону, только не в глаза. А чего темнишь — непонятно.

«А ведь правда, — внутренне ахнула Лика, давно приметившая эту особенность недавнего возлюбленного. — Он всегда отводит глаза и смотрит поверх плеча. Думала, я одна это замечаю, а оказывается — все».

Она прекрасно знала, что скрывал Сергей, и потому стала слушать с удвоенным вниманием.

Сергей принужденно хохотнул и попытался перевести разговор на другое.

— Фигню какую-то городишь, — фыркнул он. — Я дело говорю, а ты носом крутишь. Лучше придумай, что с Вовой делать. Он совсем расклеился. Что, если правда сдаваться пойдет?

— Я ему пойду, — угрожающе прошипел Антон.

— Антох, я не шучу. Что делать думаешь?

— А что тут думать? Вове в ментовку нельзя, он все наши нычки знает. Так что пока он с нами, все пучком, но если решит свалить, проблемку решать придется очень быстро.

Лика подумала, что больше нельзя тянуть с возвращением, отошла на несколько шагов, хлопнула дверью туалета и, стуча каблуками, направилась к заговорщикам. Увидев ее, Сергей бегло улыбнулся, но глаза виляли, ни разу не остановившись на Ликином лице, а Антон отвернулся и заторопился ехать дальше. Лика покорно села на переднее сиденье, рядом с Сергеем, безучастно смотрела вперед на разгулявшиеся снежные вихри и лихорадочно соображала, как выйти из этой истории невредимой.

По всей видимости, не одну Лику навещали такие мысли. В зеркале заднего вида она пару раз поймала отрешенно-упрямое лицо Володи и подумала, что вполне возможно в лице этого лысого недотепы обретет себе союзника. Она даже попыталась подать ему знак, но Володя смотрел в окно невидящим взглядом, и на все Ликины потуги не обращал никакого внимания.

До турбазы они добрались уже поздно вечером, долго откапывали двери, долго таскали багаж. Лика внутренне ахнула, когда увидела, как Антон вытащил из багажника ружье и как-то нехорошо посмотрел на Сергея. Не дав виду, она вошла внутрь.

Электричества здесь не было, как и отопления. Парни наскоро растопили печь, натаскав из поленницы дров, и расселись у буржуйки, которая

моментально согрела небольшую комнатку. Пока Лика готовила ужин, парни натаскали воды в баню, разожгли еще и камин и, немного повеселев, достали водку. Угощаться пришлось из битых железных кружек — ничего другого не нашлось, но это не смутило даже Лику, деловито рубившую колбасу и сыр на бутерброды.

В баню Лика с Сергеем пошли первыми. Простоявшая без дела каменка еще толком не прогрелась, и от воды, хлюпавшей на камни, пар поднимался редкий, быстро улетучиваясь в щели, но Сергей решил, что согреться ему помогут женские ласки. Лика не противилась, а сама косила взглядом в сторону бельевой, где среди вороха барахла лежал и тщательно укрытый камень. Занятые собой, они не услышали, как в бельевой стукнула дверь, и только потом Лика краем уха уловила постороннее шевеление. Насторожившись, Сергей, моментально учуяв неладное, вылетел в предбанник. Обмотавшись ветхой простынкой, брошенной в бане сердобольными хозяевами, Лика выскочила следом и застала удивительную картину: Антон рылся в их вещах, а насупленный Володя стоял поодаль, впуская в распахнутую дверь бани стужу.

— Какого... — прошипел Сергей и выдернул из рук Антона трусы. Тот, видимо, успел нащупать в белье что-то интересное и не хотел расставаться с находкой. Ткань затрещала, и в ту же секунду бриллиант сверкающей глыбой выпал на пол и покатился по половицам, отражая гранями пламя свечи.

Сергей оказался расторопнее. Схватив камень, он инстинктивно убрал его за спину, сжав в кулаке, но Антон, нехорошо ослабившись, и не думал его отнимать.

— Ах, вот в чем дело, — протянул он. — Я же говорил тебе, Серый, что врешь ты неумело... И как долго вы собирались от меня эту красотень скрывать?

— Не для тебя эта красотень, — жестко ответил Сергей.

— Не для меня? То есть, на дело вместе шли, вы о брюлике знали, но нам с Вованом ни словечком. А я-то думаю, чего ты не побоялся старика завалить? Неужто из-за всей этой мелочи. А оказывается, вон оно что. У тебя в штанах прямо сокровища Али-Бабы. И ты, подруга, тоже молчала. Не из-за этой ли ледышки ты шефа своего в могилку отправила?

— Я никого не трогала! — возмущенно воскликнула Лика и едко добавила: — Если бы вы не вели себя как идиоты, ничего бы и не произошло.

— Пацаны, правда, давайте сдадимся, — всхлипнул Вова. — Это же пожизненное, а я не хочу на пожизненном...

— Успокойся, Вова, никто про этот бриллиант не знал, — холодно сказал Сергей.

— О, Вован, смотри, как интересно, — рассмеялся Антон. — Никто про камень не знал, кроме наших Ромео и Джульетты. Даже мы с тобой, два лоха ливерных. Но раз пошла такая пьянка, предлагаю пересмотреть наш договор. Камушек пилим и делим бабки на три части.

— Почему на три? — оскалился Сергей, и по его тону Лика поняла, что сейчас он кинется в драку.

— Потому что у вас семья, верно? — подытожил Антон. — Вот вас за одного человека и посчитаем. И штраф с вас за обман, вы ведь изначально хотели нас кинуть? Что скажешь, Вова?

— Ничего я не скажу. Я хочу уйти, — безжизненным голосом прошеле-стел Вовка.

— Я тебе уйду... — угрожающе процедил Антон и посмотрел на Сергея. — И... это, Сергуня, камушек-то мне отдай. Чего-то я тебе больше не верю.

— Камень останется у меня, — твердо проговорил Сергей.

— Да неужели?

Только сейчас Лика увидела, что Антон, державший в руках ружье ство-лом вниз, вскинул его, почти упираясь в лицо Сергея. Тот отреагировал молниеносно: одновременно сунул бриллиант Лике в руку, схватил дву-стволку и дернул вверх. От неожиданности Антон нажал на курок и вы-стрелил. Лика взвизгнула. Сверху посыпалась щепка и обломки шифера. Вова присел и заорал испуганным зайцем. Ожесточенно выдирая ружье друг у друга из рук, Антон и Сергей повалились на пол в узком предбанни-ке, пинаясь и сопя от напряжения. Сергей как-то легко повалил Антона на пол и, сдавив ему горло ружьем, принялся душить. Антон сипел, бешено вращая глазами и наливаясь краской. Видя, как страдает друг, Володя бросился на подмогу.

— Прекратите, прекратите! Да что вы делаете, придурки! — заорал он и попытался оторвать двустволку из рук Сергея.

Бам!

Лика закричала, а Вова с детским удивлением и обидой попятился, ткнулся спиной в косяк и стал медленно сползать на пол, а на его боку медленно расплывалось багровое пятно. Затем черты его лица разглади-лись, превратившись в бессмысленную маску. Дернув ногами, Володя уронил голову на грудь и затих.

Антон взвыл, бросился теревить лучшего друга, шепча ему щенячьи из-винения и повторяя его имя, пока свеча, уже давно потрескивающая, не догорела до конца, погрузив баню в темноту. И в этой тьме Лика услышала холодный голос Сергея, которого уже почти ненавидела:

— Ну вот, кажется, теперь точно придется делить все на три части.

Ссора с мужем совершенно выбила Юлю из колеи. Вечером они, дабы не давать вернувшейся Таньке повода для любопытства, чинно улеглись в постель, где демонстративно отвернулись друг от друга. Валерий даже не попытался сгладить ситуацию: то ли понимал, что это бесполезно, то ли ему было наплевать. Юлия подозревала второе. Даже спина мужа выражала полное равнодушие к ее обиде.

Утром на работу оба собирались в полном безмолвии. Танька спала в гостиной, уткнувшись носом в диванную подушку, и не перед кем было «держаться политес», опасаясь, что сплетню о семейных неладах понесут в народ. Доехав в гробовом молчании до салона, Юля и Валерий разошлись по кабинетам, ни разу не взглянув друг на друга.

Делать на работе, по большому счету, Юле было совершенно нечего, а домой, к надоевшей до зубовного скрежета сестрице, ехать не хотелось. Телефон Шмелева молчал: видимо, Никита, в отличие от своей горемычной подруги, был занят делом, сидел на пресс-конференции или брал интервью, счастливчик...

От скуки Юля выпотрошила ящики в столе и сейфе, решив перебрать бумаги и избавиться от ненужных. Лениво листая старые счета, безжалостно комкая и швыряя в мусорную корзину ненужные, Юля вдруг зацепила взглядом знакомую фамилию. По сути, ничего непривычного в этих счетах не было, и даже то, что они нашлись в Юлином столе, тоже не удивляло. До того в кабинете сидел финансовый директор салона, уволенный Валерием в прошлом году из-за темных делишек. Вероятно, именно потому несколько счетов остались в самом нижнем ящике, куда Юля не заглядывала из лени. находка была тривиальной — обычные документы на покупку автомобиля марки «Тойота Ярис», не самую, надо признать, удачную модель. Станным было то, что эту, в общем-то, женскую модель, купил ныне покойный Олег Панарин, катавшийся на «Ленд Крузере». Пролистав еще пару страниц, Юля поняла причину. Эту малолитражку в салоне оформили на Жанну Колчину. Отодвинув счет в сторону, Юля ткнула пальцем в кнопку кофемашины, и, хмурясь, уставилась в окно.

То, что Панарин купил любовнице машину, не удивляло — мог себе позволить. Но куда эта машина делась? Юля отчетливо помнила: к ней Жанна приезжала на такси. Разбила? Продала? Не выдержав, Юля позвонила приятелю, Володе Вершинину, подвизавшемуся на почве свадебного фото, давно сотрудничающему с Жанной, и уже через минуту узнала: машина у Колчиной была, появилась неизвестно откуда и бесславно погибла на скользком

шоссе. Жанна, не пострадав в аварии, предпочла «тойоту» не восстанавливать, продала на запчасти и по клиентам вновь стала ездить на такси.

— Хорошо, видать, ее шибануло, — хихикнул приятель. — Она с тех пор никогда вперед не садится. Страшно, наверное.

— Володь, ты случайно не помнишь, когда это произошло? — спросила Юля.

— Помню. Август прошлого года, у меня только сын родился. Я на свадьбе работал, молодые были жутко прыщавые. Мы оба с Колчиной мучились, прыщи им замазывали, я в фотошопе, она — тональником. Я еще спросил — чего она на такси опять, а она пожаловалась, что улетела в кювет, и машина в хлам. А что?

— Да так, — равнодушно ответила Юля, взглянув на счет, — ничего, случайно наткнулась на бумаги. Получается, она и месяц на машине не покаталась?

— Ага, — ответил приятель, — и очень сокрушалась по этому поводу. Но по мне, этим бы и кончилось. Жанка очень рискованно гоняла, правил не соблюдала, я один раз с ней ехал и зарекся еще когда-нибудь сесть в ее машину. А чего ты хочешь, права-то ей хахаль купил.

Юля насторожилась.

— Панарин, что ли? — небрежно поинтересовалась она.

— А фиг его знает, — фыркнул Вершинин, — я ему в паспорт не заглядывал. Взрослый мужик, лет на пятнадцать-двадцать старше Жанки. По-моему, он ее и учил водить. Она поначалу очень боялась сама за руль садиться.

Поблагодарив, Юля повесила трубку и, допив остывший кофе, уставилась на договор о продаже машины. Смутный клубок не то предчувствия, не то отголоска воспоминания болтался на краешке сознания, не давая себя ухватить. Надеясь на помощь, Юля вновь набрала Шмелева, но он так и не ответил. Снова пролистав договор, Юля подумала, что эта бумажка дает ей прекрасный шанс навеститься к вдове и задать пару вопросов.

Охрана долго мурыжила Юлю у ворот, не желая пропускать на территорию особняка Панариных. Юля позвонила буквально за пять минут до того, как подъехать, убедившись, что хозяйка дома и никуда сбежать уже не успеет. К визиту она подготовилась основательно. Долго репетировала перед зеркалом, заехала в цветочный салон и закусочную, запасаясь гамбургером и кофе на вынос. Мало ли, сколько в засаде придется проторчать?.. Азарт, давно забытый, оставленный в прошлой, полуголодной жизни репортера, колот иголочками кожу, словно кислородный коктейль.

Дом, плохо просматривающийся за высоким кирпичным забором, ничем не выделялся среди своих собратьев по поселку. Тот же красный кирпич,

те же башенки и кованые завитушки на воротах из серии «дорого-богато» — стандартный безликий набор богача, без меры и вкуса. За забором торчали ели — зеленые и голубые, какие-то деревья, голые и неприбранные.

Юля поставила кофе в подстаканник, вышла из машины и решительно нажала на кнопку вызова охраны. После долгих препирательств, выяснения личности, ворота неохотно поползли в сторону. Юля въехала во двор, с кривой усмешкой отметив все то же варварское великолепие шаблонного дизайна.

Почему-то ей казалось, что дом произведет гнетущее впечатление, как готический замок Дракулы, но, к своему удивлению, ничего подобного не почувствовала. Дом как дом. Пошловатый, без изыска охранник, здоровый детина с неожиданно детским, смазливym лицом, проводил ее до крыльца. Прихватив букет темно-красных роз, она вошла в дом.

Если вдова и скорбела по супругу, никаких признаков этого Юля в доме не увидела. Из кухни пахло пирогами, в гостиной бодро вещал телевизор. Панарина встретила гостью в дверях, укутавшись в цветастую шаль поверх длинного, в пол, платья небесно-голубого цвета. Юля смотрела на нее во все глаза.

Прежняя бледная моль пропала, уступив место модной эффектной женщине. Панарина словно сбросила десять лет, и уж точно не казалась убитой горем. На ее губах блуждала легкая улыбка, словно она наслаждалась произведенным на гостью эффектом. Юля же мучительно припоминала: на «ты» она с хозяйкой или на «вы», и, наплевав на приличия, решила, что обстоятельства разрешают ей немного панибратства.

— Прими мои соболезнования, — сочувственно произнесла она, сунула в руки хозяйке букет и торопливо добавила: — Я бы не потревожила в столь скорбный час, но... Дела, дела... Есть пара вопросов, которые мне нужно утрясти в короткие сроки.

— Спасибо, — прошелестела Ирина бескровными губами, — но, честное слово, не нужно таких церемоний. Я же знаю, что ты Олега на дух не выносила.

— Олег был своеобразным человеком, — пожала плечами Юля.

— Да козлом он был, — невесело рассмеялась Ирина. — Козлом и бабником. Проходи. Будешь пирог со скумбрией?

— Буду, — храбро ответила Юля, — обожаю пироги со скумбрией. А заодно и о делах наших скорбных покалякаем.

Проводив гостью в столовую, совмещенную с кухней, Ирина стала накрывать на стол, не замечая, как Юля воровато оглядывается по сторонам. Пока Панарина резала пирог, она вынула из пластиковой папки договор о купле-продаже машины и протянула Ирине.

— Что это? — спросила та, нахмурившись. А пробежав глазами первую страницу, недоуменно посмотрела на гостью.

— Около года назад Олег купил в нашем салоне машину, — принялась вдохновенно врать Юля. — Но работал у нас на тот момент не очень чисто-плотный человек. Недавно я нашла эти документы, стала проверять и не могу найти перевода средств. Печать салона стоит, но нет ни чека, ни подписи Олега.

Ирина подала Юле кусок пирога на тарелке, налила чай и, вновь взяв документы в руки, пролистала договор. Ковыряя пирог вилкой, Юля ждала, пока Панарина дойдет до фамилии Колчиной.

Договор, естественно, был «липой», точнее, его финальная стадия. Распечатав последнюю страницу заново, Юля шлепнула печать, оставив место для подписи клиента чистым, а на линии подписи продавца черкнула невнятную закорючку, заново скрепила листы. Теперь казалось, что сделка не завершена, на что она и рассчитывала. Далеко не факт, что вдова пустила бы ее на порог исключительно из-за соболезнований. Открытые счета — совсем другое дело, особенно, если в них фигурировала фамилия соперницы. Юля рассчитывала, что ей удастся выбить Панарину из седла, и, судя по гримасе ненависти, на мгновение появившейся на безжизненном невзрачном лице, это удалось.

— Не понимаю, причем тут Олег, если машина оформлялась на Жанну, — холодно произнесла Ирина, протягивая Юле договор. — Может, попробуешь спросить у нее?

— За машину Олег платил, — вздохнула Юля. — Это точно. Откуда бабки у бедной визажистки? Понимаю, что тебе эта тема неприятна, но, может быть, ты посмотришь в бумагах мужа? Я ничего не буду забирать, мне просто нужна копия чека. А я попробую поискать еще. Будет хоть во что ткнуть носом бухгалтерию.

— С каких пор ты занимаешься финансами? — удивилась Ирина. — Ты ведь исключительно по маркетингу работала.

Для домохозяйки, почти не появляющейся в светском обществе, Панарина была чересчур хорошо осведомлена. Юля насторожилась и решила добавить гуши в образ сладкой идиотки.

— Кризис, — пожалала она плечами.. — Финансовый директор, видишь, какую кашу заварил и сбежал, теперь разгребаем, как можем. Ир, я тебя прошу, пожалуйста, поищи.

Панарина кивнула и вышла из комнаты. Взяв в руки чашку, Юля огляделась по сторонам. Что-то в обстановке этого дома ей не нравилось. Внешне все было пристойно, но какие-то отдельные детали выбивались из общей картины. Панарина подала чай в красивых фарфоровых чашках, в воздухе

впитал аромат свежего кофе, но рядом на столе стояла початая банка растворимого «Нескафе», а в мойке, донышком вверх, — дешевая кружка со знаком Весов. Юля торопливо дернула дверцу под мойкой и заглянула в мусорное ведро, разглядев в груде мусора небольшую квадратную коробочку темно-синего цвета. Хмыкнув, она торопливо вернулась на прежнее место.

— Я ничего не нашла, — сказала Панарина, входя в столовую. — Но я не везде посмотрела, где-то, наверное, еще документы валяются. Можно на работе спросить, вряд ли он притащил бы домой документы на покупку машины любовницы.

— Ты знала, что он спит с Колчиной? — сочувственно спросила Юля.

— Господи, да кто же этого не знал? — презрительно произнесла она. — Ленивый только. И каждый считал нужным открыть мне на это глаза. Она однажды даже сюда заявила, визжала под воротами как бешеная. Охрана выставила ее вон, а Олег побежал успокаивать эту неврастеничку.

Юля помолчала и даже положила руку на руку Панариной. Та сглотнула, часто задышала и задрала голову к потолку, смаргивая подступившие слезы.

— Что же сейчас будет со всем этим? — спросила Юля.

— Что ты имеешь в виду?

— Наследство, естественно. Дом, счета в банке, машины. Не думаю, что Колчина сдастся без боя.

— При чем тут Колчина? — удивилась Панарина. — Да, Олег не оставил завещания, но я, вообще-то, его законная жена. Разве у нас любовницы имеют права на нажитое?

— Имеют, — саркастически усмехнулась Юля, — если у них есть дети.

— Дети? Ты хочешь сказать...

— Ну да, Жанна родила дочь. Не знаю, от Олега или нет, но ребенок у нее есть. Если окажется, что это дочь Олега, она потребует свою долю. От нее чего угодно можно ждать, поверь мне.

Это была бомба, брошенная наугад. Подозрения взорвались в Юле почти сразу, а после мародерского набега на хозяйский мусор только укрепились. И теперь оставалось только ждать, когда хозяйка себя выдаст. Панарина сидела с отсутствующим видом, пялилась в стену и вроде бы даже синела.

— Ира, может, воды? — забеспокоилась Юля.

— Не надо... — слабо отмахнулась Ирина, но Юля все равно побежала к крану и набрала прямо из него воды в щербатую кружку со знаком Весов. Панарина послушно выпила воду, звякнув зубами о фарфор. — Ребенок, ну, надо же... Вот, значит, почему...

— Что — почему? — настойчиво спросила Юля.

— В последнее время на эту дрянь Олег стал тратить огромные деньги, — глухо произнесла Ирина. — Я, конечно, давно знала об их связи, но махнула рукой. Любовь прошла, мужики опостытели, а жизнь вполне устраивала. Так что мне было наплевать, с кем спит Олег. Подружки у него как перчатки менялись. Но эта продержалась дольше всех. Олег был словно околдован Жанной, даже во сне бормотал ее имя. Но примерно год назад что-то изменилось. Да, я помню, летом он лег в больницу, а после начались звонки Колчиной.

— Что она хотела?

— Денег, естественно, — усмехнулась Ирина. — Все и всегда упирается в деньги. Не знаю, сколько она хотела, но Олег после ее звонков ходил сам не свой, злился и орал. Я старалась не попадаться ему на глаза.

Юля погладила ее по плечу и, как бы невзначай, спросила:

— А в больнице он с чем лежал?

— Ребра сломал, — равнодушно ответила Панарина. — На стройке упал, где-то был пролет недоделан, ну, Олег со второго этажа и сверзился. И что его понесло на эту стройку вечером? Знаешь, мне кажется, она его шантажировала.

— Чем? Ребенком? Прости, конечно, но мне кажется, что Олега было трудно прижать к стене алиментами.

— Ты не поверишь, но Олег был до ужаса сентиментальным человеком, — вяло улыбнулась Ирина. — Детей очень любил и временами на детских площадках просто замирал, глядя на чужих отпрысков. Мы по молодости очень хотели детей, но не вышло. Два выкидыша подряд, потом я почти доносила, но на восьмом месяце попала в больницу, ребенок родился мертвым. Мы перестали пытаться. Врачи сказали, что больше я не выдержу. Олег очень переживал. Это на работе он был жестким, а в семье никого не хотел обидеть. Даже изменяя, старался деликатничать, задабривал меня подарками, впрочем, уж ты меня понимаешь.

— Что ты имеешь в виду? — с холодком спросила Юля.

— Да брось! Всем известно, какой ходок твой муж. Пожалуй, в нашей тусовке над тобой только я и не смеялась. Говорили, вроде бы все при ней: молодая, красивая успешная, а муж с какими-то бухгалтершами время проводит. Но он хотя бы все в дом тащил, своих девиц материально не обеспечивал.

То, что Панарина так ловко перекинула мяч на другую сторону, Юлю не обрадовало. Впрочем, куда больше ее огорчило, что добрая часть города обсуждает ее семью. Она холодно улыбнулась, глядя в голубые льдинки глаз Ирины, сверкающие безудержным, злым весельем, и отбила подачу:

— Как интересно... Никогда бы не подумала, что моя личная жизнь так интересует посторонних.

— Всех интересует, как дела у других, потому что свои скелеты никто на свет вытаскивать не хочет. Поэтому я особо никуда и не хожу: не люблю в грязи копаться. Тем более что про Колчину все знали, а я не собиралась выглядеть слепой идиоткой.

— Да, ты больше смахивала на Рапунцель, запертую в башне. Но почему ты считаешь, что Жанна шантажировала Олега дочерью?

— Ну, это логично. Родила ребенка, потребовала содержание, получив отказ, поставила перед фактом — плати или никогда ее не увидишь, — Ирина покачала головой и устало вздохнула: — Честно говоря, ты меня огорошила. Мало мне было проблем... Мне и без того каждый день звонят разные люди и чего-то требуют, а мне нечего ответить, я боюсь отвечать, боюсь выходить из дома и мечтаю, чтобы все закончилось. А теперь еще оказывается, что Олег все тянет и тянет меня вниз своими делишками. Теперь еще и дочь... Ладно. Если Колчина докажет отцовство Олега, я возражать не стану, пусть забирает все, что положено. Дети — это святое.

— Ты права, — вздохнула Юля и, спохватившись, сконфуженно попросила: — Можно воспользоваться твоей ванной?

— Конечно. По коридору налево.

Оказавшись в ванной, Юля пустила воду, торопливо огляделась по сторонам, открыла шкафчик и почти сразу увидела все, что хотела. Закрыв кран, и зачем-то вытерев совершенно сухие руки о полотенце, она вышла прощаться с хозяйкой.

Панарина проводила ее до дверей. Стоя на крыльце, Юля изобразила сердечность, которую вовсе не чувствовала.

— Спасибо за помощь, — произнесла она, вспомнив о фальшивой цели своего визита. — Если все-таки найдешь договор и счет, буду тебе очень признательна.

— Не за что, — улыбнулась Ирина. — Тебе спасибо, что пришла. Ко мне сейчас мало кто заходит. Женя, проводите Юлию.

Юля обернулась. Ворота уже открывались, и перед ними маячил охранник, хмуро смотревший на гостью. Она мотнула подбородком в его сторону и заметила:

— Может, Рапунцель пора выйти из башни? Зачем тебе охрана?

— Олега все-таки убили, — жестко ответила Ирина. — И я не знаю, кто и за что. Так что пока могу позволить себе защитников, буду им платить, так спокойнее.

Домой Юля не поехала. До конца рабочего дня было еще далеко, Валерий наверняка явится так поздно, как сможет, и им вновь придется изображать счастливое семейство перед Танькой. Конечно, можно не пытаться

ся, но дура-сестрица не упустит шанса вцепиться когтями в новоявленную сенсацию. Как же, идеальная Юлечка не ладит с таким же идеальным мужем, и вообще у них дело может дойти до развода. Не успеешь опомниться, как вся родня будет в курсе. А свою родню Юля хорошо знала и терпеть не могла. Полежут, упыри, из всех щелей, фальшиво сопереживая и брызгая ядом. Недолго думая, она развернулась и поехала к родителям.

Небольшой дом, не в пример Панаринскому особняку, показался Юле давно оставленной пристанью, где она могла выдохнуть полной грудью, не скрывая клокочущей внутри боли. Приткнув машину у ворот, она отворила калитку, и по дворовой дорожке пошла к дому и поднялась на крыльцо.

Мать на кухне мыла посуду и не стала отрываться от своего занятия, подставив щеку для поцелуя. Отца не было, наверняка сидел у соседа в гараже, обсуждая политику. После выхода на пенсию он заскучал, стал мало двигаться, растолстел, бесцельно пялился в телевизор, пока дочь не придумала ему хобби — алмазную вышивку. Теперь отец полдня сидел за столом и, щурясь, выкладывал на полотне крохотными акриловыми камешками тигров, павлинов и цветы.

— Чего это ты в середине рабочего дня? — удивилась мать. — Или строительство мирового капитализма отложили?

— Мировой капитализм обойдется сегодня без меня, — отмахнулась Юля и заглянула в духовку. — Что печешь?

— Шарлотку. Яблоки купила неудачные, больше половины — гниль, вот тебе и импортозамещение, все-таки молдавские и польские были лучше. Ну, не пропадать же добру. Перечистила, вырезала лишнее, тесто замесила... Есть будешь?

— Я не голодная, — ответила Юля. — Чаю выпью. Подожду только, пока допечется.

— Это вторая, вон, под полотенцем остывшая, — не поворачиваясь, сказала мать. — А что останется, домой заberi, Валерку с Танькой угостишь. Как там Танька, кстати? Не надоела?

— До чертиков, — буркнула Юля. — Пора гнать, а то она быстро обжигается. По-моему, Танька не понимает, что здесь себе карьеры не сделает, особенно если спать до двенадцати, до двух краситься и после идти на приемы. Откуда у нас столько приемов?

— Галка вчера звонила, интересовалась, не обижаем ли мы ее доченьку, — усмехнулась мать. — А я уже чуть ли не поспорить готова, на сколько тебя еще хватит. Надеюсь, она перед мужем твоим задницей не крутит? А то с нее стается.

— Мам... — начала Юля и замолчала.

Ей нужно было выговориться, склонить измученную голову на материнскую грудь и поплакать, поскольку раскиснуть кроме как в отчем доме

больше было негде, не рыдать же на своей кухне под перекрестными взглядами мужа и сестры. Это и вовсе будет невыносимо.

Мать, почуяв неладное, подошла к столу, отрезала кусок пирога, налила чай дочери и себе и, сев на стул, коротко спросила:

— Ну? Что случилось?

— Мам, — спотыкаясь на каждом слове, проблеяла Юля. — А когда ты узнала, что отец тебе с тетей Ирой изменяет, что почувствовала?

Мать сжала губы и посмотрела на дочь потемневшим взглядом.

— Ярость, — медленно протянула она, отхлебнула чай и добавила. — И... брезгливость, что ли. Я бы поняла, кабы он на Шэрон Стоун глаз положил, а эта... — махнула она рукой.

Юля ее отлично понимала. Несколько лет назад отец решил гульнуть, и гульнул так лихо, что левак на стороне превратился в нечто вроде вяло-текущего романа. В качестве любовницы была избрана подруга матери, лучшая... Хотя это было громко сказано, просто подруга, да и то, если б не ее настойчивые визиты в дом Быстровых, дружба давно сошла бы на нет, очень уж разными были эти женщины: красавица-интеллектуалка Елена Быстрова и совершенно неинтересная, глуповатая и пьющая Ирина Оленина. Почему отец кинулся к Олениной, для которой и яичницу-то приготовить было верхом кулинарного искусства, Юля понимать отказывалась. Да и самого романа понять не могла. Разве это роман? Никаких цветов, романтики, прогулок под луной, упаси боже! Просто секс двух немолодых людей.

— Почему ты его простила, мам? — тихо спросила Юля. — Как ты могла после тридцати с лишним лет брака — простить?

— А что мне оставалось? — безразлично спросила мать. — Уйти?

— Хотя бы.

— Куда? К тебе? К брату твоему уехать в Красноярск? Или к бабушке под бок? Бросить все и оставить дом, хозяйство, даже наших собак — ей? И что потом? Тешить себя мыслью, что я очень гордая? У нас ведь почти до развода дошло, но я сказала — давай, но мне идти некуда. Хочешь жить с ней — уходи сам. А Вовка сообразил, что в этом случае никто из детей ему руки не подаст, а уж о стакане воды на смертном одре можно было и подавно забыть. Ты бы отца простила, если бы он ушел?

— Никогда, — покачала головой Юля. — Ты права.

— Вот потому мы и остались вместе. С годами все пообтесалось, и я... не то чтобы простила... скорее, примирилась. Но не забыла. — Мать пристально посмотрела на Юлю и мягко спросила: — У Валерки любовница?

— Любовницы, — горько ответила она. — Не впервые. И, думаю, не в последний раз. Люди смеются, мама. Я догадывалась, конечно. А он даже

отпираться не стал. Они ему, видите ли, нужны для самоутверждения, чтобы не чувствовать себя кастратом. А что при этом чувствую я, никого не волнует.

Юля громко разрыдалась, а мать молчала и только гладила дочь по трясущейся голове.

— Разводиться будешь? — наконец спросила она и, не дождавшись ответа, добавила: — Ты ведь его любишь.

— Я уже ничего не знаю, люблю или не люблю. Мне хочется разогнаться посильнее и вмять его в стенку. Что мне делать?

— Ну... Если хочешь уйти, возвращайся сюда, или можно с твоей старой квартиры жильцов согнать, правда, вряд ли ты после своих хором захочешь в хрущевке жить. Можешь помириться, попробовать поговорить. Главное, горячку не пори и не делай ничего в таком состоянии. Кто его хахельша, знаешь?

— Нет, — всхлипнула Юля. — Бухгалтерша какая-нибудь, он к аристократам не клеится, проблем много. Но можно вычислить.

— Не вздумай. А если случайно узнаешь, отношения не выясняй, не унижайся.

— И не собиралась, — буркнула Юля. — Разберусь как-нибудь. Надо все-таки от сестрицы избавляться, пока она не понесла в массы весть о нашем разрыве.

— Правильно, — одобрила мать. — Главное, не суетись и думай. Хотя, господи, кого я учу? Ты же всегда была самой умной из моих детей.

В этот момент в сумке завибрировал мобильный, а потом донесся веселенький мотивчик. На экране высветилась Никиткина фотография. Юля поднесла сотовый к уху.

— Привет, — торопливо поприветствовал ее приятель. — Искала меня?

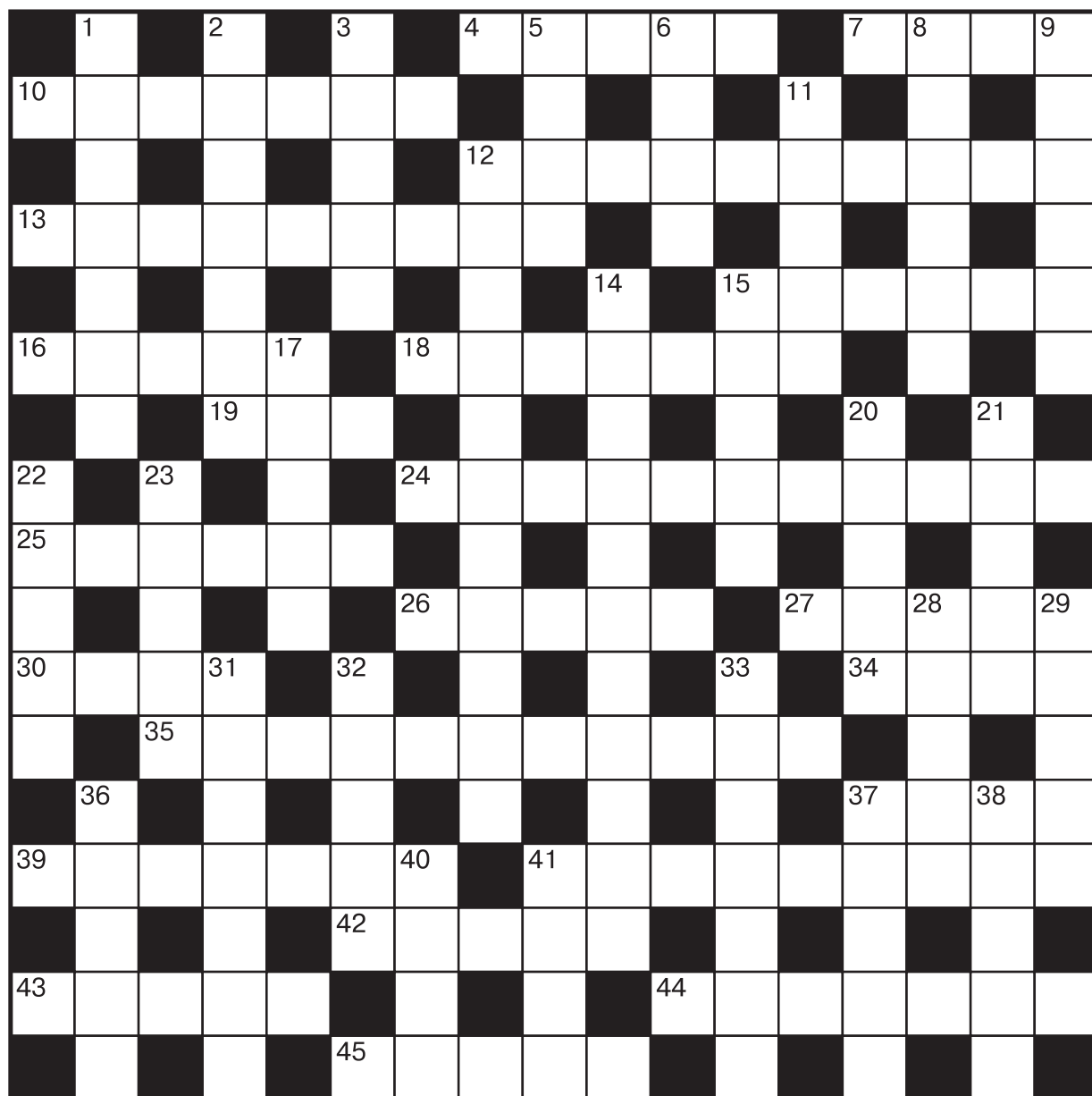
В его голосе она почуяла тревогу и что-то вроде испуга и заволновалась.

— Искала, — подтвердила Юля. — У меня новости.

— У меня тоже, — мрачно ответил Никита. — Да еще какие! Закачаешься! □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Кто из прыгунов первым преодолел высоту 6 метров? **7.** Речь торжественного фона. **10.** За каким стихотворным размером скрывается палец? **12.** «... обстановки». **13.** Первый в мире ... поднялся в воздух 26 января 1911 года. **15.** Что у балерины на ногах? **16.** Кто из наших секс-символов сы-

грал милиционера в боевике «Красная жара»? **18.** Блеск для волос. **19.** «Выпускник» ЗАГСа. **24.** Кем работает герой фильма «Шербурские зонтики»? **25.** Шекспировский ревнивец. **26.** Кому из богов славяне когда-то оставляли на сжатом поле несколько колосков? **27.** Основа дюны. **30.** Самая большая птица из фанта-

стической повести «Алиса и три капитана» Кира Булычева. **34.** Что подогревают к сету из роллов? **35.** «Самовар командировочного». **37.** Хлебная культура среди васильков. **39.** Город первого «непорочного зачатия». **41.** Досуг в поисках музыкальных кумиров. **42.** Сериальный актер Александр ... собирался уйти в монахи. **43.** Чехол для охладевшего ко всему оружия. **44.** Фасадные украшения здания. **45.** Петля на шее бизнеса.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой пряной травой можно снять высокую температуру? **2.** На кого положила глаз героиня комедии «Полосатый рейс»? **3.** Головной убор на джентльмене. **5.** Какая планета «объединила» шекспировских Джульетту и Дездемону? **6.** Дамский преферанс. **8.** Какие очки носил американский президент Франклин Рузвельт? **9.** Что на Мадагаскаре не принято оставлять ни

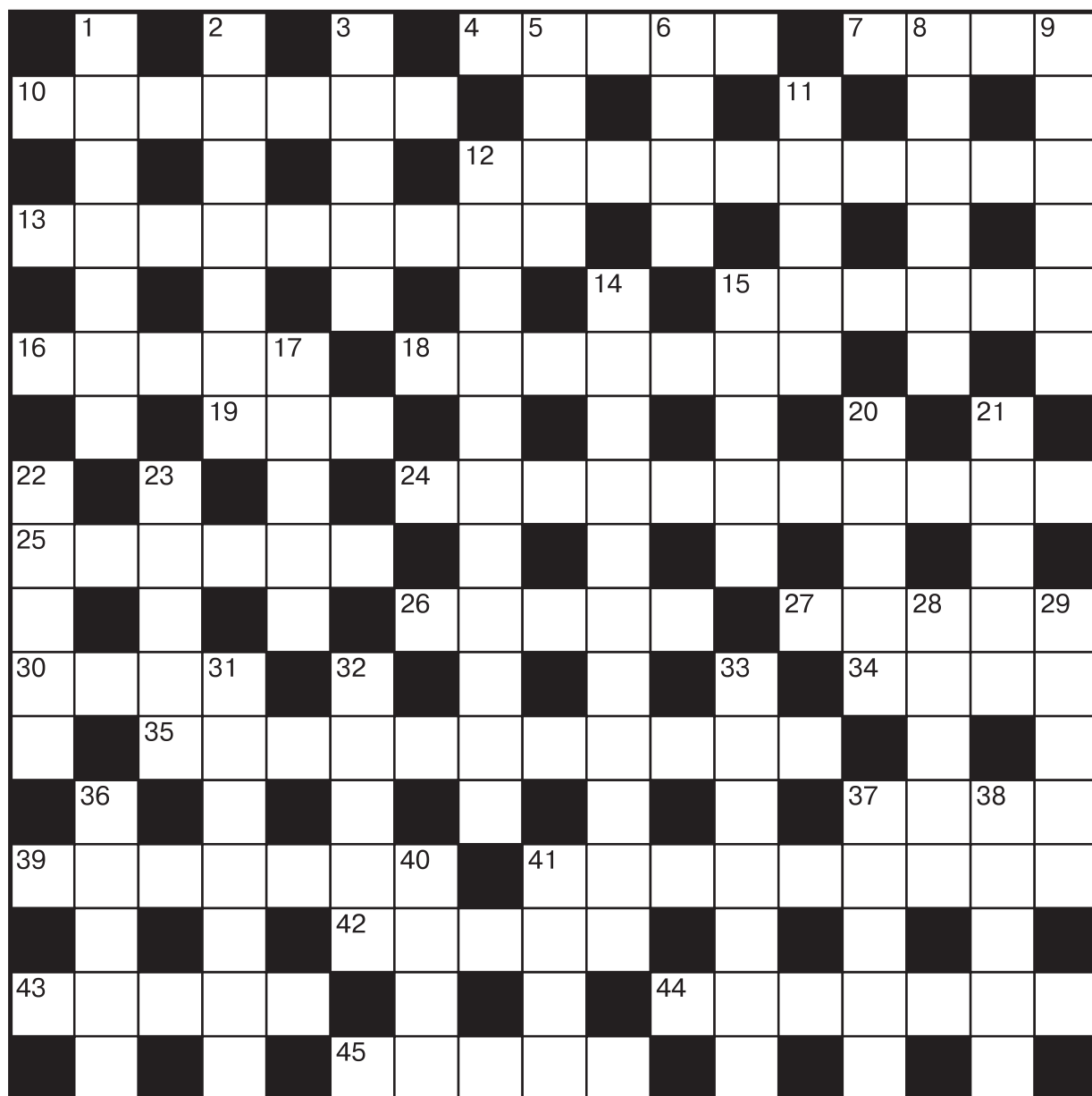
в каких заведениях? **11.** Какую звезду Голливуда панические атаки вдохновили на написание книги «Я сильнее своих страхов»? **12.** Характеристика движения. **14.** «Дороже вас у меня вот уже несколько дней никого нет» (герой из «Служебного романа»). **15.** Протестанты с плакатами. **17.** «Занавеска» к шляпке. **20.** Брезент над мангалом. **21.** Какая котлета на шайбу похожа? **22.** С какой оперой связан рассказ Виктора Астафьева «Ария Каварадосси»? **23.** Что образуют пятнадцать сонетов? **28.** «Клуб по интересам» у богемы. **29.** Каморка в стенах обители. **31.** Перед каким английским поэтом всегда преклонялся Марк Твен? **32.** «Окрыленное долото». **33.** Кто пришел к власти в Чили после военного переворота 1973 года? **36.** Кислятина в цедре. **37.** Отрезок времени в боксе. **38.** Подарок матери ребенку. **40.** Брусок на раковине. **41.** Роддом идей.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Почва. **6.** Гудвин. **10.** «Варяг». **12.** Мерчендайзер. **13.** «Пилар». **15.** Конструкт. **17.** Сага. **20.** Суп. **21.** Обычай. **22.** Шип. **24.** Филе. **26.** Казус. **28.** Квалитет. **29.** Страйк. **30.** Бал. **31.** Бык. **33.** Губач. **34.** Сокол. **37.** Койот. **39.** Лорен. **40.** Габорио. **41.** Эскиз. **42.** Горио. **43.** Пикассо. **44.** Херувим. **45.** Роман. **46.** Чадра.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Вадим. **2.** Пятак. **4.** Одесса. **5.** Вечерник. **7.** Удав. **8.** Визуализатор. **9.** Нержавейка. **11.** Оникс. **14.** Розарий. **16.** Тубус. **18.** Порка. **19.** Бывалый. **23.** Палач. **25.** Иерусалим. **27.** Ствол. **30.** Басорама. **31.** Бобслей. **32.** Косинус. **35.** Колокол. **36.** Левитан. **38.** Миксер. **43.** Пик.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Французский криминалист мирового уровня, чей метод графической экспертизы у нас долго отвергался как буржуазный. **7.** Угольная крошка. **10.** В каком созвездии древние видели двух собак и человека? **12.** «Запойный» недуг. **13.** Зайчонок летнего припло-

да. **15.** Кто в 70-х годах прошлого века был самым быстрым человеком на земле? **16.** Поэт-отшельник из «обитатели банановых листьев» у японцев. **18.** Механизм против сбоя воспроизведения. **19.** «Недостроенная рука» из покера. **24.** В какой из московских монастырей заточили царевну

Софью? **25.** Итальянский сыр из коровьего молока. **26.** Северная одежда из оленьих шкур. **27.** Хрюкающая родня ставриды. **30.** Отец Тантала. **34.** Французский хирург, заменивший прижигание мазевой повязкой. **35.** «Луговая рута», что помогает заживлять язвы на коже. **37.** Ангельская массовка. **39.** Шапочка под чалму у персов. **41.** Мексиканский народный танец. **42.** Иммигрант в древнегреческом городе. **43.** Аист из Южной Америки, способный выбросить своего больного птенца из гнезда. **44.** Рыбацкий узел. **45.** Какой из кубинских музыкальных инструментов состоит из двух барабанов – самца и самки?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Создатель циклотрона. **2.** Бог ветров прежде у славян. **3.** Главная фишка марокканской кухни. **5.** Любимый композитор Жана Кокто. **6.** «Розовое шампанское» из Грузии. **8.** «Внезапная ломка» сюжета в японской классической

литературе. **9.** Пиво из проса у негров Южной Африки. **11.** «Счастливая еда» у корейцев. **12.** Наука медицинской этики. **14.** Какой гриб растет на технической древесине? **15.** Один из двух героев самого популярного в мире польского мультсериала. **17.** Низший служитель приказа в Российской империи. **20.** Стиль джаза. **21.** Портативное устройство вызова. **22.** «Пламенная процедура» повышения энергетики человека. **23.** В каком городе первопечатник Иван Федоров выпустил первую славянскую «Азбуку»? **28.** Народ из Книги пророка Иезекииля. **29.** Город Эсмеральды и Квазимодо. **31.** Морской карась. **32.** Ковер ручной работы. **33.** Мыльные бобы. **36.** На каком острове можно посетить музей с коллекцией монет, найденных на затонувших кораблях? **37.** Святилище античного храма. **38.** «ДТП» во время лодочной регаты. **40.** Ладожское озеро в Древней Руси. **41.** Арфа с Ближнего Востока.

Ответы на эрудит, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Тукан. **6.** Ассара. **10.** Мабуя. **12.** Полентаматик. **13.** Брида. **15.** Алькермес. **17.** Шпут. **20.** Ким. **21.** Погост. **22.** Саз. **24.** Аджр. **26.** Сарос. **28.** Орехокол. **29.** Дыхало. **30.** Доу. **31.** «Шах». **33.** Порей. **34.** Оолог. **37.** Манул. **39.** Кадис. **40.** Сиртуин. **41.** Груши. **42.** Герса. **43.** Кубелек. **44.** Велнесс. **45.** Канси. **46.** Дасью.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Каури. **2.** Вурда. **4.** Улочка. **5.** Алегриас. **7.** Сом. **8.** Автоподзавод. **9.** Аскетирон. **11.** Штрек. **14.** Аластор. **16.** Синод. **18.** Эпсом. **19.** Агремман. **23.** Забой. **25.** Норовирус. **27.** Сырок. **30.** Дестреза. **31.** Шамраев. **32.** Хуашань. **35.** Лаверак. **36.** Гиксосы. **38.** Витень. **43.** Кси.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2025 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 255 рублей 20 копеек	За 1 номер — 289 рублей 30 копеек
За полугодие — 1531 рублей 20 копеек	За полугодие — 1735 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет 30101810400000000555							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044525555 Код ОКПО 11396455							
	<small>другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>						
Расчетный счет 40702810410150414401								
ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>								
Корреспондентский счет 30101810400000000555								
ИНН 7714026110 КПП 771401001								
БИК 044525555 Код ОКПО 11396455								
<small>другие банковские реквизиты</small>								
Адрес:								
Ф.И.О.								
<table><tr><td>Вид платежа</td><td>Дата</td><td>Сумма</td></tr><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»		
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется
в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

! ВНИМАНИЕ!

Анонс на №2-2025

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

«Сергей Петрович Боткин — еще один из плеяды великих русских врачей, выведших российскую медицину из почти средневекового состояния в одну из наиболее развитых в мире. Выдающийся врач-терапевт, один из основоположников физиологического направления русской научной клинической медицины, крупный общественный деятель, надворный советник, лейб-медик императрицы Марии Александровны. Именно он создал первую бесплатную больницу, и его именем названа известная всем Боткинская больница в Москве. Но все давалось не сразу и не просто...

Светлана Марлинская **«Великий клиницист»**

«Об удивительной судьбе Михаила Семеновича Воронцова написано немало книг и статей. Хорошо известен факт, когда он, назначенный Александром I командующим русским корпусом во Франции, приказал отменить телесные наказания для солдат, а после приказа о выводе войск обошел все парижские банки и, забрав у них долговые расписки, расплатился по всем долгам русских офицеров и солдат...

Александр Ралот **«Полу-мудрец, полу-невежда»**

«Широко раздвигала в семнадцатом столетии свои границы Россия. Через всю Сибирь шли отчаянные, сильные духом русские люди, открывая и познавая новые земли. Бродили неясные слухи о Теплом море, к которому можно выйти, если идти на восток. Может, берег этого моря и есть край Земли?..

Виктор Елисеев **«К морю-океяну»**

«Яркая, талантливая и очень ранимая, Ирина Старшенбаум буквально ворвалась на киноэкраны, сыграв главную роль в фантастическом фильме Федора Бондарчука «Притяжение». Дальше последовали не менее заметные работы: «Т-34», «Общага», «Медиатор», «Огниво» и другие картины. Она нашла ключ к сердцу зрителей — это честность во всех своих проявлениях, за которую она получила премию «Тэффи» и кинонаграду «Золотой орел». В интервью «Смене» она говорит о кино, о любви, об искусстве и о многом другом.

Беседа журналистки Наталии Покачаловой с актрисой Ириной Старшенбаум

Окончание детектива Георгия Ланского **«Синий лед»**